

Научно-аналитический журнал

Православие в Балтии

№ **9** (18)

Научно-аналитический журнал

Православие в Балтии

№ **9** (18)

ISSN 2255-9035

Rīga 2020

Pravoslāvie v Baltii (Pareizticība Baltijā), Nr. 9 (18)

Zinātniski analītisks žurnāls

Rīga: LU Filozofijas un socioloģijas institūts, 2020, 200 lpp.

Православие в Балтии, № 9 (18)

Научно-аналитический журнал

Rīga, LU Filozofijas un socioloģijas institūts, 2020, 200 lpp.

Главный редактор:

Гаврилин Александр Валентинович

Редакционный совет:

Назарова Евгения, канд. ист. наук (Россия)

Шор Татьяна, Dg. phil. (Эстония)

Пермяков Виталий, Dg. theol. (США)

Миронович Антони, Dg. hab. hist. (Польша)

Епископ Каракасский и Южно-Американский Иоанн (Берзиньш) (Аргентина)

Круминя-Конькова Солвейга, Dg. phil. (Латвия)

протоиерей Александр Берташ, кандидат богословия,

кандидат искусствоведения (Германия, Россия)

Богоявленская Светлана, Dg. hist. (Германия)

Пазухина Надежда, Dg. art. (Латвия)

Секретарь редакционного совета:

Андрей Гусаченко (Латвия)

Ответственный редактор: Надежда Пазухина

Редактор-корректор: Маргарита Гаврилина

Компьютерная верстка: Марис Кулис

Publicēts saskaņā ar LU Filozofijas un socioloģijas institūta

Zinātniskas Padomes 2019. gada 5. decembra lēmumu V12.1/06.

Все присланные материалы проходят процедуру анонимного рецензирования и утверждения редакционным советом.

Редакция не отвечает за точку зрения авторов статей, за опубликованные авторами материалы. Право на публикацию представленных авторами материалов принадлежит редакции. Представленные в редакцию материалы авторам не возвращаются. Переиздание материалов журнала возможно лишь с разрешения редакции.

На обложке: Храм во имя Святого благоверного князя Александра Невского в Стамериене (Латвия). Фото Dāvis Kļaviņš, 2011 (CC BY-NC-SA 2.0)

Pravoslavie v Baltii (The Orthodoxy in the Baltics), Nr 9 (18)

Scientific-analytical journal

Riga, University of Latvia, Institute of Philosophy and Sociology, 2020, 200 p.

General Editor:

Alexander Gavrilin, Dr. hist., Associate Professor (Latvia)

Editorial Board:

Evgeniya Nazarova, Dr. hist. (Russia)

Tatjana Shor, Dr. phil. (Estonia)

Vitaly Permyakov, Dr. theol. (U.S.A.)

Antoni Mironowicz, Dr. hab. hist. (Poland)

John (Berzins), Bishop of Caracass and South America (Argentina)

Solveiga Krumina-Konkova, Dr. phil. (Latvia)

Alexander Bertash, archpriest, Dr. Art, Dr. Theol. (Germany, Russia)

Svetlana Bogoyavlenskaya, Dr. hist. (Germany)

Nadezhda Pazuhina, Dr. art. (Latvia)

Editorial Board Secretary:

Andrejs Gusachenko (Latvia)

Editor-in-chief: Nadezhda Pazuhina

Literary editor: Margarita Gavrilina

Layout: Maris Kulis

Pravoslavie v Baltii is a double-blind peer reviewed periodical with international editorial board. The aim of the magazine is to reflect the history of the church in the Baltic region in an objective manner. The publication does not have denominational restrictions, and it is not controlled by spiritual or secular censorship. It is published at least once a year in Russian and English. Published materials cannot be reproduced without permission from the editor or editorial board.

© Latvijas Universitātes Filozofijas

un socioloģijas institūts, 2020

© Aleksandrs Gavriļins, 2020

© Rakstu autori

ISSN 2255-9035

Этот выпуск журнала посвящен памяти профессора Александра Валентиновича Гаврилина, бессменного главного редактора «Православия в Балтии», трудами и стараниями которого был собран уникальный, разноплановый материал десяти номеров этого издания. До самого последнего дня его заботила судьба журнала, в который было вложено так много сил – физических и моральных.

Преждевременный уход Александра Валентиновича стал печальным поводом к размышлениям о дальнейшей стратегии издания журнала в рамках исследовательской работы Института философии и социологии Латвийского Университета. В подготовке типографского варианта этого номера в рамках проекта поддержки начинающих ученых принимали участие докторанты и молодые исследователи института. Серия специальных семинаров, посвященных проблемам изучения истории и культурного наследия православия в Латвии и странах Балтии, стала продолжением дискуссий о круге исследовательских задач молодых ученых и возможных путях развития журнала.

В память об Александре Валентиновиче мы оставили без изменений традиционную структуру номера, последовательность статей и содержание предисловия, которое было написано еще до скорбного события. Лишь один раздел этого номера не входил в первоначальный замысел. Но именно размышления *In memoriam* – очевидное свидетельство незримого присутствия Александра Валентиновича в качестве собеседника, оппонента, друга и наставника в жизни очень многих людей. Мы благодарны авторам за искренние и сердечные слова памяти. Выражаем глубокую благодарность всем авторам журнала за многолетнее сотрудничество, отзывчивость и интересные материалы. Низкий поклон Маргарите Анатольевне Гаврилиной за помощь и поддержку в подготовке этого номера, Марису Кулису – за неизменный профессионализм и доброжелательность, а также Андрею Гусаченко, усилиями которого издание приобрело свой современный облик. Остается выразить надежду на продолжение сотрудничества с постоянными авторами, а также на расширение круга авторов и читателей «Православия в Балтии» – издания, сохраняющего независимый взгляд на события истории православия и значение культурного наследия православия в странах Балтии.

Šis žurnāla izdevums veltīts tā galvenā redaktora profesora Aleksandra Gavriļina piemiņai. Viņa ieguldījums pareizticības vēstures pētījumos un pareizticības kultūras mantojuma popularizēšanā ir bijis milzīgs, profesors bija šī izdevuma zinātniskā dvēsele. Pēc viņa aiziešanas mūžībā aktualizējās jautājums par žurnāla izdošanas turpināšanas ceļiem LU Filozofijas un socioloģijas institūtā. Šī numura sagatavošanā iespēšanai tipogrāfijā tika iesaistīti jaunie pētnieki, kā arī tika organizēta semināru sērija, kurā līdzās pieredzējušajiem zinātniekiem piedalījās jaunatne – snieguma finansējuma saņēmēji – pētnieki un doktoranti, vēsturnieki, filosofi, kas, seminārā apspriežot žurnāla turpmāko stratēģiju, darbu turpmākā izdošanā izprot kā savas zinātniskās izaugsmes sastāvdaļu.

Содержание / Contents

Предисловие / Introduction 7

Научные статьи / Scientific articles

Антони Миронович (Польша)

Antoni Mironowicz (Poland)

Церковные унии в Польше и Литве и их последствия 11
Church unions in the lands of the Great Duchy of Lithuania
and in Poland and their consequences

Прот. Александр Берташ (Германия, Россия)

Archpriest Alexander Bertash (Germany, Russia)

Архитектура и строительство храмов Рижской
епархии при епископе Филарете (Филаретове) 37
The architecture and construction of Orthodox Churches in
the Riga diocese with Bishop Filaret (Filaretov)

Александр Гаврилин (Латвия)

Alexander Gavrilin (Latvia)

Священноисповедник Агафангел (Преображенский) на Рижской кафедре 47
Saint Martyr Metropolitan Agafangel (Preobrazhensky) during his service in Riga

Ирина Пярт (Эстония)

Irina Pärt (Estonia)

Восстановление Ревельского викариатства в 1917 г. и выборы епископа как
проявление «церковной революции» в Рижской епархии 59
The restauration of the Reval suffragan diocese in 1917 and the elections of
the bishop as an expression of ‘church revolution’ in the Riga diocese

Андрей Кострюков (Россия)

Andrey Kostryukov (Russia)

К вопросу о прославлении Русской Зарубежной
Церковью инославных христиан. 73
On the question of glorification of non-Orthodox
Christians by the Russian Church Abroad

Иван Петров (Россия)

Ivan Petrov (Russia)

Из оккупированного Орла в Литву – личность на фоне эпохи:
путь священника Александра Данилушкина. 81
From Orel to Lithuania – the biography of Russian priest Alexander Danilushkin

Александр Корнилов (Россия) <i>Alexander Kornilov (Russia)</i>	
Служил ли протоиерей Евгений Лызлов в Даугавпилсе?	93
Did archpriest Yevgeny Lizlov serve in Daugavpils?	
Наталья Собина, Константин Обозный (Россия) <i>Natalya Sobina, Konstantin Oboznyj (Russia)</i>	
Миссионерская и просветительская деятельность протоиерея Кирилла Зайца в 1898–1933 гг.	101
Archpriest Kirill Zaits's missionary educational activity within 1898–1933	
Михаил Шкаровский (Россия) <i>Mikhail Shkarovsky (Russia)</i>	
Русские церкви в Финляндии в 1920-е – 1945 гг.	123
Russian churches in Finland in the 1920s–1945	
Сергей Мянник (Эстония) <i>Sergey Mannik (Estonia)</i>	
Митрополит Таллинский и вся Эстония Корнилий (Якобс).	129
Metropolitan of Tallinn and All Estonia, Cornilius (Jakobs)	
Татьяна Шор (Эстония) <i>Tatjana Shor (Estonia)</i>	
Архив бывших воспитанников Рижской духовной семинарии в Эстонии	139
Archive of former students of the Riga Orthodox Seminary in Estonia	

Мемуары / Memoirs

Немного воспоминаний о Рижской духовной семинарии	151
Some memories of the Riga Orthodox Seminary	

Публикация документов / Document publications

Документы о замещении Ревельского викариатства Рижской епархии в 1917–1918 гг.	161
Documents about the bishop's appointment in the Reval suffragan diocese of the Riga diocese in 1917–1918	

In memoriam

Анатолий Кинстлер (Германия). Александр Валентинович Гаврилин. <i>In memoriam</i>	193
Наталья Большакова-Минченко (Латвия). Подвиг добрый. Светлой памяти Александра Гаврилина	195
Антони Миронович (Польша). Размышления о моем друге.	197
Иван Петров (Россия). Три встречи с профессором Гаврилиным.	198

Премственность архиерейской власти, восходящая к ученикам Господним, является неопровержимым свидетельством жизнеспособности православия. Дерево, насажденное Спасителем 2000 лет назад, и по сей день сохраняет жизненные соки, несмотря на многочисленные бури и невзгоды, беспрестанно угрожающие Господнему насаждению. Однако немаловажным фактором является и добросовестность садовников – архиереев, поставленных Христом ухаживать за деревом православной Церкви.

К сожалению, иногда мирские «ценности», вкупе с тщеславием, ослепляют верховных служителей, застилая пеленой саму суть, во имя которой и поставлены служить архипастыри. Это компрометирует православие в секулярном обществе «овец не двора своего» и негативно отражается на неофитах. Но по милости Божией во все времена сохраняются достойные садовники, рачительно ухаживающие за Господним насаждением. Подтверждение этому – сонм новомучеников в земле Российской просиявших, наполненный бессмертными душами архиереев и мирян, принявших мученический венец во славу Господню. Кто знает, быть может только по их молитвам мы, погрязшие во грехах, до сих пор избегаем гнева Господнего. В свою очередь, и нам необходимо молиться о послании верховных «делателей жатвы», ибо от них зависит жизнеспособность и цельность православной Церкви в эпоху мирских бурь и вызываемых ими расколов.

Так получилось, что лейтмотивом 9-го номера журнала стали жизнеописания церковнослужителей. Но прежде чем при-

ступить к ознакомлению с содержанием, от имени редакции поздравляем нашего многолетнего автора и члена редколлегии профессора Антони Мироновича с минувшим 60-летним юбилеем. К сожалению, часто бывает, что радостные и скорбные события в жизни идут рука об руку. Желая «многая лета» юбиляру, мы выражаем ему же глубочайшие соболезнования в связи с утратой отца и молим Господа об упокоении души новопреставившегося.

Первая статья нового номера – публикация польского историка, вышеупомянутого профессора Антони Мироновича, в которой автор анализирует проблематику Церковных уний в Польше и Литве в достаточно широкой ретроспективе (XIII–XX вв.), отдельное внимание уделяя их последствиям.

Статья протоиерея Александра Берташа, древлехранителя Берлинско-Германской епархии, ведущего искусствоведа петербургского архитектурного бюро «Литейная часть – 91», представляет собой достаточно подробный обзор, посвященный вопросам церковного строительства в период управления Рижской епархией епископом Филаретом (Филаретовым) в 1878–1882 гг.

Главный редактор журнала – латвийский историк Александр Гаврилин, предложил для публикации статью, в которой рассматривается рижский период биографии выдающегося иерарха Русской Православной Церкви митрополита Агафангела (Преображенского), 1854–1928.

Автор из Эстонии, старшая научная сотрудница Института теологии Тартуского

университета Ирина Пярт, любезно предоставила к публикации материал, раскрывающий аспекты процесса образования Ревельского викариатства и избрания о. Павла Кульбуша епископом в 1917 г.

Следующей статьёй номера стала публикация российского историка, ведущего научного сотрудника, доцента Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета Андрея Кострюкова, в которой автор рассматривает проблематику канонизации инославных христиан в лике святых Русской Зарубежной церкви, отдельное внимание уделяя прославлению уроженца Латгалии – католика Алоизия Труппа, убиенного вместе с семьёй Царственных мучеников.

Постоянный автор нашего журнала, российский историк, заведующий кафедрой церковно-исторических дисциплин Свято-Филаретовского православно-христианского института Константин Обозный и сотрудница богословского факультета этого же института Наталья Собина, предоставили совместную работу, в которой рассказывается о многогранной миссионерской и просветительской деятельности о. Кирилла Зайца в 1898–1933 гг.

Российский историк, профессор Нижегородского государственного университета и заместитель председателя Нижегородского отделения Императорского Православного Палестинского Общества Александр Корнилов подготовил статью, посвящённую исследованию вопроса о служении протоиерея Евгения Лызлова в Даугавпилсе во время Второй мировой войны.

В центре внимания Михаила Шкаровского – одного из ведущих российских специалистов по истории Православной церкви в XX веке – две православные русские общины, основанные русскими эмигрантами в Финляндии в 20-х годах минувшего века, которым было суждено занять значительное место в религиозной жизни государства.

Земной жизненный путь, почившего в Бозе в 2018 г. митрополита Таллинского и всея Эстонии Корнилия (Якобса), подробно описан в статье нашего постоянного автора, исследователя церковной истории Эстонии – Сергея Мянника.

Ведущая сотрудница архива Эстонии и член редколлегии журнала Татьяна Шор посвятила свою статью обзору коллекции документов бывших воспитанников Рижской духовной семинарии.

Материал для заключительной части номера, традиционно посвященной публикации воспоминаний и документов, подготовили Татьяна Шор, а также сотрудницы Тартуского университета Ирина Пярт и Людмила Дубьева. Татьяна Шор перевела с эстонского языка воспоминания анонимного автора, воспитанника Рижской духовной семинарии. Ириной Пярт и Людмилой Дубьевой подготовлены публикация и комментарии документов о замещении Ревельского викариатства Рижской епархии в 1917–1918 г. из Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург).

Андрей Гусаченко

Научные статьи

Scientific articles

Антони Миронович (Польша)
Antoni Mironowicz (Poland)

Церковные унии в Польше и Литве и их последствия

Church unions in the lands of the Great Duchy of Lithuania and in Poland and their consequences

В истории Польши предпринимались многократные попытки принудить православных верующих к принятию церковной унии и подчинению папской власти. Первая попытка имела место в середине XIII века, когда велись переговоры с галицко-волинским князем Даниилом. В 1245 г. князь Даниил к подписанию унии склонял посланник папы римского Иннокентия IV итальянский францисканец Иоанн из Пьян дель Карпине (ит. *Giovanni da Pian del Carpine*). Собрав епископов, игуменов и бояр, князь отверг возможность признания папы римского главой Церкви в Галицком Княжестве. Отказ князя не изменил униатских планов Рима в отношении русских княжеств. Все униатские миссии в 1247 и 1248 гг. закончились неудачей.¹

Вопрос унии был тесно связан со стремлением князя Даниила получить королевский титул. Проблема возникла во время совместной русско-польской интервенции в Венгрии против чехов. Враждующие между собой князья династии Пятов проводили совместную с князем Даниилом династическую политику в отношении Венгрии. Даниил стремился к передаче трона

одному из своих сыновей. С этой целью в 1252 г. состоялось бракосочетание князя Романа с Гертрудой, дочерью венгерского короля Бельи IV. Важную роль в венгерской политике играл митрополит Кирилл II, уроженец Галицкой Руси. Он получил у татарского хана подтверждение всех привилегий, данных ему ранее Русской Церковью, и освобождение духовенства от всех налогов. Его визит к никейскому императору Иоанну III Дуке Ватацу и патриарху Мануилу II привёл к прекращению переговоров о церковной унии на Руси, отказу от политической линии Даниила и сближению с Александром Невским.

О церковной унии вновь заговорили в Кракове, во время встречи папского легата Опизо с князем Даниилом. Опизо привёз князю Даниилу корону, переданную ему папой Иннокентием IV. Согласно Ипатьевской Летописи, Даниил отказался её принять, объясняя это тем, что не может встречаться с послом на чужой земле. Учитывая это, папский легат и князь галицкий отправились в Холм. Встреча князя Даниила с Опизо произошла только в декабре 1253 г. в Дрогичине (Дорогичин), где галицкий

князь вместе с сыном Львом и Мазовецким князем готовились к походу на ятвягов. Согласие Даниила на коронацию, которая состоялась в Дрогичинской Церкви, было обусловлено помощью Римской Курии в войне с татарами. Автор Галицко-Волинской Летописи описывает это событие так: «И убедила его мать его и Болеслав, и Семовит, и бояре ляхские, говоря, чтобы принял корону, «а мы будем помощью [тебе] в борьбе с поганцами». Тогда он корону от Бога принял, от Церкви Святых Апостолов, и от трона святого Петра, и от отца своего папы Иннокентия, и от всех епископов своих. Иннокентий проклял тех, кто гонят свою веру греческую, правоверную, хотел собор созвать, для правой веры, для соединения Церкви. Данило принял корону от Бога в Дрогичине, когда шёл войной вместе с сыном Львом и Семовитом князем ляхским». ² Принимая во внимание религиозные и литургические факторы, мы можем предположить, что коронационные торжества состоялись 25 декабря 1253 г. согласно юлианскому календарю, а следовательно – в праздник Рождества Христова. ³

Попытки папского легата Опизо склонить к унии князя Даниила, предпринятые во время коронации, закончились неудачей. ⁴ Политические конфликты с католическими государствами – Венгрией, Польшей (с краковским князем Лешко Белым) и Орденом крестоносцев – привели к неприятию православным духовенством каких-либо контактов с Католической Церковью. Против церковной унии выступала православная иерархия, особенно – митрополит Кирилл II, с мнением которого должен был считаться князь Даниил. ⁵ Александр IV, преемник Иннокентия IV, обращал внимание князя Даниила на этот факт, указывая в письмах, что Церковь его возвысила, а он, в свою очередь: «духовную и светскую милость Церкви забыл и оказался неблагодарным его милосер-

дию». ⁶ Вновь проблема унии возникла в начале XIV в. в период объединения польских земель.

При правлении князя галицкого Георгия I, папа римский Иоанн XXII, пользуясь хорошими контактами русского князя с польским королём Владиславом Локетком, рассчитывал подчинить Галицкую митрополию Авиньону. Папа выслал князю Георгию I буллу, в которой призывал адресата принять римско-католическое вероисповедание. В послании от 1327 г. Иоанн XXII призывал Владислава Локетку оказать влияние на русского князя, чтобы тот перешёл в католичество. ⁷ Призывы папы римского не имели результата, так как Владислав Локетек, зная положение дел на Руси, не хотел склонять князя к этому.

Новые попытки склонить Православную Церковь к церковной унии были предприняты при правлении Владислава Ягелло. Желая объединить Церкви, Ягелло надеялся использовать авторитет митрополита Киприана и его хорошие взаимоотношения с Константинополем. Киприан, во время своих двукратных продолжительных визитов в Литву и Корону, участвовал в разговорах относительно церковной унии. ⁸ Их результатом стала переписка с Константинопольским патриархатом, проводимая от имени Ягелло и навязывающая признание церковной унии. Митрополит и Ягелло выступили с инициативой созыва вселенского собора в одном из городов Литовской Руси или Короны и проведения богословского диспута о формуле восстановленного единства. Патриарх, как обычно, тянул время, призывал к походу на турков и татар, а после победы над ними обещал рассмотреть предложенную петицию. Кроме того, патриарх считал, что этот вопрос требует вселенского, а не поместного собора. Предстоятель Православной Церкви скептически отнёсся и к месту проведения диалога об унии: «Русь и в мир-

ное время не является удобным местом для проведения Вселенского Собора».⁹

Предложение Ягелло предполагало ликвидировать разделение Церквей путём подчинения православных папской власти. Переговоры с Киприаном должны были привести к прямому диалогу с патриархом, без контроля со стороны Апостольской Столицы. Они подчёркивали необходимость проведения соборных диспутов и достижения церковного единства через рассмотрение догматических и обрядовых различий. В 90-х гг. XIV в. король не мог найти достаточного количества сторонников этой концепции в среде католического духовенства Короны. Польский епископат придерживался экспансивной католицизации Руси посредством развития немецко-польских осад и усиления институций Католической Церкви.

Митрополит Киприан поддержал униатскую концепцию короля, но более как политический проект, нежели церковный.¹⁰ Историки справедливо обращают внимание на то, что митрополит Киевский Киприан неприязненно относился к самой идее церковной унии. Уния должна была уничтожить административную, догматическую и литургическую независимость Церкви.¹¹ Сохранившиеся произведения церковной литературы, написанные Киприаном, не содержат никаких униатских элементов. В его деятельности отсутствует богословская и организационная заинтересованность в вопросе церковной унии.

Униатский проект вновь возник во время очередного визита Киприана в Литву в 1404–1406 гг., незадолго до смерти митрополита 6 сентября 1406 г. Информации о результатах этих переговоров в сохранившихся источниках нет. Вероятно, они не принесли ощутимых результатов, так как вскоре после смерти Киприана Православная Церковь не получила никаких привилегий от Ягелло и Витольда, церковные

владения платили всевозможные налоги и были в свободном пользовании двора. В отличие от великой щедрости и многочисленных привилегий, данных королём Католической Церкви, Православная Церковь оставалась при своих старых и значительно ограниченных владениях.

Литовский князь Витольд, поддерживаемый Ягелло, решил реорганизовать церковные структуры в Великом Княжестве Литовском с целью их более тесной связи с Католической Церковью. Этим намерениям должны были служить: создание отдельной литовской митрополии, соответствующей границам Княжества, выбор митрополита согласно лишь воле монарха и переговоры с епископами относительно церковной унии. Этот план был реализован в 1414–1415 гг.

Уже в 1414 г. Витольд изгнал из Литвы киевского митрополита Фотия¹² и одновременно от имени князей и бояр Великого Княжества Литовского потребовал от патриарха избрания нового митрополита. Фотий обвинялся в грабежах церковных ценностей из митрополичьей казны, в притеснении епископов и безразличии по отношению к литовской части киевской митрополии.¹³ Литовский князь представил патриарху собственного кандидата – Григория Цамблака (племянника почившего митрополита Киприана), выдающегося церковного проповедника, игумена сербского монастыря в Космече, находящегося в Литве с 1406 г.¹⁴ Патриарх отверг предложение Витольда. В сложившейся ситуации поместный собор, состоявшийся осенью 1414 г. и состоящий из епископов, архимандритов, игуменов, князей и бояр, формально избрал Григория Цамблака на митрополичью кафедру.¹⁵ Весной 1415 г. в Константинополе посольство во главе с Цамблаком пыталось получить от патриарха подтверждение состоявшегося выбора, но это закончилось неудачей. 15 ноября 1415

г. очередной собор в Новогрудке под председательством Витольда утвердил выбор и возвёл на кафедру митрополитов киевских Григория Цамблака.¹⁶

Князь Витольд особым письмом проинформировал патриарха Константинопольского о возведении на кафедру Григория Цамблака. Князь подчёркивал, что не желает «чтобы в нашей стране религия ваша уменьшалась, или погибала, а церкви ваши ветшали». Витольд убеждал патриарха, что будет стараться, чтобы был порядок и благолепие в «ваших церквях».¹⁷ Из письма следует, что не только политические, но и церковные причины склонили Витольда и литовских епископов выбрать нового митрополита.

Новогрудский Собор 1415 г. внёс изменения в структуру литовской Церкви. Появилась новая автокефальная литовско-русская митрополия. Впервые Киевская митрополия, ранее единая, разделилась на две части: киевскую и московскую, разделёнными границами государств. Таким образом, были созданы основы организации независимой структуры Восточной Церкви в польско-литовском государстве. При Григории Цамблаке имело место и сильное давление со стороны Витольда на церковную иерархию, целью которого было быстрое заключение церковной унии, понимаемой как присоединение православной Церкви к Католической.

Епископы, присутствовавшие на соборе в Новогрудке, должны были понимать последствия принимаемых решений, учитывая усиление католической миссии на востоке и особенность начинающегося в Констанце собора. И в русских летописях, и в польских источниках говорилось, что собор в Новогрудке был принуждением со стороны католического монарха и имел целью нейтрализовать Фотия – защитника православия. Подчёркивалось, что решения собора были призваны ослабить Пра-

вославную Церковь, а её верующих присоединить к Католичеству.¹⁸

После возведения на митрополицию кафедру Григория Цамблака вновь встал лоббируемый королевским и великокняжеским окружением вопрос о церковной унии. В унии был заинтересован и папа римский Иоанн XXII, который назначил Ягелло опекуном Католической Церкви на востоке с правом обращать православных в католичество и распространять католическую веру.¹⁹ В середине января 1415 г. на соборе в Констанце Ян Стехир от имени короля представил первый проект церковной унии.²⁰ 30 ноября 1417 г. Ягелло прислал на собор отчёт легатов по Жмуди, одновременно информируя об активной деятельности своей и Витольда в деле склонения православных к унии с Католической Церковью. Король охарактеризовал свои действия, направленные на приведение православных к послушанию Апостольской Столице, а также описал борьбу с Фотием. В то же время Фотий, митрополит Киевский (Московский), патриаршим синодом добился отлучения предстоятеля литовской Церкви Григория Цамблака, а в отношении клира, поддерживавшего нового предстоятеля, суровых канонических кар вплоть до анафемы. Таким образом, уния оказывалась возможной лишь как включение поместной литовской Церкви в состав Католической без каких-либо контактов с Константинополем, а следовательно – в совершенно иных политических условиях, нежели при митрополите Киприане.

В письме от 25 августа 1417 г., адресованном папе римскому, Ягелло и Витольд просили собор рассмотреть вопрос перекрещивания русинов, желающих единства с Католической Церковью. Ягелло и Витольд считали, что повторное крещение по католическому чину оттолкнёт русинов от конверсии. Монархи предлагали принять русинов в католичество, признавав ранее

совершённое над ними православное крещение. По мнению авторов письма, этот шаг усилил бы процесс присоединения православного населения к Католической Церкви.²¹ В 1428 г. автор псковской летописи называет Витольда «отступником от веры, поганым князем».²² Первоначально Витольд был крещён в православии с именем Иаков.

Единственной результативной формой объединения Церквей было торжественное объявление об этом факте на соборе в Констанце. Ягелло решался на присоединение Православной Церкви к Католической в Польско-литовском государстве. В письме от 1 января 1418 г., поздравляя Мартина V (1417–1432 гг.) с избранием на папский трон, Ягелло сообщал ему об отправлении на Констанцкий собор церковной делегации во главе с митрополитом Григорием Цамблаком, представлявшим православных Литвы, Короны и Молдавии. Король обращал внимание на высокую образованность митрополита и подтверждал, что целью путешествия является подписание церковной унии.²³ Прибытие Цамблака в Констанц вместе с шестью православными епископами, несколькими пресвитерами и боярами произошло в феврале 1418 г. Делегация была принята на аудиенции у папы Мартина V.²⁴ Григорий Цамблак, ссылаясь на волю Ягелло, выразил решительное убеждение в необходимости объединения Церквей, в признании примата папы римского и завершении схизмы. Митрополит сопровождал своё решение двумя условиями: проведением соборного диспута с целью выяснения спорных догматических вопросов и признанием унии константинопольским патриархом и византийским императором.²⁵ Предложения Цамблака были возвращением к концепции 1396–1397 гг. Но византийский император Мануил II был решительным противником Католической Церкви. Это привело к тому,

что никаких решений относительно унии принято не было. В сложившейся ситуации униатские планы Ягелло не могли быть реализованы, так как митрополит Григорий Цамблак выехал в Констанц под давлением Витольда, который угрожал принудительной католицизацией русинов.²⁶

Митрополит Григорий Цамблак – известный церковный автор. Его произведения были широко распространены среди духовенства и мирян. Дипломатическая интуиция подсказывала ему, что надо считаться с инструкциями Ягелло и Витольда. Его зависимость от Ягеллонов была так сильна, что, начав вести самостоятельную политику, он потерял бы возможность вернуться в Киев. Григорий Цамблак благополучно вернулся из Констанца, не конфликтуя с монархом.

После неудачи униатских планов Ягелло, проводя политику на русских землях, сконцентрировался на поддержке Католической Церкви и ограничении прав православного населения. Вновь идея унии появилась в тот момент, когда патриарх поставил на митрополичью кафедру грека Исидора. Юрисдикция митрополита распространялась на все епархии в Короне, в Великом Княжестве Литовском и Великом Княжестве Московском. Митрополит Исидор был человеком образованным и блестящим дипломатом. Император Иоанн VIII Палеолог послал его на Базельский собор, где должны были состояться переговоры о военной помощи Константинополю и церковной унии. В 1437 г. Исидор приехал в Москву как митрополит всея Руси и был принят князем Василием II Слепым.²⁷

Угроза Константинополю со стороны Турции склонила греков, ищущих в Риме военной помощи, к заключению церковной унии. Во время собора в Ферраре, а затем во Флоренции 5 июля 1439 г. епископы подписали акт церковного единства. Часть православных иерархов отказалась подпи-

сывать этот акт, остальные приняли его исключительно с прагматическими целями.²⁸ В заседаниях собора участвовал игумен монастыря св. Димитрия в Константинополе, а с 1436 г. киевский митрополит Исидор Грек. Митрополит Исидор, участвовавший в заседаниях собора в Базеле в 1431 г., был одним из горячих сторонников унии. На Флорентийском соборе Исидор активно выступал за унию и подписал соборные постановления. Митрополит Исидор был назначен папой Евгением IV кардиналом и легатом для стран Восточной Европы. Из Рима Исидор вернулся на Русь, опубликовав 5 марта 1440 г. по дороге в Буде послание, в котором информировал о церковной унии и призывал к реализации её условий.²⁹ В течение нескольких месяцев 1440 г. Исидор пребывал в пределах Короны и Велико-го Княжества Литовского, пропагандируя положения церковной унии. Его призывы относительно унии были равнодушно приняты как православным, так и католическим духовенством. Когда во Львове митрополит Исидор начал совершать в церкви латинское богослужение, верующие возмутились. Большинство православных оценивало церковную унию как угрозу своей вере. Решительными противниками унии были православное духовенство и русские магнаты. В сложившейся ситуации Флорентийская уния была полностью отвергнута православными верующими.

В 1441 г. митрополит Исидор выехал в Москву, где в присутствии князя Василия II прочитал постановления флорентийского собора. После трёх дней пребывания в Москве Исидор был обвинён в ереси и заключён под стражу. Осенью 1441 г. митрополиту удалось бежать в Литву, где его встретило очередное разочарование: большинство духовенства и мирян перестали считать его своим предстоятелем. В итоге Исидор выехал в Рим, где пребывал до своей смерти в 1462 г.

Князь московский Василий II (1425–1462)

Неблагодарное отношение католической иерархии Польши к Флорентийской унии и неприятие её постановлений православными привело к тому, что униатские планы Велико-го Княжества Литовского и Короны потерпели фиаско на русских землях. Для Православной Церкви в границах Короны это означало очередные дискриминационные шаги в политике польских властей. Эту проблему следует связать с событиями в Москве, где после побега Исидора усилились антиконстантинопольские настроения. В патриархе и императоре видели отступников от православной веры и сторонников унии. Всё более громко звучали голоса, призывавшие к отделению киевской митрополии от Константинопольского патриархата. В результате в 1448 г. русские епископы по распоряжению московского князя Василия II избрали на митрополичью кафедру рязанского епископа Иону (1448–1461 гг.). Выбор митрополита был сделан без санкции патриарха, что означало разрыв с патриархатом и начало самостоятельного бытия

Православной Церкви в Московской Руси. В 1458 г. Великорусские епископы заявили, что единственными истинными митрополитами киевскими и всея Руси являются те иерархи, которые будут утверждены великим князем московским. Этот факт означал решительный разрыв Московской Церкви с Византией, которая была признана отступившей от истинной веры после заключения Флорентийской унии.

*

Очередная попытка введения флорентийской унии имела место в 1474 г., когда киевским митрополитом был избран смоленский епископ Мисаил Пструцкий.³⁰ Казимир Ягеллончик объяснил его утверждение тем, что епископ может принять флорентийскую унию. Престарелый епископ Мисаил выразил согласие на присоединение к унии. Под давлением короля и апостольского нунция Антония Бонумбры, митрополит в 1476 г. выслал письмо папе Сиксту IV, в котором выражал желание присоединиться к унии, и, одновременно, обвинял католиков в преследовании православных. Мисаил просил папу прислать двух легатов (одного представителя греческой, а другого – римской Церкви), которые разъяснили бы постановления флорентийского собора и догматические различия между двумя Церквями. Митрополит обращал внимание на угрозу христианству со стороны турков и татар и считал, что перед лицом опасности христианам следует объединиться, чтобы противостоять общему врагу. Объединение, по мнению Мисаила, должно основываться на возвращении согласия и мира между Церквями. В мемориале митрополит подчёркивал, что русины оказывают такое же уважение папе римскому, как и восточным патриархам. Единство с Римской Церковью не означало бы отсутствия единства с Кон-

Папа Сикст IV (1471–1484)

стантинопольским Патриархатом. Кроме митрополита под мемориалом поставили свои подписи тринадцать представителей русских и литовских магнатов.³¹

Аутентичность письма митрополита Мисаила от 14 марта 1476 г. и духовенства, князей и панов русских папе Сиксту IV очень сомнительна. Оригинал послания был утрачен, в 1605 г. униатский митрополит Ипатий Потей обнаружил его копию и опубликовал в печати. Согласно кс. Яну Фиялку, письмо Мисаила неподлинно, так как текст написан на языке XVII века, а сам документ появился как элемент борьбы за введение постановлений Брестского собора.³² Равно как и титулы подписавшихся указывают на несомненную фальсификацию документа.³³ Если бы послание Мисаила папе римскому действительно имело место, то несомненно последовал бы и ответ Сикста IV. К униатским проектам скептически относился и сам король, Ка-

Король Александр Ягеллончик (1501–1506)

Царь Иван III (1462–1505)

зимир Ягеллончик.³⁴ Против унии на землях Великого Княжества Литовского выступали литовское духовенство и магнаты. Константинопольский патриарх Рафаил, узнав о проуниатских взглядах Мисаила, поставил на митрополичью кафедру Спиридона. Казимир Ягеллончик не утвердил назначение Спиридона и распорядился изгнать его из страны. После изгнания Спиридона из Великого Княжества Литовского Мисаил вновь принял на себя митрополичью власть, которую сохранил до 1480 г.³⁵

Вопрос церковной унии вновь возник при правлении Александра Ягеллончика. В 1494 г. литовский князь женился на Елене. Она была дочерью московского царя Ивана III и Софии Палеолог, племянницей последнего византийского императора Константина XI Палеолога и после падения Константинополя пребывала в Риме.³⁶ В 1499 г. была предпринята попытка склонить княжну к принятию католичества.³⁷ Московский князь обвинил Александра Ягеллончика, митрополита Иосифа, ви-

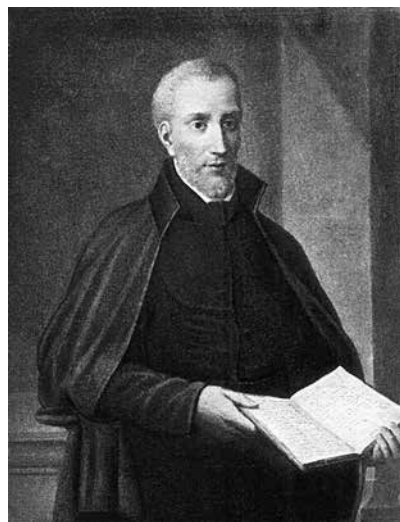
ленского епископа Войтеха и монахов-бернардинцев в принуждении княгини Елены сменить вероисповедание, а также в строительстве костёлов на землях, где в основном проживало православное население. Княгиня отвергла все предложения и осталась верна православию.³⁸

В это же время митрополитом, с согласия Александра Ягеллончика, был избран смоленский епископ Иосиф Болгариневич. В 1500 г. митрополита утвердил патриарх Нифонт. После получения патриаршего благословения митрополит обратился к папе римскому Александру VI с письмом, в котором подтвердил желание присоединиться к Флорентийской унии. Это письмо приветствовал Александр Ягеллончик, который ожидал признания в Риме своего брака с православной княгиней. В 1501 г. был получен ответ папы, когда Александр VI выслал виленскому епископу Войтеху Табору особое брeve, в котором благодарил митрополита Иосифа за благосклонное отношение к церковной унии. В своём по-

слании папа римский требовал, чтобы митрополит отрёкся от всех титулов, данных ему патриархом. Александр VI, вопреки позиции польского духовенства, запретил совершение второго крещения при принятии русинов в Католическую Церковь. Позиция папы была сформулирована в письме королю Александру, в котором римский понтифик объяснял, что не мог принять в свою юрисдикцию митрополита Иосифа, так как последний был рукоположен Константинопольским патриархом Нифонтом, а не находящимся в Риме униатским патриархом Иоанном. Подобное требование папы римского не могло быть принято киевским митрополитом.³⁹ Латинский епископат во главе с виленским епископом Войтехом Табором тоже был более заинтересован в развитии структур Католической Церкви, нежели в поддержке унии. Католические епископы стремились к усилению своего влияния через развитие церковных братств, поддержку миссии ордена бернардинцев, «обращение» православных и иудеев. В то время распространённым было мнение, что православные не могут достигнуть спасения в своей Церкви.⁴⁰ В результате определённых шагов Ивана III, отвергавшего всяческие проекты реализации постановлений Флорентийской унии, проблема церковной унии не обсуждалась вплоть до конца XVI в.

*

В исторической литературе подробно описаны подготовка и проведение Брестского собора, который привёл к введению церковной унии в среде определённой части православного населения Речи Посполитой.⁴¹ Остановимся подробнее на событиях, которые имели место до и во время Брестского собора. Подчинение православных Риму стало одной из главных задач политики Ватикана после Тридент-

Папский легат Антонио
Поссевино (1554–1611)

ского собора. Неудачная миссия папского легата Антонио Поссевино к царю Ивану IV Грозному с целью склонить Москву к церковной унии заставила Рим сконцентрировать усилия на Православной Церкви в Речи Посполитой. Дополнительным толчком к этим действиям было создание в 1589 г. московского патриархата. Апостольская Столица опасалась распространения юрисдикции нового патриархата на Православную Церковь в Речи Посполитой. Церковная уния на русских землях Короны и Великого Княжества Литовского в планах пап Пия V и Климента VIII должна была стать мостом для окончательного соединения Рима с Москвой. Инициатива премников Григория XIII была поддержана Стефаном Баторием и Сигизмундом III Вазой. Оба монарха поддерживали реформы Тридентского собора и политику Рима в отношении Православной Церкви. Нунций Поссевино для реализации униатских планов мобилизовал иезуитов, которые взяли на себя всё бремя подготовки собора и склонения к унии православных магна-

Петр Скарга (1536–1612)

тов. Одним из шагов к подготовке Брестской унии стало издание сочинения ректора иезуитской семинарии в Вильне Петра Скарги «О управлении и единстве Церкви Божией под одним пастырем и о греческом от этого единства отступлении». В самоотдаче в пропагандировании унии и «обращении православных» с Петром Скаргой мог сравниться Бенедикт Хербст, ещё при жизни называемый «апостолом Руси». Всестороннюю помощь иезуитам оказывал Сигизмунд III, с личностью которого Апостольская Столица связывала большие надежды.

Позиция Православной Церкви была ослаблена из-за перехода в католичество или протестантизм множества представителей выдающихся аристократических родов. Дезорганизация внутренней жизни Церкви стала причиной её открытости к униатским планам. Особенно склонна к церковной унии была православная иерархия. Многие её представители вели жизнь,

не соответствующую каноническим требованиям.⁴² В этой ситуации неудивительно то, что переговоры по поводу признания папской власти велись в основном с епископами.

Первые шаги для реализации унии епископы, склонившиеся на её сторону, предприняли в начале 90-х гг. XVI в. В 1590 г. на соборе в Бресте епископы луцко-острожский Кирилл Терлецкий, туровско-пинский Леонтий Пельчинский, львовско-галицкий Гедеон Балабан и холмско-бельский Дионисий Збируйский приняли решение подчиниться власти папы римского.⁴³ Их решение было встречено с большой осторожностью православным епископатом на соборе 1591 г. Собор был собран из-за конфликта львовского братства с епархиальным епископом Гедеоном Балабаном, поэтому относительно унии не было принято никакого решения. То, что собор не осудил инициативу четырёх епископов, стало аргументом для Кирилла Терлецкого и Ипатия Потеля (он возглавил владимирскую кафедру после смерти Мелетия Хрептовича) для начала тайных переговоров с апостольским нунцием Германусом Маласпина и представителями короля о способе созыва и организации униатского собора. Предполагалось, что на этом соборе православные жители Речи Посполитой будут переданы власти Апостольской Столицы. Иезуиты начали агитацию, целью которой было склонение к унии православной аристократии, а в особенности князя Константина Острожского. Своё согласие на организацию униатского собора князь объяснял принятием данного проекта Константинопольским патриархом.⁴⁴

Большое значение для реализации униатского проекта имели постановления собора 1594 г. Собор признал Гедеона Балабана виновным в споре с львовским братством, а митрополит Михаил Рагоза

отлучил галицкого епископа. Было принято несколько постановлений относительно реформ внутренней церковной жизни. Реформы касались приходских школ и статуса православных братств в Церкви, усиливали позицию братств за счёт ослабления епископской власти. Кирилл Терлецкий, недовольный позицией митрополита, организовал в Сокале встречу с епископами львовским Балабаном, холмским Збируйским и перемышльским Копыстенским, во время которой был выработан новый проект подчинения Русской Церкви папской власти и декларация унии. Поддерживаемый канцлером Яном Замойским луцкий епископ обратился к митрополиту Михаилу Рагозе с готовым актом униатской декларации. Киевский митрополит обусловил свою поддержку декларации тем, что король гарантирует равноправие латинского и православного духовенств, защиту русских епископов от патриархов и их послов, а также – предоставление униатским епископам мест в сенате.⁴⁵ На этом этапе переговоров активное участие принимали представители католического духовенства во главе с львовским епископом Бернардом Мацеевским.

Проект унии с уточнениями Михаила Рагозы, за исключением пункта, касающегося гарантии предоставления русским епископам мест в сенате, утвердил Сигизмунд III. Король объяснял своё решение некомпетентностью в принятии таких важных решений, как предоставление мест в сенате. Под влиянием монарха митрополит созвал собор в Бресте на 12 июня 1595 г., во время которого были составлены два послания – папе римскому Клименту VIII и королю Сигизмунду III. В первом послании русские епископы просили папу принять их в свою юрисдикцию с гарантией неизменности восточной литургии и обрядов. Во втором (королю) – принять их под свою опеку и оказать поддержку

Митрополит Михаил Рагоза (1589–1596)

церковной унии.⁴⁶ В заседаниях собора в Бресте кроме митрополита участвовали епископы владимирской, луцкой и пинской епархий. Полномочными представителями для исповедания католического Символа Веры перед папой собор избрал епископов Ипатия Потeya и Кирилла Терлецкого. Решения собора категорически осудил князь Константин Острожский в письме от 24 июня 1595 г.⁴⁷ Проект унии подробно обсуждался в Кракове с полномочными представителями короля и католической Церкви апостольским нунцием Германусом Маласпино и львовским епископом Бернардом Мацеевским.⁴⁸

Князь Константин Острожский после получения информации о краковских договорённостях предпринял решительные действия против унии. В окружном послании он предостерегал духовенство о верных перед епископами «предателях» и призывал к борьбе с унией.⁴⁹ Наряду с князем Острожским против унии выступило православное монашество, церковные братства, особенно Виленское ставропигиальное братство. Митрополит Михаил Рагоза сохранял неуверенность относительно унии. В пастырском послании от 1 сентября 1595 г. он убеждал верующих, что не будет вводить новые церковные обряды и призы-

вал их к защите православной веры. При этом митрополит вновь опровергал своё участие в униатских переговорах.⁵⁰ Двучленность киевского митрополита ярко проявилась во время заседаний Брестского собора в 1596 г.

Перед Брестским собором Ипатий Потеи и Кирилл Терлецкий, наделённые королевскими и церковными полномочиями, отправились в Рим. По прибытии туда в ноябре 1595 г. русские епископы представили соборное постановление как условие заключения унии, включавшее 32 пункта. Постановление предполагало признание Римом литургической и религиозной традиций восточной Церкви. Папа Климент VIII созвал специальную комиссию для рассмотрения данных условий, которая приняла решение: если принадлежность Римской Церкви необходима для спасения, то не может быть никаких вступительных условий. Русские епископы вынуждены были уступить бескомпромиссной позиции Рима. В результате, 23 декабря 1595 г. каноник виленской кафедры Остафий Волович от имени русских епископов прочитал их соборное послание папе римскому с просьбой принять православную Церковь в Речь Посполитую под свою власть. После этого русские епископы представили папе Клименту VIII католическое исповедание веры. В тот же день папа римский огласил буллу «Magnus Dominus et laudabilis nimis», информирующую католический мир о заключении унии с русскими.⁵¹ Согласно этой булле, русские епископы сами пришли к заключению, что «не были членами Тела Христова, которым является Церковь, так как им не хватало единства с видимой главой Его Церкви – с епископом римским». По этой причине они приняли решение «вернуться к римской Церкви, матери их и всех верующих, вернуться к римскому епископу, заместителю Христа на земле, общему отцу и пастырю

всего христианского народа».⁵² В итоговом исповедании веры русские епископы обязались сохранять «истинную веру католическую, вне которой никто не может быть спасён». Итоговая формула была взята из тридентского исповедания веры, введённого в 1575 г. для греков папой Григорием XIII. Аксиому *extra Ecclesiam Romanam nulla salus* в текст присяги ввёл папа Урбан VIII для новых униатских епископов.⁵³

Что же означало это исповедание веры русскими епископами перед римским папой? С точки зрения Рима, русские были приняты как отдельная община христиан в католическую Церковь под власть папы римского. Следовательно, этот акт не восстанавливал евхаристического единства Рима с православной Церковью в Речи Посполитой. Уния была лишь церковно-правовым актом подчинения православных власти папы римского. При этом было признано, что православные до унии с Римом оставались вне истинной Церкви и лишь признание ими власти римского папы открыло перед ними путь ко спасению. Булла «Magnus Dominus» однозначно утверждала, что русские епископы были приняты в единство с Римом не как братская Церковь, а как пришедшие извне Церкви и высказавшие личную просьбу. Булла не упоминала соборного решения русских епископов относительно унии. У русских епископов были иные ожидания от унии и представления о ней. Но им пришлось столкнуться с римским диктатом. Вместо диспутов относительно условий унии они были вынуждены принять римскую модель единства, сформировавшуюся в духе сотериологического эксклюзивизма.⁵⁴

После визита русских епископов в Рим, папа римский выслал письма королю и католическому епископату с просьбой помочь русским епископам организовать униатский собор. В это же время, невзирая на признание папской власти и исповедание

католической веры, митрополит Михаил Рагоза по-прежнему придерживался двоякой позиции, публично дистанцируясь от деятельности Потея и Терлецкого. Последними против выступили православная шляхта и духовенство. На Варшавском сейме в мае 1596 г. князь Константин Острожский объявил о непризнании Потея и Терлецкого своими епископами. Православные выразили протест по поводу нарушения прав людей «греческой веры».⁵⁵

Сигизмунд III Ваза, реализуя планы униатского проекта, в послании от 14 июня 1596 г. призвал духовенство и мирян православной Церкви созвать собор, на котором было бы торжественно провозглашено единство римской Церкви с греческой. Митрополит Рагоза, следуя королевскому распоряжению в послании от 21 августа, созвал собор в Бресте на 6 октября 1596 г.⁵⁶ Потей и Терлецкий использовали оставшееся перед собором время для агитации в среде духовенства и русской шляхты. Им помогало латинское духовенство, особенно иезуиты. Против готовившегося собора высказались патриарх александрийский Мелетий Пигас, его полномочный представитель – экзарх Кирилл Лукарис, протосингел патриаршего трона в Константинополе Никифор, а в Речи Посполитой – большинство духовенства и мирян православной Церкви. В письме князю Константину Острожскому от 30 августа 1596 г. патриарх Мелетий Пигас призвал всех священнослужителей и мирян отвергнуть унию.⁵⁷ Православная сторона, несогласная с унией, решила участвовать в соборе, попросив у короля разрешения на участие в нём иноверцев и экзарха Никифора. Кроме того, православные просили короля о предоставлении им возможности подать апелляцию в сейм, в случае, если заседания собора окончатся без принятия какого-либо решения относительно унии. Монарх согласился на участие

Король Сигизмунд III Ваза (1587–1632)

в соборе иноверцев, но отверг остальные просьбы православных. Король сослался на свою некомпетентность и подозрения о мнимой шпионской деятельности экзарха Никифора. Одновременно Сигизмунд III Ваза назначил на брестский собор королевских представителей, папских легатов и иезуитов. В униатском соборе приняли участие большинство русских епископов с немногочисленными представителями духовенства и верных.

Более представительным был собор противников унии. В его состав вошли епископ Гедеон Балабан (львовский), епископ Захария Копыстенский (перемышльский), экзарх константинопольского патриарха Никифор, экзарх александрийского патриарха Кирилл Лукарис, белгородский митрополит Лука, несколько епископов и архимандритов из-за границы. В православном соборе приняли участие десять архиман-

дритов (киево-печерский, супрасльский, пинский, дерманский, дубенский, дрогобусский, лаврышевский, пересопницкий, степанский и смольницкий), шестнадцать протопопов и более 200 представителей духовенства. Мирян на соборе представляли князь Константин Острожский, его сын, волынский воевода Александр, князь Георгий Друцкий-Горский, новогрудский каштелян Александр Полюбинский, волынский стольник Андрей Боговитин, каменецкий подкоморный Адам Боговитин, судья Луцкой земли Феодор Чаплич, луцкий честник Феодор Рудецкий, гродский волынский судья Демьян Гулевич и другие. Города были представлены преимущественно церковными братствами: Вильно – 8 делегатов, Бельск – 5, Львов – 3. Кроме того, на собор прибыла группа православной шляхты и мещан из 15 городских округов и повятов: Львовского – 3 делегата, Виленского – 4, Бельского, Пинского, Брестского, Подгаецкого, Галицкого, Киевского, Скальского, Брацлавского, Каменецкого, Владимирского, Минского, Слуцкого и Луцкого.⁵⁸ Согласно каноническому праву Церкви и составу участников обоих соборов, антиуниинный собор был единственным реальным собором.

Православная Церковь в Речи Посполитой была зависима от Константинопольского патриарха. Русскую Церковь соединяло с Византийской каноническое единство. Никифор, приехавший на собор, обладал всеми полномочиями для управления Православной Церковью в Речи Посполитой. В 1592 г. он был наделён константинопольским патриархом Иеремией II соответствующими компетенциями, получив достоинство протосингела патриаршего престола, т.е. функцию заместителя патриарха. После смерти предстоятеля византийской Церкви Никифор не был лишён этих полномочий. В силу синодального томоса экзарх Никифор обладал правом председатель-

ства на поместных соборах Православной Церкви в Польше даже в тех случаях, когда на них присутствовал киевский митрополит. Достоинством патриаршего экзарха и схожими полномочиями обладал Кирилл Лукарис, будущий александрийский патриарх. Епископы, которые самовольно оставили Православную Церковь и разорвали связи с патриархатом, привлекли на себя каноническое отлучение. Этот факт имел нравственное значение для участников православного собора. Православный собор в Бресте имел характер поместного синода, который представлял духовенство и мирян. Участие мирян и духовенства различного сана было не только церковной практикой, но и традиционным правом Православной Церкви, подтверждённым патриархами. Униатский собор, запретив участие мирян в заседаниях, нарушил основную черту Православной Церкви – соборность. Этот собор принял позицию латинской Церкви, которая заключалась в том, что вопрос унии находится исключительно в компетенциях епископов. Этот принцип не имел ничего общего с внутренней жизнью Восточной Церкви.⁵⁹

По приезде на православный собор его участники обратились к митрополиту с просьбой предоставить информацию о порядке заседаний. Собор составил для митрополита Михаила Рагозы приглашение принять участие в его заседаниях. В ответ митрополит призвал православных делегатов принять унию и участвовать в совместных заседаниях с представителями латинского духовенства. В этой ситуации протосингел Никифор, с согласия собора, 17 октября 1596 г. принял решение о лишении кафедр и сана тех епископов, которые перешли в юрисдикцию папы римского. Об отлучении епископов униатский собор был проинформирован письменно. Патриарший протосингел Никифор объяснил своё решение тем, что митрополит и епископы

нарушили присягу верности патриарху, выступили против решения Вселенских Соборов, которые запрещали епископам переходить из юрисдикции одного патриарха в другой. А также тем, что без благословения патриарха эти епископы приняли решение о воссоединении Церквей, несмотря на то, что такое решение могло быть принято исключительно Вселенским Собором. Кроме того, экзарх Никифор напоминал, что отлучённые епископы не явились на православный собор после трёх приглашений, а уния была заключена без согласия духовенства и мирян.⁶⁰

Аргументы Никифора имели особое значение для православных, искавших поддержки в защите своих прав. Собор не только подчёркивал свою зависимость от константинопольского патриарха, но и его правомочность и соответствие с канонами Восточной Церкви. Официальное объявление вхождения русских епископов под власть папы римского произошло 8 октября 1596 г. На следующий день Михаил Рагоза от имени униатского собора отлучил епископов Балабана и Копыстенского, а также остальных участников православного собора.⁶¹ Постановления униатско-католического собора вызвали многочисленные протесты духовенства и православной шляхты. Обе стороны выслали петиции королю с просьбой лишить духовного достоинства и кафедр представителей противоположной стороны.

Постановления православного собора подтвердил константинопольский патриархат. На место епископов, которые приняли унию, была поставлена временная коллегия для управления Православной Церковью в Речи Посполитой. В её состав вошли: назначенный экзарх, львовский епископ Гедеон Балабан, протосингел Кирилл Лукарис и князь Константин Острожский. Подписание церковной унии разделило православное общество на два

лагеря – православный и униатский. Линия разделения не совпадала с границами епархий. В православии оставалась большая часть духовенства и мирян с двумя епископами (перемышльским – Михаилом Копыстенским и львовским – Гедеоном Балабаном). Решения униатского собора приняло большинство бывшей церковной иерархии и часть духовенства. Монашество заняло антиуниатскую позицию, а приходское духовенство преимущественно принимало сторону своих епископов, на что указывает многочисленное представительство протопопов (наместников) львовской и перемышльской епархий на православном соборе. Против унии высказались и многочисленные священнослужители из епархий, предстоятели которых подписали акт церковной унии. Три протопопа: дубенский, остропольский и константиновский вместе с пресвитером из Острога – оказались на стороне православных, хотя были в юрисдикции луцкого епископа. Все признали князя Константина Острожского лидером православных и выразили протест унии. Правдоподобно четвёртый протопоп (наместник) этой епархии – клевинский, проживал в городе, который был собственностью православного князя Георгия Чарторыцкого, и принимал участие в заседаниях православного собора. Против унии выступили некоторые протопопы митрополичьей епархии: слуцкий и заблудовский. Первый проживал во владениях православных Омельковичей, а второй в землях кальвинистов Радзивиллов. Заблудовский протопоп Нестор Кузмич вместе с пресвитером Игнатием из Острога председательствовал на заседаниях православного собора.⁶² Разделения в среде приходского духовенства были связаны с религиозной политикой владельца данных земель. Но принцип *cuius regio eius religio* повсеместно не применялся. Против унии высказались все присутствующие на собо-

ре представители православной шляхты Короны и Великого Княжества Литовского. Однозначную позицию заняли русские мещане, в особенности – представители церковных братств, повсеместно подписывавшая постановления православного собора. Сельское население не имело чётко выраженного отношения к унии.⁶³

*

Новые униатские проекты в отношении Православной Церкви в Речи Посполитой появились после восстановления церковной иерархии иерусалимским патриархом Феофаном в 1620–1621 гг.⁶⁴ Предложения созыва нового униатского собора прозвучали на сеймах в 1623, 1629 и 1636 гг. 3 ноября 1643 г. папа римский Урбан VIII выслал письма королю, униатской и католической иерархии, светским сановникам, в которых определил условия будущей унии.⁶⁵ В тот же день Урбан VIII выслал письма митрополиту Петру Могиле и черниговскому каштеляну Адаму Киселю.⁶⁶ В этих письмах папа римский призывал адресатов к соединению с римской Церковью.⁶⁷ К унии с Римом призывали и король Владислав IV, некоторые магнаты, латинские и униатские епископы.

В 1644 г. в ответ на призыв папы римского был написан анонимный униатский мемориал, который послали римской курии. Авторство мемориала приписывается Петру Могиле и Адаму Киселю.⁶⁸ Авторы резко критиковали Брестскую унию и предлагали собственную концепцию соединения православия с римской Церковью. По мнению Петра Могилы, в вопросах веры нет значительных различий между греческой и римской Церквями. Церкви отличаются прежде всего организационной структурой и обрядом. Обе Церкви признаются равными и апостольскими. Брестская уния в своей основе не могла быть примером вос-

соединения, так как ей не хватало «чистых и святых стремлений». Видимое единство уничтожило самосознание Восточной Церкви. Проект Могилы и Киселя отвергал модель Брестской унии, которая привела к разрыву церковного единства с константинопольским патриархатом. Основой мемориала было соглашение духовенства и мирян с Римом без разрыва единства с Константинополем. Решение о воссоединении должны принимать духовенство и миряне. В условиях Речи Посполитой дискуссия о воссоединении должен провести собор шляхты и духовенства обеих русских Церквей, созданный сеймом. Решения этого собора могли бы стать основой объединения. Униаты и православные создали бы совместную Церковь с выбираемым соборно митрополитом, который не был бы ставленником ни папы римского, ни патриарха. Следуя предположениям Могилы, русская Церковь по-прежнему оставалась бы Восточной Церковью с неизменной обрядностью. Организационно русская Церковь могла бы подчиняться константинопольскому патриарху, а опосредованно – Риму. Первые реакции Рима на этот мемориал были благожелательными. Однако Конгрегация Пропagанды Веры распорядилась, чтобы соединение православных с католиками произошло согласно принципам, определённым Римом.⁶⁹ Практически это означало отвержение мемориала Петра Могилы и Адама Киселя.

Это были не последние униатские предложения, выдвинутые православными в XVII веке в Речи Посполитой. Предлагаемые униатские проекты были лишь частью плана государственных властей и Рима по подчинению православных епархий и, тем самым, полной ликвидации Православной Церкви в Речи Посполитой. На очередном сейме, 7 марта 1667 г., была принята конституция, цель которой – привлечь православное духовенство к унии.⁷⁰

Униатские планы в отношении православных, начало которым было положено при правлении Яна Казимира, продолжались и при короле Яне III Собеском. Но характер их изменился. Они стали политическими, поэтому их следует рассматривать в контексте международной ситуации. Война с Турцией и попытки папства склонить Россию к унии дали властям Речи Посполитой предлог к антиправославным действиям. Напомним: в 1676 г. сейм запретил православным поддерживать какие-либо контакты со своим предстоятелем, константинопольским патриархом. Для того чтобы усилить эффективность сеймовой конституции, независимые до этого церковные братства были подчинены исключительно власти епископов.⁷¹ Таким образом, преследовалась цель ликвидировать православные церковные братства, которые в это время были единственной опорой своей Церкви и представляли главную силу антиуниатской оппозиции. Конституция 1676 г. стремилась полностью изолировать православное население от других православных центров, находившихся за границами Речи Посполитой. Другой причиной, которая влияла на политику в отношении православия, было убеждение Яна III Собеского, что распространение унии поможет склонить Россию к войне с Турцией. Подобные шаги в это время предпринимала и Римская Курия, предлагая заключение унии в московском государстве. Папа римский Иннокентий X в письмах призывал короля, королеву, духовных и светских сановников к принятию результативных шагов против «схизматиков».⁷²

Римская Курия изменила свою политику в отношении православия в русских землях Речи Посполитой. Рим не соглашался на совместные униатско-православные соборы, которые должны были привести к повсеместной унии. Расширение унии должно было осуществляться посредством

убеждения отдельных епископов, либо назначения на архиерейские кафедры людей, благожелательно относящихся к католической вере. Униатская иерархия, поддерживаемая апостольскими нунциями, тоже проводила энергичную и всестороннюю деятельность. Действия униатского митрополита Гавриила Коленды, епископа Якова Суши или Киприана Жоховского, часто нарушавшие права и привилегии Православной Церкви, поддерживались королём Яном III. Проект привлечения к унии православных епископов и светских элит принёс конкретные результаты. В марте 1677 г. на сейме тайно принял унию львовский епископ Иосиф Шумлянский. За два года до этого он получил от Яна III Собеского администрирование митрополии. На этом же сейме было принято постановление: созвать собор униатов и православных в Гродно с участием королевских комиссаров с целью распространения унии.⁷³ В условиях международной ситуации того времени уния униатов с православными должна была исключить последних из потенциальных союзников Москвы и была бы шагом к подчинению Москвы Риму. Предложение созыва совместного собора было отвергнуто православными и нунцием, который опасался дискуссий на догматические темы. Нунций Франциск Мартелли требовал присоединения православных к унии как находящихся вне Церкви согласно формуле, принятой на Флорентийском соборе в 1439 г.

Вновь вопрос унии был поднят в 1681 г. на сейме в Варшаве. Православная сторона была представлена только луцким епископом Гедеоном Четвертинским, так как двое других епископов лишь формально оставались в «греческой вере». Иосиф Шумлянский и Иннокентий Винницкий во время заседаний сейма торжественно повторили католическое исповедание веры в королевской часовне варшавского замка.⁷⁴ 27 марта

1681 г. оба епископа написали письмо папе римскому, в котором убеждали адресата в признании его примата и догматов римско-католической Церкви. Факт присоединения к унии львовского и перемышльского епископов не означал поражения православия. Шумлянский и Винницкий официально возвращались в свои епархии как православные епископы, поскольку только так могли удержаться на своих кафедрах и распространять униатские взгляды. На варшавском сейме не дошло дело до совместных униатско-православных постановлений. Это не удовлетворяло Конгрегацию Пропанды Веры, которая поручила нунцию добиться официального объявления русскими епископами акта присоединения к унии. Позиция Рима относительно официального подчинения ему части православного духовенства вызвала серьёзное замешательство среди польской элиты. Король был против этого, так как неожиданное объявление о присоединении к унии русских епископов перечеркнуло бы все предыдущие усилия. Римскую Курию обвинили в непонимании внутренней и внешней ситуации государства.

Передача в 1685 г. юрисдикции над киевской митрополией московским патриархам и включение резиденции митрополии Киева в границы Российского государства согласно трактату Гжимутовского от 1686 г. привели к тому, что Рим и польские власти стали стремиться к окончательной ликвидации Православной Церкви в границах Речи Посполитой. Чтобы православные епископы приняли унию, надо было на все епископские кафедры поставить тайных униатов. Под давлением властей в 1700 г. львовский епископ Иосиф Шумлянский официально признал юрисдикцию папы римского, а двумя годами позднее то же самое сделал луцкий епископ Дионисий Жабокрицкий. Последний принял унию из-за непризнания верующими его епископской

хиротонии. Вместе с епископами к унии присоединились многочисленные монастыри и приходы. В 1702 г. юрисдикцию униатского епископа признало ставропигиальное львовское братство. После перехода в унию трёх епископов у Православной Церкви осталась только одна белорусская (могилёвская) епархия. Такая ситуация сохранялась до конца существования Первой Речи Посполитой в 1795 г.

*

Интерес Ватикана к Православной Церкви в Центрально-Восточной Европе появился вновь в конце Первой Мировой Войны. 1 апреля 1917 г. папа римский созвал Конгрегацию по вопросам Восточной Церкви, которая приняла все дела, связанные с деятельностью восточных обрядов. В 1925 г. в рамках этой Конгрегации была создана Комиссия *Pro Russia*, а в Инсбруке открылся иезуитский центр, занимавшийся подготовкой миссионеров восточного обряда. Подобный центр был открыт в католическом университете в Зальцбурге. В 1930 г. комиссия *Pro Russia* была отделена от Конгрегации и стала подчиняться папе римскому. Она занималась вопросами проведения миссионерской деятельности среди русских, в особенности в среде эмиграции. Интерес Комиссии вызывали и те русские, которые проживали в границах Второй Речи Посполитой.

Одновременно с новой восточной политикой Ватикана план миссионерской деятельности в отношении православных разрабатывали и польские епископы. Инициатором этих действий был подляшский епископ Хенрик Пшезьдзецкий, который в 1923 г. отправился в Рим с планом организации в Польше Католической Церкви Византийско-Славянского Обряда. 21 января 1924 г. папа римский Пий XI дал епископу Пшезьдзецкому полномочия на создание

униатских приходов там, «где люди этого захотят». Эти полномочия распространялись на восточные католические епархии: люблинскую, луцкую, пинскую и виленскую. Территории вышеперечисленных епархий и подляшское епископство стали территорией униатской деятельности в Польше.⁷⁵

Новый византийско-славянский обряд основывался на полном сохранении обрядности Восточной Церкви с одновременным признанием папы римского главой Церкви, добавлением филиокве в Символ Веры и введении в литургический календарь нескольких католических праздников. Синодальный русский обряд был приспособлен к католической догматике. Языком литургии оставался церковно-славянский, а проповеди, в зависимости от ситуации, произносились на национальных языках: русском, украинском, белорусском и польском. Не изменились внутренний облик храма и облачения духовенства. Папские инструкции определяли, что до момента создания отдельной церковной иерархии духовенство и миряне этого обряда будут находиться в юрисдикции местных латинских епископов. Папа римский рекомендовал распространять унию посредством миссионерской и благотворительной деятельности. Миссионерская деятельность в среде православных с совершенно новым обрядом поддерживалась убеждением, что это достаточно эффективный способ их обращения в католичество.⁷⁶

В 1930 г. Ватикан поставил епископом византийско-славянского обряда генерального настоятеля отцов Мариан литовца Франтишка Бучиса. В 1931 г. в Польше для нужд неоиunii папа римский назначил апостольского визитатора ксендза Николая Чарнецкого. Новый епископ, украинец по национальности, принадлежал восточной линии ордена редемптористов. Неоиунатский епископ получил кафедру в

Ковле, а резиденцию в зданиях дубенского монастыря.⁷⁷ Эти епископы, хоть и не руководили неоиунатской деятельностью в Польше, своим назначением усилили католическую миссионерскую деятельность среди православных.

Католический епископат поддержал процесс развития византийско-славянского обряда в Польше. В среде православных за миссионерскую деятельность высказывались прежде всего епископы восточных латинских епархий: люблинской, луцкой, пинской, подляшской и виленской. Подляшский епископ Хенрик Пшезьдзецкий даже организовал сбор средств для создания новых неоиунатских приходов.⁷⁸ К неоиунатской акции были привлечены базилиане и конвертиты. По инициативе иезуитов в Альбертине, недалеко от Слонима, был создан униатский центр. Духовенство для проведения неоиунатской деятельности посылали на учёбу в монашеские коллегии в Пинске, Люблине, Кракове и Риме. В 1931 г. в здании бывшей дубенской семинарии была открыта Папская Духовная Семинария, финансируемая Римом. Программа обучения в семинарии была приспособлена для нужд неоиunii.⁷⁹ В Польше миссионерской деятельностью среди православных занялись представители орденов восточного обряда иезуитов, капуцинов, марианов, облатов, редемптористов и студитов. Именно они поддерживали деятельность неоиунатского духовенства.⁸⁰

Для популяризации неоиunii иезуиты издавали польскоязычный журнал «Oriens», русскоязычные журналы «Христианин», «К соединению» и белорусскоязычные «Китеж» и «Да злучения».⁸¹ На Волини деятельность по обращению православных поддерживала католическая пресса, в том числе «Życie Katolickie» – официальный орган католической курии в Луцке и «Prześląd Katolicki».

С 1930 г. в Пинске организовывались униатские конференции по примеру общеславянских съездов в Велеграде.⁸² Организацией конференций занималась Духовная Семинария в Пинске. На съездах присутствовали представители католической Церкви, русские эмигранты и неоуниатское духовенство. Одновременно в рамках польского епископата действовала униатская комиссия, которой руководил митрополит Андрей Шептицкий, а её членами были подляшский епископ Хенрик Пшездзецкий и виленский архиепископ Ромуальд Ялбжиковский.

Результаты неоуниатской акции были незначительными, если принять во внимание масштаб деятельности и потраченные на её проведение средства. В 1927 г. согласно данным Министерства Религиозных Исповеданий и Публичного Просвещения было 28 неоуниатских приходов, 30 священнослужителей и 17 000 верующих. Официальные статистики Церкви в 1935 г. насчитывали 32 епархиальных священнослужителя, 26 монашествующих, 32 ученика семинарии в Дубне, 45 приходов и 18 000 верующих. В 1938 г. по данным министерства: 43 прихода и 17 000 неоуниатов.⁸³ По мнению Министерства Внутренних Дел, в целях пропаганды численность приходов в статистике католической Церкви была преувеличена. До Второй мировой войны на 58 душепастырских объектах, возникших в 1924–1939 гг., действовало 43 прихода, в

том числе – 8, которые открылись в 1938 г. Остальные приходы, появившиеся по инициативе деятелей неоуниатского движения, существовали недолго, быстро закрывались из-за отсутствия верующих. Согласно новейшим данным, численность верующих византийско-славянского обряда составляла: в 1930 г. – 14 443, в 1934 г. – 15 960, в 1939 г. – 16 649.⁸⁴ В итоге фактическая численность неоуниатов составила около 17–18 тысяч и не превосходила численности униатов, которые приняли православие. Проблема неоунии и связанных с ней конфликтов закончилась вместе с началом Второй мировой войны.

*

После Второй мировой войны немногочисленные униатские приходы находились в юрисдикции латинских епископов. Только после 1989 г. униаты отделились от структур католической Церкви в Польше. Папа римский создал две греко-католические епархии украинского обряда и дал им широкую автономию в структурах римско-католической Церкви. Униатская иерархия и духовенство потребовали возвратить некоторое церковное имущество. 400-летняя годовщина брестского собора стала поводом для возобновления дискуссии на тему брестской унии и её результатов для всего христианского сообщества.

Summary

There were many attempts to force Orthodox Christians in Lithuanian and Polish lands and to join the church union and become subject to the rule of the Popes. The first attempt took place in the mid-13th century. The problem of the union was connected with Daniel's attempts to become king. Another attempt at forcing the Orthodox

Church into the union took place during the reign of Ladislaus Yahello. His intention was to support the uniting of the Churches. Supported by Yahello the Lithuanian duke Vitold decided to reshape the Orthodox Church structure in the Grand Duchy of Lithuania to bound it more strongly to the Catholic church.

The Turkish threat to Constantinople caused the Greeks seeking military aid in Rome to accept the union. At the council in Ferrara, and later in Florence (5 July 1439), bishops penned a union treaty between the churches. Some of the orthodox lords refused to sign the union treaty and others accepted it merely for pragmatic reasons. Most of the Orthodox faithful saw the union as a threat to their religious identity. The Orthodox clergy and secular magnates stood firmly against the union. Therefore the Florence Union was utterly rejected by the Eastern Church faithful.

The problem of Church Union returned in the times of Alexander the Yahyellonian. In 1494 the prince married the daughter of the Moscow Tsar Ivan III Sophia Paleolog, a niece of the last emperor of Byzantium, who lived in Rome since the fall of Constantinople. In 1499 there were attempts to convince the Great Princess Helena to convert to Catholicism. Finally, because of Ivan III, who rejected all projects of bringing the Florence union into existence, the problem of church union was not discussed until the end of the 16th century.

The preparation and the course of the synod in Brest, which led to bringing some of the Orthodox inhabitants of the Commonwealth of Poland and Lithuania was widely discussed in literature. The phenomenon of good multi-faith and multicultural coexistence was disturbed by the on spiritual unity with Byzantium. To the existing Catholic-Orthodox scheme, came yet another intermediate element suspended between two traditions. Union promoters mistakenly assumed conclusion of the Union of Brest (1596). Union undermined the main element of Ruthenian culture, based that its attractiveness would provoke Ruthenians to leave Orthodoxy. Despite this trend, Orthodox culture did not fall into decline, and moreover caused its development in new forms, better adapted to seventeenth-century reality. As

a result, Union of Brest turned not against Orthodoxy as such, but against Orthodoxy in the Commonwealth. In effect, it brought little benefit to the Roman-Catholic Church, and did not solve any internal problem of the country. Distance of Catholic elites between Ruthenian culture and Orthodoxy in Poland deepened. Therefore this act did not return sacramental unity between Rome and the Orthodox Church in Poland. The Union was reduced to a legal church act of subjecting to the papal rule.

New union projects concerning the Orthodox Church in Poland came into being after the reactivation of the Orthodox hierarchy by the Patriarch of Jerusalem in 1620 – 1621. Suggestions for a new synod were put forward in the parliamentary sessions in 1623, 1629 and 1636. On the 3 November 1643 Pope Urban VIII sent letters to the king, Uniat and Catholic hierarchy and secular dignitaries, where he outlined the conditions of the future union. On the same day Urban VIII sent letters to the Metropolitan Peter Mohyla and castellan of Chernihov Adam Kisiel. The Pope encouraged them to unite with the Roman church. This was not the last union attempt aimed at the Orthodox Church in Poland in the 17th century. However, the suggested union projects were only part of the plan of the state authorities and Rome to take over all Orthodox bishoprics and total eradication of the Orthodox church.

The Vatican's interest in the Orthodox Church in Middle-Eastern Europe was renewed at the end of the First World War. On 1 April 1917 the Pope created the Congregation for the Eastern Church which was put in charge of all problems connected with the activities of all the Eastern denominations. In 1930 a Lithuanian priest Francis Buczys, Superior General of Marians, was consecrated as the new bishop of the Byzantine-Slavic rite. For the needs of the new union in Poland the Pope appointed in 1931 a new

Apostolic Visitor rev. Nicolas Czarnetsky. The results of the new union action were unimpressive when compared to the span of the action and resources used to conduct it. In fact the overall number of neo-Uniats ranged from 17 to 18 thousand and was not larger than the number of Uniats who converted to Orthodoxy. The problem of the new union and conflicts connected with it ended with the beginning of the Second World War.

After the Second World War very few Uni-at parishes remained under the jurisdiction

of Latin bishops. It was only after 1989 that the Uniats separated from the Latin Church structure in Poland. Two Greek-Catholic dioceses of the Ukrainian rite were created by the Pope and given a wide autonomy within the Roman Catholic Church. Uniat hierarchy and clergy demanded the return of some church properties. With the 400th anniversary of the Union Council the subject of the Union of Brest and its consequences for the Christian community returned in academic literature.

Reference list

- 1 W. Abraham, Powstanie organizacji Kościoła łacińskiego na Rusi, t. I, Lwów 1904, s. 120–127; s. M. Solov'ev, Istorija Rossii s drevnejshih vremen, t. II, Moskva 1993, c. 334; F. Sielicki, Polsko-ruskie stosunki kulturalne do końca XV wieku, Wrocław 1997, s. 78, 79.
- 2 Polnoe Cobranie Russkikh Letopisej, izdannoe po vysochajshemu poveleniju Arheograficheskiju kommissieju, pod red. A. A. Shahmatova, t. II, Sankt-Peterburg 1908, s. 827.
- 3 A. Wyrobisz, Podlasie w epoce przedrozbiorowej, [w:] Studia nad społeczeństwem i gospodarką Podlasia w XVI-XVIII w., pod red. A. Wyrobisza, Warszawa 1981, s. 178.
- 4 H. Paszkiewicz, Życia politycznego Mazowsza w XIII w., [w:] Księga ku czci profesora Oskara Haleckiego, Lwów 1935, s. 203–228.
- 5 Makarij (Bulgakov), mitropolit, Istorija Russkoj Cerkvi, t. III, ch. 1, Moskva 1995, s. 332–333; W. Abraham, Powstanie organizacji Kościoła łacińskiego na Rusi, Lwów 1904, s. 121–143; E. Golubinskij, Istorija Russkoj Cerkvi, t. II, ch. 1, Moskva 1900, s. 82–86.
- 6 F. Sielicki, Polsko-ruskie stosunki kulturalne..., s. 80; A. Mironowicz, Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów, Białystok 2003, s. 102.
- 7 A. Theiner, Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae gentiumque finitimarum historiam illustrantia, vol. I, Romae 1860, t. I, s. 383, 384; M. Grushevs'kij, Istorija Ukraïni-Rusi, t. III, Kiïv 1905, s. 134; W. Abraham, Powstanie organizacji kościoła łacińskiego na Rusi, t. I, s. 193.
- 8 Makarij (Bulgakov), mitropolit, Istorija Russkoj Cerkvi, t. IV, Moskva 1866, s. 79; T. M. Trajdos, Metropolici kijowscy Cyprian i Grzegorz Camblak a problemy Cerkwi prawosławnej w państwie polsko-litewskim u schyłku XIV i pierwszej ćwierci XV w., [w:] Balcanica Posnaniensia. Acta et studia, t. II, Poznań 1985, s. 217, 218; A. Mironowicz, Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów, s. 147–149.
- 9 A. Lewicki, Sprawa unii kościelnej za Jagiełły, «Kwartalnik Historyczny», nr 11, 1897, s. 322; A. Prochaska, Władysław Jagiełło, t. II, Kraków 1908, s. 119–120; E. Golubinskij, Istorija Russkoj Cerkvi, t. II, Moskva 1901, s. 338; K. Chodynicki, Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska, 1370–1632, Warszawa 1934, s. 43.
- 10 T. M. Trajdos, Metropolici kijowscy..., s. 217–220; E. Голубинский, История Русской Церкви, t. II, c. 338; K. Chodynicki, Kościół prawosławny..., s. 43–44; A. Mironowicz, Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów, s. 152–153.
- 11 L. Kolankowski, Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów, t. I, Warszawa 1930, s. 133; J. Fijałek, Biskupstwa greckie w ziemiach ruskich od połowy w. XIV, «Kwartalnik Historyczny», R. XI, Lwów 1897, s. 47–48.
- 12 Novgorodskaja Letopis', [v:] Polnoe Cobranie Russkikh Letopisej, t. III, Sankt-Peterburg 1841, s. 105; T. M. Trajdos, Metropolici kijowscy..., s. 225; A. Mironowicz, Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów, s. 169–170.
- 13 E. Golubinskij, Istorija Russkoj Cerkvi, t. II, c. 369, 370; K. Chodynicki, Kościół prawosławny..., s. 36.
- 14 K. Mecev, Grigorij Camblak, Sofija 1969, s. 15–18.
- 15 A. I. Jacimirskij, Grigorij Camblak. Oчерk ego administrativnoj i knizhnoj dejatel'nosti, Sankt-Peterburg 1904, s. 177–178.

- 16 Tam zhe, s. 180; Akty odnosjashhiesja k istorii Zapadnoj Rossii, t. I, Sankt-Peterburg 1846, ## 24 i 25, s. 33; I. Daniłowicz, Skarbiec dyplomów papieskich, t. II, Wilno 1862, nr 1178, s. 44–45; K. Chodynicki, Kościół prawosławny..., s. 38–40; T. M. Trajdos, Metropolici kijowscy..., s. 224; A. Mironowicz, Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów, s. 170.
- 17 L. Kolankowski, Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów, t. I, Warszawa 1930, s. 131; K. Chodynicki, Kościół prawosławny..., s. 39.
- 18 T. M. Trajdos, Metropolici kijowscy..., s. 225, 226; A. Mironowicz, Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów, s. 171.
- 19 T. M. Trajdos, Metropolici kijowscy..., s. 228.
- 20 T. Silnicki, Sobory powszechne a Polska, Warszawa 1962, s. 93.
- 21 J. Kłoczowski, Jagiełło i Witold wobec prawosławnych: próba ich dowartościowania w 1417 r., [w:] *Balticum. Studia z dziejów polityki, gospodarki i kultury XII-XVII w. ofiarowane Marianowi Biskupowi*, Toruń 1992, s. 175–179.
- 22 Polnoe Cobranie Russkikh Letopisej, izdannoe po vysochajshemu povelenuju Arheograficheskiju kommissieju, t. I, Sankt-Peterburg 1843, c. 205; T. M. Trajdos, Metropolici kijowscy..., s. 228, 229; A. Mironowicz, Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów, s. 174.
- 23 T. M. Trajdos, Metropolici kijowscy..., s. 230.
- 24 J. Fijałek, Biskupstwa greckie..., s. 48–50; J. Kłoczowski, Młodsza Europa, Warszawa 1998, s. 333.
- 25 A. Prochaska, Władysław Jagiełło, t. II, Kraków 1908, s. 397; K. Chodynicki, Kościół prawosławny..., s. 46.
- 26 Polnoe Cobranie Russkikh Letopisej, izdannoe po vysochajshemu povelenuju Arheograficheskiju kommissieju, t. V, Sankt-Peterburg 1851, s. 260; T. M. Trajdos, Metropolici kijowscy..., s. 230.
- 27 K. Chodynicki, Kościół prawosławny..., s. 49, 50; A. Mironowicz, Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów, s. 177.
- 28 S. Runciman, Wielki kościół w niewoli, Warszawa 1973, s. 116–126; B. Guździak, Unia florencka a metropolia kijowska, [w:] *Polska – Ukraina. 1000 lat sąsiedztwa*, pod red. s. Stępnia, Przemysł 1994, s. 19.
- 29 M. Harasiewicz, *Annales Ecclesiae Ruthenae*, Leopoldis 1862, s. 77, 78; E. Golubinskij, *Istorija Russkoj cerkvi*, t. II, s. 448–449; J. Długosi, *Historiae Polonicae, liber XII, Opera omnia*, t. V, (ed. A. Przedziecki), Kraków 1869, s. 566, 578–580.
- 30 J. Wolff, *Kniazowie litewsko-ruscy*, Warszawa 1895, s. 669, 670.
- 31 W. Hryniewicz, *Prekursor unijnych dążeń Rusinów. Memoriał unijny metropolity Mizaela*, [w:] *Unia brzeska, geneza, dzieje i konsekwencje w kulturze narodów słowiańskich*, praca zbiorowa pod red. R. Łuznego, F. Ziejki i A. Kępińskiego, Kraków 1994, s. 54–65; A. Mironowicz, Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów, s. 192.
- 32 J. Fijałek, *Los unii florenckiej w Wielkim Księstwie Litewskim za Kazimierza Jagiellończyka*, «Sprawozdanie z czynności i posiedzeń Polskiej Akademii Umiejętności», t. XXXIX, raków 1934, s. 23–25.
- 33 *Arhiv Jugo-Zapadnoj Rossii*, ch. 1, t. VII, Kiev 1887, s. 199; Makarij (Bulgakov), *mitropolit, Istorija Russkoj Cerkvi*, t. IX, Sankt-Peterburg 1879, s. 57; A. Mironowicz, Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów, s. 193.
- 34 Makarij (Bulgakov), *mitropolit, Istorija Russkoj Cerkvi*, t. IX, c. 43–62; K. Chodynicki, Kościół prawosławny..., s. 49–60; J. Fijałek, *Los unii florenckiej w Wielkim Księstwie Litewskim za Kazimierza Jagiellończyka*, s. 21–24.
- 35 Makarij (Bulgakov), *mitropolit, Istorija Russkoj Cerkvi*, t. IX, c. 68–69; K. Chodynicki, Kościół prawosławny..., s. 68; A. Mironowicz, Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów, s. 194.
- 36 CS. M. Solov'ev, *Istorija Rossii s drevnejshih vremen*, t. III, Moskva 1993, c. 111–113; F. Sielicki, *Polsko-ruskie stosunki kulturalne...*, s. 112, 113.
- 37 W. Białowiejska, *Stosunki Litwy z Moskwą w I połowie panowania Aleksandra Jagiellończyka (1492–1499)*, «Ateneum Wileńskie», R VII, Wilno 1930, s. 778–781; K. Pietkiewicz, *Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka*, Poznań 1995, s. 166.
- 38 J. Garbacik, Helena, «Polski Słownik Biograficzny», t. IX, Wrocław – Warszawa 1960, s. 362.
- 39 K. Chodynicki, Kościół prawosławny..., s. 71–72.
- 40 J. Fijałek, Kościół rzymskokatolicki na Litwie. *Uchrześcjanienie Litwy przez Polskę i zachowanie w niej języka ludu pod koniec Rzeczypospolitej*, [w:] *Polska i Litwa w dziejowym stosunku*, Kraków 1914, s. 260–264; K. Pietkiewicz, *Wielkie Księstwo Litewskie...*, s. 169; A. Mironowicz, Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów, s. 198–199.
- 41 A. Ammann, *Abriss der ostslawischen Kirchengeschichte*, Wien 1950, s. 212–214; K. Chodynicki, Kościół prawosławny a

- Rzeczpospolita Polska. Zarys historyczny 1370–1632, Warszawa 1934, s. 204–346; O. Halecki, *From Florance to Brest (1439–1596)*, Romae 1958, s. 367–370; M. Grushevs'kij, *Istorija Ukraïni-Rusi*, t. VII, Kiïv 1909, s. 540–564; T. Kempa, *Książę Konstanty Ostrogski, wojewoda kijowski i marszałek ziemi wołyńskiej*, Toruń 1997, s. 119–170; M. O. Kojalovich, *Litovskaja Cerkovnaja unija*, t. I, Sankt-Peterburg 1861, c. 150–161, 305–308; B. Kumor, *Geneza i zawarcie unii brzeskiej*, [w:] *Unia brzeska, geneza, dzieje i konsekwencje w kulturze narodów słowiańskich*, pod red. R. Łuznego, F. Ziejki i A. Kępińskiego, Kraków 1994, s. 26–44; *Unia brzeska z perspektywy czterech stuleci*, pod red J. s. Gajka i s. Nabywanieca, Lublin 1998, s. 27–56; K. Lewicki, *Książę Konstanty Ostrogski a unia brzeska 1596 r.*, Lwów 1933; E. Likowski, *Unia brzeska*, Poznań 1889, s. 67–167; Makarij (Bulgakov), *mitropolit, Istorija Russkoj Cerkvi*, t. IX, c. 571–590; A. Mironowicz, *Wokół sporu o przyczyny unii brzeskiej*, «Białoruskie Zeszyty Historyczne», nr 2 (4), Białystok 1995, s. 23–38; J. Pelesz, *Geschichte der Union der ruthenischen Kirche mit Rom von den ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart*, t. II, Würzburg–Wien 1881; A. Pekar, *The Union of Brest and Attempts to Destroy it*, «*Analecta Ordinis s. Basilii Magni*», seria II, vol. XIV (XX), Roma 1992; s. Załęski, *Jezuici w Polsce*, t. I, Lwów 1900, s. 306–317.
- 42 P. N. Batjushkov, *Holmskaja Rus'*, vyp. VII, Sankt-Peterburg 1885, c. 106–107; A. Mironowicz, *Podlaskie ośrodki i organizacje prawosławne w XVI i XVII w.*, Białystok 1991, s. 107–108.
- 43 *Akty odnosjashhiesja k istorii Zapadnoj Rossii, sobrannye i izdannye Arheograficheskoju komissieju*, t. IV, Peterburg 1853, nr. 114, s. 34–36.
- 44 K. Lewicki, *Książę Konstanty Ostrogski a unia brzeska*, s. 52–53; T. Kempa, *Książę Konstanty Ostrogski...*, s. 119–170.
- 45 *Akty odnosjashhiesja k istorii Zapadnoj Rossii*, t. IV, c. 53–54.
- 46 *Akty odnosjashhiesja k istorii Zapadnoj Rossii*, t. IV, nr. 68.
- 47 *Akty odnosjashhiesja k istorii Zapadnoj Rossii*, t. IV, nr. 70.
- 48 *Akty odnosjashhiesja k istorii Zapadnoj Rossii*, t. IV, nr. 78–79. A. Mironowicz, *Kościół prawosławny w dawnej Rzeczypospolitej*, Białystok 2001, s. 58–59.
- 49 *Akty, izdavaemye Vilenskoj komissiej uchrezhdennoju dlja razbora drevnih aktov v Vil'ne*, t. V, Vil'na, 1871, c. 595.
- 50 *Akty odnosjashhiesja k istorii Zapadnoj Rossii*, t. IV, nr. 83.
- 51 M. Harasimowicz, *Annales Ecclesiae Ruthenae*, Lwov 1862, s. 193–194, 202–214; A. Theiner, *Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae*, t. III (1585 – 1696), Romae 1863, s. 232–249.
- 52 *Dokumenta Unionis Berestensis eiusque auctorum (1590–1600)*, Collegit... P. Athanasius G. Welykyj OSBM, Romae 1970, s. 217–219; A. Mironowicz, *Kościół prawosławny w dawnej Rzeczypospolitej*, s. 60.
- 53 W. Hryniewicz, *Przeszłość zostawić Bogu. Unia i uniacyzm w perspektywie ekumenicznej*, Opole 1995, s. 61–62.
- 54 *Tamże*, s. 66; A. Mironowicz, *Kościół prawosławny w dawnej Rzeczypospolitej*, s. 61.
- 55 *Arhiv Jugo-Zapadnoj Rossii*, ch. 1, t. I, Kiev 1870, nr. 123.
- 56 *Arhiv Jugo-Zapadnoj Rossii*, ch. 1, t. I, Kiev 1859, nr. 120, c. 501–504; *Akty odnosjashhiesja k istorii Zapadnoj Rossii*, t. IV, nr. 100.
- 57 I. Malyshevskij, *Aleksandrijskij patriarh Meletij Pigas i ego uchastie v delah russkoj cerkvi*, vol. 1., Kiev 1872, s. 28–44.
- 58 *Ekthesis albo krótkie zebranie spraw, które działy się na partykularnym tj. pomiastnym synodzie w Brześciu Litewskim*, Kraków 1597, s. 334–340, 357–358; *Por. najnowsze wydanie M. Broniewski, Ekthesis albo krótkie zebranie spraw, które działy się na partykularnym tj. pomiastnym synodzie w Brześciu Litewskim*, oprac. J. Byliński i J. Długosz, Wrocław 1995; M. Broniewski, *Apokrisis abo odpowiedź na książki o synodzie brzeskim 1596*, wyd. J. Długosz i J. Byliński, Wrocław 1994; H. Pocięj, *Antirresis abo apologia przeciwko Krzysztofowi Philaletowi, który niedawno wydał książki imieniem starożytnej Rusi religiej greckiej przeciw książkom o synodzie brzeskim napisanym w Roku Pańskim 1597*, oprac. J. Byliński i J. Długosz, Wrocław 1997; *Dokumenta Unionis Berestensis*, s. 341–344; P. Skarga, *Synod brzeski i jego obrona*, Kraków 1997.
- 59 V. Antonovich, *Predislovie*, [v:] *Arhiv Jugo-Zapadnoj Rossii, izdavaemyj vremennoj komissiej dlja razbora drevnih aktov, vysochajshe uchrezhdenuju pri Kievskom Voennom, Podol'skom i Volynskom general-gubernatore*, ch. 1, t. IV, Kiev 1871, c. 2; O. Lotoc'kij, *Ukraïns'ki dzherela cerkovnogo prava*, Varshava 1931 c. 119–120; A. Mironowicz, *Kościół prawosławny w dawnej Rzeczypospolitej*, s. 63.
- 60 *Arhiv Jugo-Zapadnoj Rossii*, ch. 1, t. I, Kiev 1859, c. 509–517; *Akty odnosjashhiesja k istorii Zapadnoj Rossii*, t. IV, nr. 106, c. 145.

- 61 Ekthesis albo krótkie zebranie spraw, s. 329–376; Dokumenta Unionis Berestensis, s. 336–338.
- 62 A. Mironowicz, Podlaskie ośrodki i organizacje prawosławne w XVI i XVII wieku, Białystok 1991, s. 115–129.
- 63 L. Bienkowski, Organizacja Kościoła wschodniego w Polsce, [B:] Kościół w Polsce. Studia nad historią Kościoła Katolickiego w Polsce, pod red. J. Kłoczowskiego, t. II, cz. 2, Kraków 1969, s. 840.
- 64 P. I. Orlovskij, Uchastie zaporozhskih kozakov v vosstanovlenii Ierusalimskim patriarchom Feofanom pravoslavnoj Juzhno-Russkoj cerkovnoj ierarhii v 1620 g., [v:] Trudy Kievskoj Duhovnoj Akademii 1905 g., Kiev 1905, s. 648; J. Pelesz, Geschichte der Union..., t. II, s. 145–148; Makarij (Bulgakov), mitropolit, Istorija Russkoj Cerkvi, t. XI, Sankt-Peterburg 1882, c. 242–264; M. Grushevskij, Istorija Ukraini-Rusi, t. VII, s. 426–437; D. Doroshenko, Naris istorii Ukrainy, Warszawa 1932, t. I, c. 206–207; K. Chodynicki, Kościół prawosławny..., s. 425–429; J. Woliński, Polska i Kościół prawosławny. Zarys historyczny, Lwów 1936, s. 72–73; W. Tomkiewicz, Cerkiew dyzunicka. W dawnej Rzeczypospolitej Polskiej 1596–1795, «Przegląd Powszechny», t. CIC, Kraków 1921–1922, s. 161–163; L. Bienkowski, Organizacja Kościoła wschodniego..., s. 843–844; A. Mironowicz, Kościół prawosławny w dawnej Rzeczypospolitej, s. 80–82.
- 65 Monumenta Ucrainae Historica, vol. XI, Romae 1974, s. 345–358.
- 66 F. Sysyn, Between Poland and the Ukraine. The dilemma of Adam Kysil 1600–1653, Harvard University, Cambridge, Massachusetts 1984.
- 67 A. Theiner, Vetera Monumenta Poloniae..., s. 425; Documenta Pontificum Romanorum, vol. I, s. 530–531.
- 68 W. Hryniewicz, Unia bez zniszczenia. Memoriał unijny metropolity Piotra Mohyły (1644–1645), «Studia i dokumenty ekumeniczne», R. IX, 1993, nr 1(31), s. 21–32; A. Mironowicz, Prawosławie i unia za panowania Jana Kazimierza, Białystok 1997, s. 68–70; тот же, Kościół prawosławny w dawnej Rzeczypospolitej, s. 113–114.
- 69 E. Rykaczewski, Relacje nuncjusów apostolskich i innych osób o Polsce od roku 1548 do 1690, t. II, Poznań 1864, s. 286–288.
- 70 Volumina Legum, t. IV, Petersburg 1860, s. 437, 474; A. Mironowicz, Kościół prawosławny w dawnej Rzeczypospolitej, s. 207–208. Cp. тот же, Prawosławia i unia za panowania Jana Kazimierza, Białystok 1997; Teodozy Wasiliewicz, archimandryta słucki, biskup białoruski, Białystok 1997; Metropolita Józef Nielubowicz Tukalski, Białystok 1998; Sylwester Kossow, władca białoruski, metropolita kijowski, Białystok 1999; Kościół prawosławny w dawnej Rzeczypospolitej, c. 97–233; Kościół prawosławny w Polsce, Białystok 2006.
- 71 Volumina Legum, t. V, Petersburg 1860, s. 180; J. Kłoczowski, L. Müllerowa, J. Skarbek, Zarys dziejów Kościoła katolickiego w Polsce, Kraków 1986, s. 104–109; W. A. Serczyk, Unia brzeska – refleksje o tolerancji, [B:] Unia brzeska i jej następstwa. Materiały z sesji naukowej..., pod red. T. Stegnera, Gdańsk 1991.
- 72 Documenta Pontificum Romanorum Historiam Ucrainae Illustrantia (1075–1953), vol. 1: 1075–1700, Romae 1953, s. 631–634.
- 73 Litterae nuntiorum apostolicorum historiam Ucrainae illustrantes, vol. XIII, Rome 1969, s. 102;
- 74 Monumenta Ucrainae Historica, ed. A. Septyckij, vol. IV (1671–1701), Romae 1967, s. 107; A. Mironowicz, Kościół prawosławny w dawnej Rzeczypospolitej, s. 225–226.
- 75 Z. Waszkiewicz, Neounia – nieudany eksperyment?, [w:] Czterechsetlecie zawarcia unii brzeskiej 1596–1996, pod red. St. Alexandrowicza i T. Kempy, Toruń 1998, s. 128–129; F. Rzemieniuk, Kościół katolicki obrządku bizantyjsko-słowiańskiego. Neounia, Lublin 1999, s. 57; A. Mironowicz, The Destruction and Transfer of Orthodox Church Property in Poland, 1919–1939, «Polish Political Science Yearbook», vol. XLIII, Toruń 2014, s. 405–420.
- 76 B. Łomacz, Praca duszpasterska duchowieństwa neounickiego, «Novum» 1980, nr 5, s. 95–103; A. Mironowicz, Neounia w II Rzeczypospolitej, [B:] Kościół Greckokatolicki na Warmii i Mazurach, red. M. Melnyk, Olsztyn 2006, s. 1–16.
- 77 A. Svitich, Pravoslavnaja Cerkov' v Pol'she i ee avtokefalija, Bujenos-Ajres 1959, c. 194; A. Mironovich, Neounija v Pol'she v mezhoennoj period, «Vestnik Ekaterinburgskoj duhovnoj seminarii», Ekaterinburg 2013, vyp. 2 (6), c. 64–72.
- 78 F. Rzemieniuk, Kościół katolicki obrządku bizantyjsko-słowiańskiego, s. 62–64.
- 79 H. E. Wyczawski, Ruch neounijny w Polsce w latach 1923–1939, «Studia Theologica Varsoviensia», t. VIII, 1970, nr 1, s. 414; Z. Waszkiewicz, Neounia, s. 137.
- 80 M. Papieżyńska-Turek, Między tradycją a rzeczywistością, Warszawa 1989, s. 423; F. Rzemieniuk, Kościół katolicki obrządku bizantyjsko-słowiańskiego, s. 119–131; A.

- Mironowicz, Cerkiew prawosławna w II Rzeczypospolitej, Białystok 2018, s. 103–104.
- 81 M. Papieżyńska-Turek, Między tradycją a rzeczywistością, s. 410.
- 82 Por. Pamiętnik I-ej Konferencji Kapłańskiej w sprawie Unii Kościelnej w Pińsku (23–24 IV 1930 roku), Pińsk 1931; Pamiętniki kolejnych pińskich konferencji kapłańskiej zostały opublikowane w Pińsku: II konferencji w 1932 r.; III w 1933 r.; IV w 1934 r., V w 1935 r. i VI w 1939 r.
- 83 Archiwum Akt Nowych, Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego, 381, k. 169, 320; M. Pirożyński, Statystyka Kościoła w Polsce, Lublin 1935, s. 16–17; Z. Waszkiewicz, Neounia, s. 142–143.
- 84 A. Mironowicz, Cerkiew prawosławna w II Rzeczypospolitej, s. 104–106; Z. Waszkiewicz, Neounia, s. 138–139.

Прот. Александр Берташ (Германия, Россия)
Archpriest Alexander Bertash (Germany, Russia)

Архитектура и строительство храмов Рижской епархии при епископе Филарете (Филаретове)ⁱ

The architecture and construction of Orthodox Churches in the Riga diocese with Bishop Filaret (Filaretov)

Статья преимущественно основана на неизученных ранее материалах из Латвийского государственного исторического архива (Рига, LVVA), Эстонского исторического архива (Тарту, ЕАА) и Российского государственного исторического архива (РГИА, Санкт-Петербург). В ней рассматривается православное церковное строительство и архитектура в пределах современных Латвии и южной Эстонии в период управления Рижской епархией епископа Филарета (Филаретова). На короткое время его управления (1878–1882 гг.) пришлось окончание «церковно-строительной операции» по обеспечению церковными зданиями новых приходов, возникших чаще всего в 1840-е гг. Было закончено строительство ряда, преимущественно, сельских храмов по проекту Р. Пфлуга и Я. Бауманиса, который спроектировал последнюю по времени постройки церковь из относящихся к данной группе – в г. Бауска. В самой Риге строились

Всесвятская (Я. Бауманис) и Покровская (Р. Пфлуг) церкви. В стилистике храмо-строительства преобладали «русско-романский», русский и византийский стили, в котором был сооружён кафедральный собор в Риге. Его художественное убранство происходило под непосредственным началом епископа Филарета. В статье имеется значительное число новых атрибуций церковных сооружений Лифляндии, приведены не публиковавшиеся ранее архивные сведения о мастерах, работавших в главном храме Рижской епархии.

К концу 1877 г., когда на Рижскую и Митавскую кафедру был назначен епископ Уманский, ректор Киевской духовной академии Филаретⁱⁱ (Филаретов, 31 декабря 1877 – 23 февраля 1882 гг.)¹, в Прибалтийских губерниях насчитывалось 193988 православных, 149 приходов (125 приходов в Лифляндской губернии, 15 – в Курляндской и 9 – в Эстляндской губернии). В Рижской епархии было 157 церквей, в

ⁱ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект 18-012-00458.

ⁱⁱ Н.С. Лесков был знаком с ним и вспоминал о еп. Филарете в повести «Печерские антики».

Георгиевский храм в Бауске.
Открытка начала XIX века

том числе 143 приходских, 9 приписных, 5 домовых; 12 часовен; 99 каменных и 47 деревянных, временных церквей в казённых зданиях – 7, в наемных – 4, «неудовлетворительных по помещению» – 23.² По другим сведениям из того же источника, на это время 19 храмов находились в аварийном состоянии, 15 размещались в крестьянских избах, 7 – в помещениях приходских школ и жилых домов причта; в 20 храмах не было иконостасов, церковной утвари и богослужебных книг.³ В 377 православных школах (124 приходских и 253 вспомогательных) обучались 10696 учащихся.⁴

1878–1879 гг. стали последними годами «церковно-строительной операции» в Остзейских губерниях, осуществлённой через Министерство внутренних дел.⁵ Дело храмостроительства несколько затормози-

лось ещё при его предшественнике, епископе Серафиме (Протопопове, 1874–1877⁶). Однако епископом Серафимом были заложены Рижский кафедральный собор (3 июня 1877 г.) и здание православной Духовной семинарии (1877 г.). Монументальное здание семинарии в «полуциркульном» стиле⁷, который здесь правомерно назвать «романо-византийским», было построено архитектором Г. Шелем в 1875–1879 гг. и освящено владыкой Филаретом. Проект здания стал последней постройкой Г. Шеля для ведомства православного исповедания. Домовый Покровский храм располагался по центральной оси здания, на 3-м этаже, под массивным шлемовидным куполом. Семантическая связь с православной византийской архитектурой сочеталась здесь с аллюзиями на темы неоренессанса, в котором были построены другие крупные учебные заведения Риги того времени, включая Политехникум.⁸

С упразднением в Риге генерал-губернаторства были составлены новые «Правила для устройства православных церквей в губерниях Лифляндской, Эстляндской и Курляндской», утверждённые министром внутренних дел 1 февраля 1876 г.⁹ С 1876 г. новым заведующим церковными постройками в Прибалтийских губерниях от МВД (по-другому – постройкой церковных зданий в губерниях Эстляндской, Лифляндской и Курляндской) стал чиновник особых поручений статский советник Николай Артамонович Киселевский (с 1878 г. – действительный статский советник).¹⁰

К 10 февраля 1878 г. были окончены и готовы к «сдаче в духовное ведомство» постройки в Муствез, Ухмарду-Сааре, Вынну-Кяrsa, Прийпалу-Ванамыйза, Карула-Висси, Ряпина (Эстония) и Янюциемсе (Латвия). При владыке Филарете в 1878–1879 гг. были достроены храмы в эстонских приходах Лифляндии Вынну-Кяrsa, Ййы-

пре, Карула-Висси, Прийпалу-Ванамыйза, открыт приход в Хельме-Тырва, Эстония, где соорудили деревянный храм.¹¹

Наибольший интерес представляют храмы в «русско-романском» стиле из булыжного камня и красного кирпича, спроектированные коллежским регистратором Я. Бауманисомⁱⁱⁱ – первым латышским архитектором с академическим образованием. Так, в Карула-Висси (Кароленский приход) подрядчик Я. Менгель брался за постройку каменных церкви на 600 человек¹² и училища на 40 учеников, деревянных служб и бани, перестройку дома причта. В качест-

ⁱⁱⁱ Янис-Фридрих (Alexander Johann Friedrich, Иоганн) Бауманис (Baumanis, Baumann, подписывался по-русски как Иван Бауман) (29 апреля 1835–19 марта 1891) родился в семье латыша – лоцмана на мызе Вилькене (Wilkenhof) близ Лимбажи. Учился в школе Морица (1846–1847 гг.), Берлинской строительной академии (Berliner Bauakademie, 1860–1862 гг.) и Санкт-Петербургской Академии художеств (1862–1863 гг., в 1865 г. получил квалификацию архитектора). В 1856–1860 гг. работал в архитектурном бюро Шеля. Архитектор Лифляндского губернского правления (1870–1880 гг.), один из основателей первого Рижского общества архитекторов (1879 г.), руководитель Рижского латышского общества (1872–1875 гг.). Автор проектов многих храмов и около 150 общественных и жилых зданий, в том числе около 90 многоквартирных домов. См.: Kampe P. Architektes Jānis Frīdrihs Baumanis (1834–1891). Viņa dzīve un viņa mūža darbs. Rīga, 1927; Srābāns R. Arhitekta J. Baumaņa celtās pareizticīgo baznīcas // Izglītības Ministrijas Mēnešraksts. 1936. No.12. 679.–685. lpp.; Krastiņš J. Rīgas arhitektūras meistari 1850–1940. Rīga, 2002; Bistere Anita. Jana Frīdriha Baumaņa pilsētām projektēto pareizticīgo baznīcu arhitektoniskā veidola attīstība // Latvijas Mākslas akadēmijas Mākslas vēstures institūta publikāciju sērija / Materiāli Latvijas mākslas vēsturei. Rīga, 2007. 137.–150. lpp.; Клешнина Л.В. Панорама православного храмостроительства в Латвии // Материальные памятники русской культуры в странах Балтии 1710–2010. Tallinn, Rīga, Vilnius, 2010. Проявил себя как яркий и оригинальный мастер «русско-романского» и «романо-византийского стилей» в церковной архитектуре.

ве строителя церкви по контракту от 25 апреля 1875 г. упомянут и Ф.И. Кудряшев. Храм был освидетельствован губернским архитектором А.Ю. Гагеном 22 апреля 1878 г. в присутствии Я. Бауманиса, освящён 11 июня 1878 г. свящ. Василием Карзовым.¹³ Христорождественская церковь на 200 человек в Вынну–Кяrsa (Эстония, Вендауский приход, проект 1874–1876 гг.¹⁴, подрядчик-строитель Я. Тамман по контракту от 24 апреля 1875 г.; освидетельствована 24 апреля 1878 г. Гагеном в присутствии Бауманиса) была освящена 16 сентября 1879 г. (ныне – методистская церковь).¹⁵

В г. Валмиере (Латвия, Вольмарский приход) была построена церковь на 300 человек во имя преподобного Сергия Радонежского. Производителем работ был сам Бауманис, подрядчиком – Менгель, освидетельствована Гагеном 7 декабря 1878 г., освящена 16 мая 1879 г.¹⁶ Иоанно-Предтеченская церковь в Ухмарду-Сааре (Эстония, Заренгофский, или Сааренгофский приход) построена Я. Тамманом по тому же проекту на 300 человек, освидетельствована 26 апреля 1878 г. Гагеном в присутствии производителя работ Бауманиса, освящена 2 сентября 1879 г.¹⁷; взорвана в 1962 г.

В Муствез (Черносельский приход) по контракту от 24 апреля 1878 г. Я. Бауманис производил постройку училища на 100 человек и каменной церкви в единоверческом приходе «весьма красивой архитектуры»¹⁸ (строитель Я. Тамман). Здание училища было освидетельствовано 24 апреля 1878 г., церковь – 27 апреля 1878 г. Гагеном в присутствии Бауманиса и освящена 28 мая 1879 г.¹⁹ Церковь святителя Василия Великого в Прийпалу-Ванамыйза (Эстония, Зонтагский приход, мыза «Левенгоф») была построена Я. Тамманом, освидетельствована 23 апреля 1878 г. Гагеном в присутствии Бауманиса, освящена 7 октября 1879 г.²⁰

Контракт с Бауманисом на 1800 руб. был продлен на 1879 г., так как он должен был

Рижская Покровская церковь.
Фотография Н. Пазухиной. 2017

Рижская Всесвятская церковь.
Фотография Н. Пазухиной. 2017

заниматься ремонтами церквей в Хаапсалу и Пыльтсамаа, а главное – постройкой церкви в г. Бауска (ранее Баузке, Бауск, Курляндская губ., Латвия), спроектированной в 1878 г. Георгиевская церковь в г. Бауска²¹ была начата постройкой в конце июня 1879 г. (подрядчик Шульц). 6 августа 1879 г. состоялась закладка церкви, 28 ноября 1880 г. она была принята в духовное ведомство, а 18 января 1881 г. освящена.²² Это трехчастный храм, в плане близкий к равноконечному кресту, однако более вытянутый по оси «запад–восток». Основной объем близок к кубу и увенчан пятиглавием, боковые ризалиты завершены треугольными фронтонами. Барабаны – в виде богато профилированных вытянутых восьмериков. Боковые барабанчики глухие и завершены позднейшими луковичными главками, «русифицирующими» облик храма, центральный барабан – световой, со шлемовидным куполом, над которым – фонарик с аналогичной главкой. Главный четверик соединён трапезной с притвором, над которым возвышается квадратная в плане оригинальная столпообразная колокольня, завершённая низким шатром с главкой. Оконные проемы – полуциркульные, оформлены рамочными наличниками, имеются декоративные люкарны, карнизы украшены поясами дентикулов. Красный кирпич сочетается с выбеленными деталями.

Я. Бауманисом по инициативе епископа Филарета была спроектирована и построена одна из лучших в Российской империи церквей в «русско-романском» стиле: во имя Всех Святых на старом православном кладбище в Риге (1881–1884 гг.).²³ Она имеет трехчастный план и полуциркульную в плане апсиду. Оригинальный купол с яйцевидной кровлей и венчающей луковичной главкой декорирован четырьмя полуциркульными в плане объёмами, приставленными к граням и чередующимися с вене-

цианскими оконными проёмами. С запада расположена столпообразная колокольня с трапезной (1868–1870 гг.), увенчанная низким шатром с главкой, наподобие церкви в Бауске. Кирпичный декор составляют контрфорсы, рамочные обрамления полуциркулярных окон, пояса арочек, в том числе «ползучих», окна-розы на боковых фасадах. Центральный объём – крестово-купольный. Трапезная часть имеет плоское перекрытие, в центральной части восьмигранный световой барабан опирается на массивные угловые пилоны. Ветви трансепта перекрыты полуциркулярными сводами. Прототипами «итальянизирующей» отделки храма, что не лишает его своеобразия, можно считать берлинские церкви св. Марка, включая колокольню-кампаниллу (Markuskirche, 1848–1850 гг., архитекторы Г.Л. Рунге и А. Штюлер, разрушена), и св. Фомы (Thomaskirche, 1865–1869 гг., архитектор Ф. Адлер, ориентирована на храм св. Виталия в Равенне).²⁴ Колокольни же в Риге и Бауске напоминают монастырские звонницы, спроектированные М.А. Щуруповым в Реконской пустыни и М.Д. Быковским в московском Страстном монастыре (не сохранилась), также восходящие к типу кампанилл. Я. Бауманис остался последним специалистом по постройке православных церквей, получавшим регулярное содержание за счёт церковно-строительных сумм в ходе «церковно-строительной операции» 1870–1879 гг.

При епископе Филарете достраивались ещё несколько церквей из булыжного камня и кирпича в «русско-романском» стиле, спроектированных Р. Пфлугом в 1875 г. Это Петропавловская церковь в Кокнесе (Латвия, Кокенгузенский приход), построенная подрядчиком Я. Менгелем и освящённая в 1878 г. (взорвана в 1965 г.); Георгиевская в Йыьпре (Эстония, Йеппернский приход), построенная подрядчиком Я. Тамманом, освидетельствован-

ная 20 июня 1878 г. Гагеном, освящённая 2 сентября 1879 г.; Крестовоздвиженская церковь в Вестиена – Толка (Латвия, Фестенский приход)²⁵ на 450–500 человек, построенная Я. Менгелем, заложенная 29 июня 1876 г., производитель работ Пфлуг, освидетельствованная на 13 декабря 1878 г., освящённая 27 мая 1880 г.²⁶; Иоанно-Предтеченская церковь на 200–300 человек в Ледурге (Латвия, Кольценский приход), производителем работ был Р. Пфлуг, освидетельствована церковь 8 декабря 1878 г. губернским архитектором Ю. А. Гагеном, освящена 25 октября 1881 г.²⁷ Р. Пфлуг отошёл от сельского храмостроительства, будучи занят сооружением кафедрального Христорождественского собора и получив в связи с этим 21 июня 1878 г. должность в Министерстве внутренних дел. При владыке Филарете был завершён основной объём строительных работ и осуществлялось живописное убранство собора. Первоначально предполагалось заказать иконы в столичной мастерской П. А. Зыкова, который работал для церквей в Риге и Валге.²⁸ Но в результате художественные работы были выполнены известными мастерами преимущественно академического направления с элементами «византийского стиля»: росписи – Ф.С. Журавлевым и А.И. Корзухиным, иконы – В.В. Васильевым, К.Б. Венигом – уроженцем Ревеля (Таллинна), В. П. Верещагиным (1835–1909)²⁹ и П. М. Шамшиным. Программу расположения икон в иконостасе и стенной живописи составил сам еп. Филарет. 8 октября 1881 г. в письме Р. Пфлугу он выражал желание, чтобы живопись «для гармонии с архитектурой церковного здания имела характер византийский-художественный».³⁰ Позолоту венчающих частей собора приняли на себя золотых дел мастера Борель из Вильнюса (Вильно, 12 ноября 1879 г.) и Е. Иванов из Санкт-Петербурга (30 января 1880 г.). Сами купола при этом были выкра-

Могила епископа Филарета в Спасо-Преображенской пустыне

шены в голубой цвет. Систему отопления с помощью калориферов «израсчатой каннелюрной конструкции» («батареиных гончарных печей») и вентиляции разработал столичный инженер И. Фловицкий (6 февраля 1880 г.; использовались также четыре русские израсчатые печи в подвале и чугунный камин), водоснабжения и канализации – И.А. Бок (счёт от 27 августа 1880 г.). Полихромные прессованные из цемента плитки для пола изготавливал Й. Валтер (счёт от 15 июля 1880 г.), металлические форточки – И. Козлов (контракт от 3 октября 1880 г.), решётки – Осип Андреев (14 февраля 1880 г.) и Михаил Яковлев (17 декабря 1880 г.). Подписку на изготовление резных дубовых иконостасов принял на себя Фома Фендер (2 декабря 1880 г.), столярные работы – А. Нейманн (10 ноября 1880 г., поручни перил) и другие ма-

стера. Следует отметить, что значительная часть мастеров были рижанами. Ограду изготавливал известнейший Санкт-Петербургский чугунно-литейный и механический завод Ф. Сан-Галли.³¹ В те же годы Пфлугом была спроектирована колокольня («звонница») собора: её проект со сметой в 60163 руб. был высочайше утверждён 16 мая 1880 г. Причиной послужил дар собору императором Александром II 12 колоколов, отлитых на заводе Н.Д. Финляндского, которые по своим размерам не могли разместиться в проемах боковых глав: там первоначально предполагалось разместить звоны.³² Р. Пфлугом при епископе Филарете был завершён ещё один рижский храм в византийском стиле – крестообразная в плане однокупольная Покровская кладбищенская церковь (1876–1879 гг.).³³

В марте 1880 г. еп. Филарет вёл переговоры с хорошо ему знакомым выдающимся миссионером равноапостольным Николаем (Касаткиным) по поводу того, чтобы некая архиерейская мыза, «дача викария», «лучшая в окрестностях Дерпта», сдавалась в аренду и плата шла бы на поддержание миссии в Японии. Направляясь в Японию, св. Николай был в 1880 г. хиротонисан в епископа Ревельского, викария Рижской епархии.³⁴ В 1880 г. им был возрождён и преобразован в женский Илукстский Рождество-Богородицкий монастырь с открытием при нём училища.³⁵ Однако деятельность епископа Филарета, в частности, конфликт с первым ректором семинарии – латышом прот. Михаилом Дрекслером (1872–1880 гг.), вызывала неудовольствие Синода. «На архиерейство в Ригу можно посылать только в наказание. Пусть меня в Сибирь сошлют или в заолустный монастырь на покой, лишь бы взяли отсюда!», – в сердцах говорил епископ Филарет.³⁶ Рассматривался вопрос о его смещении с кафедры для «предотвращения совершенного расстройств епархии»,

о чём 11 февраля 1882 г. откровенно писал К.П. Победоносцеву первоприсутствующий член Синода митр. Новгородский и Санкт-Петербургский Исидор (Никольский).³⁷ Неурядицы не могли не сказаться на состоянии здоровья архиерея. Он скоропостижно скончался от разрыва сердца 23 февраля 1882 г., на 58-м году жизни. Епископ Филарет был погребён в крипте под правым клиросом Рижского Петропавловского кафедрального собора. После закрытия храма в октябре 1963 г. останки владыки были перезахоронены у южной стены Преображенской церкви пустыни Троице-Сергиева Рижского монастыря под Елгавой, над могилой установлен чёрный гранитный крест.

Таким образом, за короткий период управления Рижской епархией епископа Филарета необходимость постройки новых церквей по-прежнему преимущественно диктовалась потребностью в храмах перешедших в православие в 1840-е гг. латышских и эстонских крестьян и однозначно зависела от государственного фи-

нансирования, которое постепенно уменьшалось. Тем не менее, храмы продолжали строиться в комплексах, вместе с училищным и причтовыми зданиями, как это было в обычае в Прибалтийском крае: епископ Филарет уделял особое внимание образованию. Число церквей при нём достигло 182, из них 17 (9,34%) было приписных.³⁸ В их архитектуре сохранялось эклектическое разнообразие форм, характерное во время царствования императора Александра II даже в консервативном церковном зодчестве, с преобладанием «русско-романского», русского и византийского стилей (собор Рождества Христова, художественное убранство которого появилось при непосредственном участии образованного владыки). Русский стиль после воцарения императора Александра III стал наиболее распространённым. В Рижской епархии это произошло уже после кончины епископа Филарета, при котором завершился важнейший этап храмостроительства в Прибалтике – «церковно-строительная операция».

Summary

The article is devoted to the topic of construction of Orthodox churches and their architecture in the Riga diocese during the period when the it was governed by Bishop Filaret (Filaretov). This is the first time that information has been provided on the final stage of the “church-construction procedure”, which started at the end of the reign of the Emperor Alexander II and has led to the peak of the intensification of the construction of churches in the Riga Diocese. The article

also sheds light on those masters who were engaged in interior decoration of the Riga Nativity of Christ Orthodox Cathedral under the authority of the bishop. The architects of most churches of this period were the masters of “Riga school”: R.A. Pflug and J.F. Baumanis who worked mainly in the “Russian-Romanesque” style. Churches continued to be built in combination with schools and clergy buildings.

Reference list

1 Biograficheskie svedeniya sm.: Nekrolog preosvjashchennogo Filareta, episkopa Rizhskogo i Mitavskogo. Riga, 1882;

Korol'kov I. Preosvjashchennyj Filaret, episkop Rizhskij kak rektor Kievskoj Duhovnoj akademii. Kiev, 1882;

- Maceevich L.S. Pamjati preosvjashchennogo episkopa Filareta Filaretova, byvshego rektora Kievskoj Duhovnoj akademii. Kiev, 1912; Saharov S.P. Rizhskie pravoslavnye arhipastyri za sto let (1836–1936). Daugavpils, 1937; Aleksij II (Ridiger), patriarh. Pravoslavie v Jestonii. M., 1999. S. 277–281; Gavrilin A.V. Filarety Rizhskie: episkopy Filaret (Gumilevskij) i Filaret (Filaretov) // Intelligencija v mnogonacional'noj imperii: russkie, latyshy, nemcy. XIX – nachalo HH v. M., 2009. S. 42–66.
- 2 Istoriko-statisticheskoe opisanie cerkveji i prihodov Rizhskoj eparhii. Vyp. 2. Ch. I. Riga, 1894. S. 194–195.
 - 3 Istoriko-statisticheskoe opisanie cerkveji i prihodov Rizhskoj eparhii. Vyp. 2. Ch. II. Riga. 1898. S. 32–34.
 - 4 Gavrilin A.V. Ocherki istorii Rizhskoj eparhii. XIX vek. Riga, 1999. S. 270.
 - 5 Sm. podrobnec publikacii avtora nastojashchej stat'i: «Rizhskaja shkola» v hramostroitel'stve Pribaltijskogo kraja 1870-h gg. // Pravoslavie v Baltii. # 4 (13). Riga, 2016. S. 9–32; «Cerkovno-stroitel'naja operacija»: provincial'noe cerkovnoe stroitel'stvo konca 1860–1870-h gg. na territorii Latvii i Estonii // Pravoslavie v Pribaltike: religija, politika, obrazovanie. 1840-e – 1930-e gg. Pjart I. (red.), Tartu, 2018. S. 41–93; Organizacija processa pravoslavnogo hramostroitel'stva v Pribaltike pri episkope Veniamine (Kareline, 1867–1874 gg.) // Enciklopedicheskaha praktika: materialy i issledovanija. Sbornik nauchnyh statej i dokumentov. Vyp. 7. SPb., 2018. S. 27–43; Ustrojstvo i topografija pravoslavnyh cerkvej v Pribaltijskijh gubernijah v carstvovanie imperatora Aleksandra III // Teorija i praktika regionovedenija. T. I. Trudy I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi regionovedcheskoj konferencii. Kn. pervaja. Sost., gl. red. V.V. Jakovlev. SPb., 2018. S. 92–103.
 - 6 «Etot arhipastyr' Rizhskij byl gorazdo bolee u mesta v kachestve redaktora zhurnala «Pravoslavnyj sobesednik», professora slovesnosti i cerkovnogo krasnorechija, nakonec, cenzora, no ne na boevom postu v g. Rige» (Vysockij I.I. Ocherki po istorii ob»edinenija Pribaltiki s Rossiej (1710–1910 gg.). Vyp. 3. Pravoslavie. Ch. 2. Riga, 1910. S. 28).
 - 7 Mintaur M. Dejatelnost' arhitektorov-chlenov Sankt-Peterburgskoj imperatorskoj Akademii hudozhestv na territorii Latvii vo vtoroj polovine XIX v. // Intelligencija v mnogonacional'noj imperii. M., 2009. S. 234–235.
 - 8 Das Baltische Polytechnikum zu Riga, otkryt v 1862 g., s 1896 g. – Rizhskij Politehnicheskij institut.
 - 9 RGIA (Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv, Sankt-Peterburg). F. 1284. Op. 227. D. 22. L. 6–17.
 - 10 LVVA (Latvijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv, Riga). 4754. f., i. apr., 1253. l., 155., 162., 195. lp.
 - 11 Berens V., prot. Istoriko-statisticheskoe opisanie... Estonskaja eparhija. Tallinn, 1974 (mashinopis'). S. 19.
 - 12 EAA (Jestonskij istoricheskij arhiv, Tartu), f. 291, n. 9, S. 258.
 - 13 LVVA. 4754. f., i. apr., 1253. l., 253.-254., 279. lp.
 - 14 EAA, f. 291, n. 9, S. 254; EAA, f. 291, n. 9, S. 257; LVVA. 4754. f., i. apr., 1253. l., 341. lp.
 - 15 LVVA. 4754. f., i. apr., 1253. l., 262.-263., 341. lp.
 - 16 LVVA. 4754. f., i. apr., 1253. l., 308., 323. lp.
 - 17 LVVA. 4754. f., i. apr., 1253. l., 266.-267., 338. lp.
 - 18 Obozrenie cerkvej, shkol i prihodov preosvjashchennym Arseniem, episkopom Rizhskim i Mitavskim v 1891 g. Riga, 1892. S. 93.
 - 19 LVVA. 4754. f., i. apr., 1253. l., 268.-269., 331. lp.; Ponomareva G., Shor T. Iz istorii edinoverija v Prichud'e // Russkie v Pribaltike. M., 2010. S. 11–20; Plaat J.Vene vanausulised ja nende pühakojad Eestis. Tallinn, 2017. S. 48–49, 104–106.
 - 20 LVVA. 4754. f., i. apr., 1253. l., 264.-265., 341.-342. lp.
 - 21 Putniņa M. Sakrālās arhitektūras un mākslas mantojums Zemgalē. Riga, 2015. 158.–163. lpp.
 - 22 LVVA. 4754. f., i. apr., 1253. l., 333. lp.; Pravoslavnye hramy i prihody na territorii Latvii v XIII–XXI vekah. Sost. E. Shhenikov. Riga, 2017. S. 35–36.
 - 23 Kleshnina L.V. Dva hrama v neoromanskom stile // Pravoslavie v Latvii. Istoricheskie ocherki. Vyp. 6. Riga, 2007. S. 120–135; Rīgas dievnami. Arhitektūra un māksla. Riga, 2007. 488.–499. lpp.; Levina M. i dr. Nasledie sakral'nogo iskusstva i arhitektury Rigi. Riga, 2010. S. 238–245. Oshibochnaja datirovka privedena v: Reinberg A. Die griechesch-orthodoxen Kirchen // Riga und seine Bauten. Riga, 1903. S. 181: cerkov' datirovana 1869–1870 gg., kolokol'nja – 1882–1883 gg.
 - 24 Deutsche Kirchen. Band 1. Die evangelischen Kirchen in Berlin. Gesammelt W. Lütkemann. Berlin, 1926. S. 37–39, 168–170.
 - 25 LVVA. 10. f., 4. apr., 995 l. 3. lp.; 998 l., 16. lp.
 - 26 LVVA. 4754. f., i. apr., 1253. l., 311., 353. lp.
 - 27 LVVA. 4754. f., i. apr., 1253. l., 303.-304., 367. lp.

- 28 Danchenko E.A., Krasilin M.M. Materialy k slovarju ikonopiscev XVII–XX vekov. M., 1994. #51. S. 16–17.
- 29 Tizik Karp, svjashch. Revel'skij Aleksandro-Nevskij sobor na Vyshgorode. Revel', 1910.
Vse zhe ne sohranivsheesja vnutrennee ubranstvo sobora bylo vpolneno preimushhestvenno v ruskom stile.
Po arhivnym dokumentam ustanovleny мастера, rabotavshie v sobore pri episkope Filarete.
Pochti vse sovremennye opisaniya povtorjajut oshibku prot. A. Sinajskogo, kotoryj sputal cerkovnogo hudozhnika-akademista s batalistom V.V. Vereshhaginym (Sinajskij Pavel, prot. Istoricheskij ocherk Rizhskogo kafedral'nogo sobora. Riga, 1910. S. 40, 43; Rizhskij kafedral'nyj sobor Rozhdestva Hristova. Riga, 2006).
- 30 LVVA. 10. f., 4. apr., 933. l., 1. lp.
- 31 LVVA. 10. f., 4. apr., 930. l., 931. l., 932. l.
- 32 RGIA. F. 1284. Op. 227. D. 7, 8.
- 33 Rīgas dievnami. Arhitektūra un māksla. Rīga, 2007. 528.–535. lpp.;
Levina M. i dr. Nasledie sakral'nogo iskusstva i arhitektury Rigi. Rīga, 2010. S. 304–309, 134–143, 322–327.
- 34 Dnevniky sv. Nikolaja Japonskogo. Tom I. SPb., 2004. S. 215–238.
- 35 Gavrilin A.V. Ilukstskij v chest' Rozhdestva Presvjatoj Bogorodicy zhenskij monastyr' // Pravoslav'naja jenciklopedija. T. 22. M., 2014. S. 327–328.
- 36 Manuil (Lemeshevskij), mitr. Russkie pravoslavnye ierarhi. 992–1892. T. 3. M., 2004.
- 37 LVVA. 1462. f., 1. apr., 181. l., 144. lp.
- 38 Preobrazhenskij I.V. Otechestvennaja cerkov' po statisticheskim dannym s 1840–41 po 1890–91 gg. SPb., 1901. S. 23–24.

Александр Гаврилин (Латвия)
Alexander Gavrilin (Latvia)

Священноисповедник Агафангел (Преображенский) на Рижской кафедре

Saint Martyr Metropolitan Agafangel (Preobrazhensky) during his service in Riga

На Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 2000 года был прославлен митрополит Ярославский и Ростовский Агафангел (в миру – Александр Лаврентьевич Преображенский, 1854 – 1928 гг.; пам. 3 октября и в Соборе новомучеников и исповедников Российских). В 20-х годах XX века он являлся одним из самых авторитетных российских иерархов, строго следовавший церковным канонам, решительно выступивший против обновленческого движения, наконец, последовательно отстаивавший принцип сохранения «мира церковного».¹ В историографии достаточно изучены лишь последние десять лет земного служения святителя Агафангела, особенно период после 1922 года, когда Патриарх Московский и Всея Руси Свт. Тихон возложил на митрополита Агафангела должность Заместителя Патриарха.² Между тем он был иерархом Русской Православной Церкви (РПЦ) около 40 лет, и именно благодаря его служению до 1922 года Патриарх принял решение поставить митрополита Агафангела во главе церковного управления. В этой связи пред-

ставляется интересным проследить и другие, более ранние, этапы его архиерейского служения, из которых самым длительным (13 лет) был период управления Агафангелом Рижской епархией.

По словам свт. Агафангела (Преображенского), «на том служебном пути, каким я шел доселе, я по живым и близким примерам узнал, что значит стоять на высоте епископского служения, каких богатых сил и высоких дарований требует она, какую тяготу несут стоящие на ней: кому отдых, а им труд; кому покой, а им непрерывная забота; кому радость, а им непрестанные скорби. Во все времена епископское служение было самым трудным служением, но в настоящее время тягота епископского служения еще умножилась: слишком горд и надменен своими познаниями стал ум; слишком ослабели нравственные узы, связующие волю; слишком много явилось непризванных учителей, слишком многоглаголивцы стали уста их. Чтобы смирить гордый ум и подчинить его слову Божию, нужно иметь ум Григория Богослова; чтобы обуздать волю человеческую и напри-

вить ее по заповедям Евангелия, нужно иметь волю Василия Великого; чтобы заградить богохульные уста непривзванных учителей, нужно иметь красноречие Иоанна Златоуста».³

Митрополит Агафангел прошел обычный путь российского священнослужителя XIX века. Александр Лаврентьевич Преображенский родился 27 сентября 1854 года в семье священника с. Мочилы Веневского уезда Тульской губернии. В 1871 году поступил в Тульскую Духовную семинарию. Увлекался естественными науками и мечтал стать врачом, однако, потеряв отца, решил заменить его на приходе. После окончания в 1877 году семинарии, он, как лучший выпускник, был направлен в Московскую Духовную Академию, которую окончил в 1881 году со степенью кандидата богословия и правом получения степени магистра богословия без экзамена. Служил преподавателем латинского языка в Раненбургском Духовном училище, с 7 декабря 1882 года – помощником смотрителя Скопинского Духовного училища. Вступил в брак с Анной Вознесенской, дочерью протоиерея, однако после 11-ти месячной счастливой супружеской жизни он одновременно лишился и жены, и сына. Приписав своё несчастье испытанию свыше и вверившись руководству Промысла Божия, А. Л. Преображенский решил избрать новый путь жизни: целиком посвятить себя Церкви и принять образ иноческий. 7 марта 1885 года над ним совершили постриг с именем Агафангела и рукоположение во иеродиакона, 10 марта он был посвящён в сан иеромонаха с оставлением в должности помощника смотрителя Скопинского Духовного училища. 4 декабря 1886 года был назначен инспектором Томской Духовной семинарии с возведением в сан игумена, 20 января 1888 года стал ректором Иркутской Духовной семинарии с возведением в сан архимандрита.

15 июня 1889 года по предложению Св. Синода Высочайше повелено было архимандриту Агафангелу (Преображенскому) быть епископом Киренским. 9 сентября 1889 года в Иркутске в домовая архиерейской церкви, в присутствии архиепископа Иркутского и Нерчинского Вениамина (Благолюбовова) и епископа Селенгинского Макария (Дарского), Агафангел (Преображенский) был наречен епископом Киренским, вторым викарием Иркутской епархии, а 10 сентября в Иркутском Вознесенском монастыре была совершена его хиротония во епископа.⁴

17 июля 1893 года епископ Агафангел был переведён на самостоятельную Тобольскую и Сибирскую кафедру. Приветствуя свою новую паству, епископ Агафангел отметил, что главной задачей своего служения он считает христианское просвещение общества: «Не говоря о необразованном простом народе, даже, так называемый, образованный класс, при серьезном взгляде на его жизнь и убеждения, с христианской точки зрения, нередко может поразить своим духовным убожеством. Не говорю уже об имеющих дерзость отрицать Христа и Его учение, даже у людей, считающих себя верующими, как мало замечается истинно христианского нравственного просвещения! Нетвердость, шаткость убеждений, общие места, громкие, красивые фразы о культурности и прогрессе и полное непонимание сущности всякой культуры и прогресса! Обучение смешивается с просвещением, в знаниях преобладает показная сторона, молодежь стремится не к разумному, наиболее удовлетворяющему потребностям души решению вечных вопросов, а к отметкам, правам, внешним преимуществам. Говорить ли, что и вытекающая из таких взглядов и принципов, или, вернее сказать, из беспринципности, жизнь общества лишена нравственных устоев, недостойна просвещенного человека... Не

имеет цены то образование, которое не делает человека более сердечным, отзывчивым к нуждам и страданиям ближних, более способным и готовым им служить. Не нужно быть учителем по званию, чтобы научить добру: это может делать всякий, кто сам понимает добро и хочет служить ему. Сила не в силе, не в выдающихся способностях деятелей, сила – в любви к ближним, в единении всех желающих и могущих служить им».⁵ В Тобольске епископ Агафангел проявил себя не только энергичным, деятельным архиереем, но и опытным миссионером. Из года в год он совершал поездки по самым отдалённым приходам своей огромной епархии, совершал в них молебствия, благословлял собиравшийся народ, раздавал книжки духовного содержания, решал вопросы об оказании немущим материальной помощи, а когда не было возможности найти деньги для этой цели в органах государственной власти или у частных лиц, жертвовал нуждающимся свои личные средства. 4 октября 1897 года Агафангел был назначен епископом Рижским и Митавским.

В Ригу епископ Агафангел прибыл 12 декабря 1897 года, сменив на Рижской кафедре «пылкого, энергичного, трудолюбивого»⁶ архиепископа Арсения (Брянцева), управлявшего Рижской епархией с 1887 по 1897 гг. К 1897 году количество православных в прибалтийских губерниях составляло 241 948 человек, а в 189 приходах Рижской епархии служили 228 священников, 39 диаконов и 370 псаломщиков.⁷ По словам архиепископа Арсения, основной особенностью Рижской епархии было то, что здесь «православные живут между лютеран и между людей других вероисповеданий. Этих обитателей Прибалтийского края безмерное большинство сравнительно с православными. Какая же нужна осторожность, твердость и непоколебимость, чтобы это подавляющее большинство не

поглотило нашего меньшинства». Надо было учитывать и то, что «православные, за исключением немногих, бедные и, в материальном отношении, зависимые от лютеран. А материальная зависимость имеет, несомненно, сильное влияние на духовную сторону человека. Имея это в виду, мы должны самоотверженно, с упованием на помощь Божию, трудиться для спасения людей, препобеждать встречающиеся препятствия силой веры, убеждения словом и делом, как истинные пастыри Церкви Христовой».⁸

Епископ (с 6 мая 1904 года – архиепископ) Агафангел энергично продолжил дело своего предшественника, стараясь, чтобы в крае «поскорее уничтожились разногласия религиозные, чтобы умножилась вера и любовь к добрым делам».⁹ Рижане отмечали спокойный, ровный характер епископа Агафангела, его общительность, доступность, открытость для всех, снисходительность к слабостям и ошибкам подчинённых, его скромность и истинно христианскую любовь к несчастным и немущим, готовность защищать равные права для людей всех национальностей. Отмечались его глубокие, проникновенные проповеди. Однако, в отличие от своего предшественника, епископ Агафангел запретил печатать произнесённые им проповеди на страницах «Рижских Епархиальных Ведомостей», считая, что основная заслуга в проповеди слова Божия принадлежит не архиереям, а приходским священникам: «не я делал, а вы, мне же принадлежала только инициатива и руководство вами».¹⁰ Он увлекался вопросами культуры, народного просвещения, современными техническими новшествами, первым ввёл в обиход архиерейского дома телефон. По его настоянию в Рижском кафедральном Христорождественском соборе было проведено электричество, он освятил Рижский электротехнический завод «Унион», вагон

первого в Риге электрического трамвая, на котором первым и совершил пробную поездку.¹¹

Владыка Агафангел отличался тем, что никогда не скупился личными средствами, если было необходимо что-то сделать для нужд епархии. Считая, что архиерейская дача нужна не епархии, а только самому архиерею, он запретил расходовать на её строительство епархиальные средства и построил архиерейскую дачу и домовую церковь в Буллен (Булли) за свой счёт.¹² По инициативе епископа Агафангела при Рижском кафедральном Христорожественском соборе была открыта общедоступная народная библиотека, подобные библиотеки он рекомендовал открыть в каждом приходе епархии.

В 1900 году епископ Агафангел обратился к XXIV епархиальному съезду духовенства с предложением «об устройстве ежегодных учительских курсов для преподавателей православных школ епархии для возобновления познаний по методике преподавания учебных предметов».¹³ В 1903 году «с целью распространения и утверждения в православном населении г. Риги истинных понятий о православной вере и христианском благочестии» при кафедре Рижского архиерея было основано «Православное религиозно-просветительное общество».¹⁴ Члены этого общества регулярно проводили религиозно-нравственные чтения и беседы о народной трезвости и др. в Рижском кафедральном соборе, на фарфорофаянсовой фабрике Кузнецова, в чайных попечительства, а в январе 1907 года открыли в Риге постоянно действующие богословские курсы. По предложению епископа Агафангела с ноября 1904 года в прибалтийских губерниях стали выходить новые православные периодические издания: для латышей – журнал «Garīgais Vēstnesis» (редактор о. Николай Лейсман), для эстонцев – жур-

нал «Waimulik Sonumitooja» (редактор о. Александр Вятат).

В 1906 году архиепископ Агафангел провёл собрание законоучителей средних учебных заведений Риги, на котором было решено впредь проводить подобные собрания еженедельно в течение всего учебного года. По предложению архиепископа в 1909 году в Рижской епархии была учреждена должность епархиального миссионера-проповедника.

Во время регулярных поездок по приходам епархии архиепископ Агафангел совершал торжественные богослужения, обращался к пастве со словами назидания, постоянно общался с клиром и мирянами, проводил пастырские собрания, на которых призывал духовенство «усердно работать в школе, сея в детских сердцах семена православной веры и благочестия... обращать особенное внимание на Закон Божий... поставить в школе на подобающую высоту и церковное пение, так как оно одно из сильнейших средств воспитательного воздействия в православном направлении. Рекомендовалось пастырям стать в близкие отношения к семье и заботиться об устройстве домашней обстановки учащихся и вообще семьи в церковном духе. Также рекомендовалось пастырям вести в семейной обстановке религиозные беседы... пользоваться проповедью в самых широких размерах».¹⁵ По свидетельству участников этих собраний, при беседах архиерея с духовенством никогда «не было натянутости отношений, ни подавленно-го страха; простота и прямота беседы и ласковость Владыки одобряли, оживляли всех участников».¹⁶ Следует отметить, что в управлении епархией архиепископ Агафангел строго придерживался принципа коллегиальности. Все епархиальные дела открыто обсуждались на заседаниях консистории, на епархиальных съездах духовенства, а при назначениях священников на

приходы архиерей всегда прислушивался к мнению прихожан.

Наиболее ярко личность архипастыря раскрылась в тревожные годы революции 1905–1907 гг. Именно благодаря решительной позиции архиепископа Агафангела, Православная Церковь, стараясь примирить враждующие стороны, оказывая помощь пострадавшим от революционных волнений, стала единственной религиозной конфессией Прибалтики, которая в событиях 1905–1907 годов пыталась руководствоваться не политическими интересами, а христианскими законами. Когда в Прибалтике свирепствовали карательные экспедиции и военно-полевые трибуналы, архиепископ Агафангел твёрдо и последовательно встал на сторону гонимых. В январе 1906 года по ходатайству архиерея были освобождены из-под ареста и оправданы военно-полевым трибуналом псаломщик Иоанн Индриксон, староста православной церкви и несколько учителей лютеранского вероисповедания мызы Мерьяма (Эстляндская губ.).¹⁷ Впоследствии благодаря личному участию архиепископа Агафангела были спасены от ареста и наказания десятки жителей прибалтийских губерний. Архиепископ обратился к настоятелям церквей Рижской епархии с просьбой сделать всё для защиты «невинных или раскаивающихся в своих прегрешениях», независимо от того, к какому лагерю они принадлежали: «Открыть же действительно виновных и оградить невинных от насилия и мести со стороны злонамеренных людей представляет, при всеобщем возбуждении умов, растерянности мирного населения, нарушении правового порядка жизни и управления в сельских местностях, задачу чрезвычайно трудную. Поэтому, естественно, могли быть прискорбные случаи наложения наказаний, нередко страшно тяжёлых, на людей невинных или виновных, но не настолько, чтобы быть наказанными по

всей строгости законов военного времени... я поручаю вам, отцы настоятели, если по вашему искреннему убеждению, свидетельствуемому иерейскою совестью и долгом священнической присяги, кто-либо из ваших прихожан, или даже и инославных, но лично вам известных, будет невинно привлечен к ответственности по обвинению в противоправительственной деятельности и участия в бывшем революционном восстании, а также в тех случаях, когда к сей ответственности будут привлекаться лица заведомо доброго направления и вообще благонадежные, но увлеченные в эту деятельность угрозами, насилием и боязнью мести со стороны агитаторов восстания, представлять пред местными военными и гражданскими властями и смиренно просить об освобождении от ответственности первых и об облегчении участи и помиловании вторых».¹⁸ Священники горячо откликнулись на призыв своего архипастыря и «без шума, тихо, с терпением и христианской любовью потрудились во спасение ближних пред мирскими властями».¹⁹ В то время, когда многие лютеранские пасторы, боясь разъярённой толпы, бросали свои приходы и бежали в города под защиту войск, православные священники оставались со своей паствой и пытались успокоить взбунтовавшуюся толпу (Марциенский священник Петр Гринвальд и др.), выходили навстречу карательным отрядам и не пускали карателей на территории своих приходов (Вецсалацкий священник Карп Грундулис и др.), становились в строй расстреливаемых карателями крестьян, предотвращая расстрелы невинных. Следует отметить, что одной из самых распространённых форм борьбы социал-демократов в 1905–1907 годах в Прибалтике были так называемые «церковные демонстрации», во время которых партийные агитаторы срывали богослужения, разбрасывали прокламации и выступали

Святитель Агафангел (Преображенский)

с речами. Показательно, что «церковные демонстрации» затронули только евангелически-лютеранские церкви, так как попытки провести их в православных церквях всегда встречали решительный отпор со стороны прихожан.

24 января 1906 года архиепископ Агафангел выступил ещё с одной инициативой: «В несчастные дни бывшего революционного движения в Прибалтийском крае многие семьи православных латышей и эстов, а также и русских, лишились своих кормильцев и обнищали, немало осталось и круглых сирот. По чувству любви и христианского благотворения и по долгу пастырства, желая придти на помощь этим несчастным чадам Богом врученной нам паствы, я признаю нужным образовать для сей цели, под своим председательством, Комитет из духовных и светских лиц. Средствами для этой помощи могли бы служить отчисления, хотя бы и небольшие, из сумм церковей и церковно-приходских попечительств и пожертвования Братств, Благотворительных обществ и частных лиц».²⁰ Во всех церквях епархии был объявлен сбор пожертвований для «Комитета для сбора пожертвований в пользу православных семейств, пострадавших от беспорядков в Прибалтийском крае». По распоряжению архиепископа Агафангела от 20 марта 1906 года на нужды «Комитета» были выделены средства из церковно-приходских капиталов, в результате чего многим пострадавшим от волнений удалось оказать материальную помощь.

17 апреля 1905 года была объявлена свобода вероисповедания. По подсчётам евангелически-лютеранских консисторий, после принятия этого закона по меньшей мере 50 тысяч латышей и эстонцев должны были перейти из православия в лютеранство. Эти прогнозы не оправдались, православие покинули только 3 тысячи человек. Однако следует отметить, что в период революции 1905–1907 годов, благодаря «смутным

настроениям, падению заработков, росту вольномыслия, безбожия и антирелигиозной пропаганды печати»²¹, понесли потери все религиозные конфессии Прибалтики, не только Православная Церковь. Но и после 17 апреля 1905 года численно небольшой, но постоянный переход местного населения из лютеранства в православие сохранялся. Руководимому архиепископом Агафангелом духовенству Рижской епархии в этот сложный для Церкви период успешно удалось справиться с трудностями, вызванными революционными волнениями.

Летом 1905 года всем архиереям РПЦ было предложено прислать в Св. Синод свои замечания о положении Церкви и предложения обо всех необходимых преобразованиях. Как и большинство архиереев, архиепископ Агафангел в своем «Отзыве» потребовал освободить Церковь от государственной опеки, выступил за восстановление самоуправления прихода, как основной ячейки соборности Церкви, за расширение участия Церкви в общественной жизни страны и др. По его словам, «Церковь, пережив времена борьбы с ересями, как за истину, так и за господство в государстве, и времена торжества над врагами своими под щитом государственной власти, вступила теперь у нас, на Руси, в новый период жизни, в период свободного существования своих начал. Православная Церковь должна осуществлять теперь эти начала в жизни народной как без притеснения, так и без покровительства со стороны правительства, в одной лишь внутренней борьбе с неверием и иноверием. Для этого необходимо, чтобы Православная Церковь получила свободу жизнедеятельности».²² Как известно, Николай II не разрешил созыв Поместного Собора, и большинство предложений архиереев осталось только на бумаге. Однако, в отличие от других архиереев, архиепископ Агафангел пошёл дальше формальных предложений церковных реформ, в своей епар-

хии он попытался на практике дать Церкви «свободу жизнедеятельности».

Съезды духовенства Рижской епархии созывались и ранее, однако только при архиепископе Агафангеле они из обычных собраний священнослужителей, на которых священники выслушивали руководящие указания архиерея, превратились в действительно съезды, коллегиально, соборно рассматривающие все текущие вопросы церковной жизни. Владыка Агафангел стремился постепенно расширить круг делегатов этих съездов за счёт привлечения не только священнослужителей, но и представителей псаломщиков, православных братств, членов приходских попечительств. Наконец, в марте 1905 года архиепископ Агафангел предложил созвать осенью 1905 года Рижский Епархиальный Собор, предварительно собрав от всех благочиний епархии, от Рижского Духовного училища, от Рижской Духовной семинарии, от всех приходских попечительств, от епархиального Училищного Совета вопросы, которые они хотят вынести на обсуждение Собора. В своей речи на открытии первого заседания Рижского Епархиального Собора архиепископ Агафангел подчеркнул, что «обыкновенно в речи пред открытием подобных собраний выражается программа предстоящих трудов; но я уклоняюсь от этого в тех видах, чтобы предоставить свободу каждому высказывать свое мнение; себе же предоставляю только право руководить рассуждениями, объединять мнения, и право делать заключения. Впрочем, я уверен, что мы, призванные к одному делу, будем и решать его почти единогласно, говорю «почти», потому что трудно и невозможно достигнуть во всем полного единомыслия... Не бойтесь влияния или давления, говорите без стеснения, говорите откровенно, всю правду».²³

Первый в истории Рижской епархии Собор заседал с 20 сентября по 6 октября

1905 года. Прежде всего Собор определил свои полномочия: ежегодный Собор созывает архиерей, он же председательствует на Соборе; предложения Собора, одобренные архиереем и не требующие утверждения высшей церковной власти, приводятся в исполнение; Собор избирает членов Епископального Совета (Совета пресвитеров), который является постоянно действующим исполнительным органом Собора. Собор предложил расширить функции органов приходских самоуправлений, последовательно проводить в работе этих органов принцип соборности; разрешить мирянам выбирать членов клира из числа лиц, предложенных архиереем; ежегодно созывать «благочиннические соборы»; освободить епархиальные органы печати от цензуры; избирать на Соборе редактора «Рижских Епархиальных Ведомостей». Прозвучали также предложения наделить епархиальный Собор правом избирать епископов, причём при отборе кандидата должно быть «непременным условие, чтобы, во внимание к особенностям рижской паствы, он обладал знанием местного края и местного языка, а так как в местном крае есть православные приходы эстские и латышские, то предлагалось создать и две епископии, или одну митрополию с двумя викарными епископами». Рассмотрев эти предложения, Собор их не принял, «так как каноны Церкви не имеют никаких оснований, чтобы епархиальный Собор избирал себе епископа; так как при такой постановке дела епископ явился бы не главой Церкви, а только исполнителем воли избирателей; так как исторические примеры подобного рода составляют исключение, а не общее правило».²⁴ Однако следует отметить, что сама попытка публичного обсуждения вопроса о соборном избрании епископов, причем с учётом знаний кандидатами национальных и этнокультурных особенностей своей будущей паствы, была

в синодальном периоде истории РПЦ равносильна революции.ⁱ

Собор принял целый комплекс мер, которые должны были способствовать улучшению работы православных церковно-приходских школ. К моменту созыва Собора в Рижской епархии действовало 478 православных школ (в том числе 19 приходских двухклассных, 201 приходская одноклассная и 258 вспомогательных школ). Ежегодно Министерство Народного Просвещения выделяло на содержание школ епархии 32 190 рублей, а Св. Синод ещё 10 000 рублей на аренду школьных помещений. Таким образом, Училищный Совет епархии мог отпустить на содержание каждой школы не более 88 рублей в год. В эту сумму входили расходы на жалованье учителям (оно в Рижской епархии колебалось в пределах суммы от 30 до 120 рублей в год), на аренду школьных помещений, на приобретение учебных принадлежностей, на отопление и освещение школьных зданий и др.

Православные братства пытались содержать школы за свой счёт, духовенство во главе с архиепископом Агафангелом регулярно жертвовало на содержание православных школ часть своего жалованья. Кроме того, постоянно собирались частные пожертвования на школы, однако среди православного населения прибалтийских губерний практически не было состоятельных людей, поэтому такие пожертвования не могли решить проблемы. Средств на содержание школ катастрофически не хватало, и из года в год школьные инспекторы при оценке состояния православных школ употребляли один и тот же эпитет – «обездоленная православная школа».²⁵

ⁱ Напомним, что Св. Синод только в апреле 1917 года, то есть уже после Февральской революции, принял «Обращение» к РПЦ, в котором предложил ввести принцип выборности епископата при участии как духовенства, так и мирян.

Рижский Епархиальный Собор постановил: обратиться к правительству с предложением передать православные школы в ведение Св. Синода; наделить все школы земельными участками, не менее 30 десятин на каждую; при раскладке волостных податей ввести взносы в пользу школ, чтобы затем эти взносы распределялись между всеми школами волости пропорционально числу плательщиков каждого вероисповедания; минимальным окладом учителя должны быть 500 рублей в год, ходатайствовать о предоставлении учителям православных школ прав государственной службы и пенсии; переработать учебные программы православных школ применительно к местным условиям (ввести в учебные программы курсы истории Прибалтийского края, геометрии, физики, разработать новые программы латышского и эстонского языков – ввести в программы изучение грамматики, синтаксиса и орфографии этих языков, знакомство с латышской и эстонской литературой); разрешить в приходских школах во внеурочное время преподавать немецкий язык, имеющий важное значение в крае; перевести обязательное обучение в приходских школах с четырехгодичного на пятигодичный цикл; преподавание в пятигодичных приходских школах в первые три года обучения должно идти на родном языке учащегося, последние два – на русском языке, во вспомогательных трехгодичных школах преподавание должно идти исключительно на родном языке учащихся; ежегодно созывать учительские съезды; разработать новые учебники по Закону Божию.²⁶

Епархиальный Собор рассмотрел вопросы: по улучшению материального положения клира (Собор рекомендовал, учитывая всё возрастающую дороговизну жизни в прибалтийских губерниях, повысить ежегодное жалованье псаломщикам с 250 рублей до 600 рублей, диаконам – с 550 до 900 рублей, священникам – с 1300 рублей

до 1800 рублей); о ведении приходского делопроизводства; о выборе представителей духовенства в состав правлений Рижского и Илукстского Духовных училищ и Рижской Духовной семинарии; о церковном пении; об использовании недвижимого имущества Церкви; о некоторых изменениях и сокращениях в богослужении на латышском и эстонском языках; о местных православных периодических изданиях и др.

На закрытии Собора 6 октября 1905 года архиепископ Агафангел прежде всего отметил огромное значение Собора для себя лично: «...в настоящем собрании, при свободном обмене мнений по обсуждаемым вопросам, я имел возможность войти в общение с целым, так сказать, вашим мировоззрением церковным, составить правильное понятие о направлении моих сотрудников на ниве пастырства. Теперь я бодро смотрю на положение православия в нашем крае; я вижу в пастырях и других клириках искренних радетелей интересов Православной Церкви... Мне приятно отметить, что мои личные убеждения только в некоторых пунктах разнятся от воззрений депутатов. Конечно, большая часть постановлений нашего Собора – *ria desideria*: они требуют решения высшей власти, но я открыто объявляю, что не только формально буду ходатайствовать об утверждении наших постановлений, а постараюсь употребить и все свое личное влияние в достижении намеченных целей... Мы разойдемся отсюда в мире. Если я кого-либо огорчил каким-либо замечанием или чем-либо другим, прошу простить, прошу ничего не иметь в сердце своем, как и я в вашем лице прощаю всем, хотя и нет ничего такого, что огорчило бы меня. Я видел здесь во всем одно стремление к истине, к пользе Православной Церкви».²⁷

Рижский епархиальный Собор «обратил на себя внимание всей России и снискал общие симпатии»²⁸, однако не встретил

одобрения со стороны Св. Синода, который упорно рассматривал Собор только в качестве очередного XXVI съезда духовенства Рижской епархии. Собор 1905 года стал первым и последним епархиальным Собором в истории Рижской епархии. Несмотря на усилия архиепископа Агафангела, большинство постановлений Собора не было выполнено «за недостатком средств», а с переводом Агафангела из Риги и назначением на Рижскую кафедру епископа Иоанна (Смирнова) попытки проведения решений Собора 1905 года в жизнь более не предпринимались. XXVIII епархиальный съезд духовенства, проведенный в 1910 году под председательством епископа Иоанна, постановил отменить «участие мирян в избрании членов клира, как стеснительное для Епархиального Начальства».²⁹

13 августа 1910 года Агафангел (Преображенский) был назначен архиепископом Виленским и Литовским. Прощаясь с рижской паствой, архиепископ Агафангел сказал: «В этот час я объемяю всю свою паству от севера до юга и от моря до Чудского озера. Мысленно обнимаю любящих меня и мною любимых сынов и дочерей, не прекратится моя молитва о граде сем и о всех его до конца дней моих... Молю Господа, чтобы любовь – залог благоустройства, цемент, все связующий, осталась здесь навсегда. Мир и любовь оставляю вам и молюсь, чтобы любовь развивалась здесь все более и более и все объединялись во едино в вере и житии... Теперь я стал объектом воспоминаний, но моя личность в настоящее время не может быть оценена беспристрастно и только в будущем беспристрастный неумолимый историк произнесет ей справедливый приговор... Правда, я старался делать так, как повелевала мне моя совесть, правила церковные и закон гражданский; старался всем служить, насколько хватало сил. Но насколько благотворна моя деятельность, на это может ответить история».³⁰

Summary

An article depicts the biography of well known archpriest of Russian Orthodox Church – Metropolitan Agafangel (Preobrazhensky) (1854–1928) (glorified as the saint in 2000). During the 1917–18 Local Council of the Russian Orthodox Church, Agafangel was named as the second locum tenen – second substitute of the Patriarch Tikhon (Bellavin) in a case of his illness or death. In 20ies he acted against the Bolshevik attempts to subdue the Church.

The main attention of the publication is focusing on his activities during his direction of the Diocese of Riga in 1897–1910. Concerning the recollections of the priests who served to-

gether with Agafangel, he was active, opened and democratic archpriest with large spectre of the initiatives concerning the innovations. One of the key moments of his serving in Riga was the first Council of Riga's Diocese, held by the initiative of Agafangel in 1905. The archpriest was one of the Russian Orthodox Church priests who supported the reformation of the Church by separating it from the State, reestablishing of the Patriarchate and other innovations. During the Revolution of 1905–1906 Agafangel was one of the key public figures who impelled to stop the terror from the both sides and acted against the executions of the rebels.

Reference list

- 1 Telegramma vstupivshogo v upravlenie Russkoj Pravoslavnoj Cerkov'ju mitropolita Jaroslavskogo Agafangela Zamestitelju Patriarshego Mestobljustitelja mitropolitu Nizhegorodskomu Sergiju ot 25 maja 1926 goda // Russkaja Pravoslavnaja Cerkov' v sovetskoe vremja (1917–1991). Materialy i dokumenty po istorii odnoshenij mezhdru gosudarstvom i Cerkov'ju. Sostavitel' Gerd Shtrikker. Kn.1. Moskva, 1995. – S. 292.
- 2 Damaskin (Orlovskij), ierom. Mucheniki, ispovedniki i podvizhniki blagochestija Rossijskoj Pravoslavnoj Cerkvi XX stoletija. Kn.2. Tver', 1999. – S. 370–400; Ioann (Snychev), mitr. Cerkovnye raskoly v Russkoj Cerkvi 20-h i 30-h godov XX stoletija. Sortavala, 1993. – S. 82–121; Mazyrin A. V. K voprosu o vosstanovlenii cerkovno-administrativnogo edinstva mezhdru Sv. mitropolitom Agafangelom (Preobrazhenskim) i mitropolitom Sergiem (Stragorodskim) v 1928 godu // Ezhegodnaja Bogoslovskaja konferencija Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo Bogoslovskogo instituta. Moskva, 2003. – 258–266 i dr.
- 3 Preosvjashchenneshij Agafangel, Episkop Rizhskij i Mitavskij// Rizhskie Eparhial'nye Vedomosti. 1897 g. #21. – S.902.
- 4 K dvadcatipjatiletiju obshhestvennogo sluzhenija Vysokopreosvjashchennogo Agafangela, Arhiepi-
- skopa Rizhskogo i Mitavskogo// Rizhskie Eparhial'nye Vedomosti. 1906 g. #18. – S. 720–724.
- 5 Preosvjashchenneshij Agafangel, Episkop Rizhskij i Mitavskij// Rizhskie Eparhial'nye Vedomosti. 1897 g. #21. – S.906–908.
- 6 Protoierej V. Pliss. Slovo, skazannoe pri proshchanii s Vysokopreosvjashchennym Agafangelom v poslednie dni ego prebyvanija v g. Rige// Rizhskie Eparhial'nye Vedomosti. 1910 g. #18. – S.559.
- 7 Istoriko-statisticheskoe opisanie cerkvej i prihodov Rizhskoj eparhii. Vyp.II, chast' III. Riga. 1898. – S.243–244.
- 8 Ibidem, s. 248–249.
- 9 Slovo Vysokopreosvjashchennogo Agafangela, skazannoe im 14 sentjabrja 1910 goda v Rizhskom Hristorozhdestvenskom kafedral'nom sobore // Rizhskie Eparhial'nye Vedomosti. 1910 g. #20. – S.645.
- 10 Vysokopreosvjashchenneshij Arhiepiskop Agafangel i ego dejatel'nost' po upravleniju Rizhskoj eparhiej (1897–1910 gg.)// Rizhskie Eparhial'nye Vedomosti. 1910 g.#17. – S.528; Proshhal'nye chestvovanija Rizhskoju pastvoju Vysokopreosvjashchennogo Agafangela v poslednie dni prebyvanija ego v g. Rige// Rizhskie Eparhial'nye Vedomosti.1910 g. #18. – S.555.
- 11 Saharov S. P. Rizhskie pravoslavnye arhipastyri za 100 let (1836–1936). Kraslava, 1937. – S.40–41;

- Latvijskij Gosudarstvennyj Istoricheskij arhiv (dalee – LGIA), f.7462, op.1. d.434, l.1.
- 12 Pommer A. Pravoslavie v Latvii. Istoricheskie ocherki. Riga, 1931. – S.82.
 - 13 XXIV eparhial'nyj s'ezd duhovenstva// Rizhskie Eparhial'nye Vedomosti.1900 g. #2. – S.43.
 - 14 Rizhskie Eparhial'nye Vedomosti.1903 g. #18. – S. 730.
 - 15 Pastyrskie sobranija duhovenstva v gg. Revele i Gapsale pod predsedatel'stvom Ego Vysokopreosvjashhenstva, Vysokopreosvjashhennejshago Agafangela// Rizhskie Eparhial'nye Vedomosti. 1910 g. #2. – S.48.
 - 16 Poseshenie g. Libavy Ego Vysokopreosvjashhenstvom, Vysokopreosvjashhennejshim Agafangelom, Arhiepiskopom Rizhskim i Mitavskim 20–23 fevralja 1910 goda// Rizhskie Eparhial'nye Vedomosti. 1910 g. #8. – S.259.
 - 17 Rizhskie Eparhial'nye Vedomosti.1906 g. #4. – S. 171.
 - 18 Predlozhenie Ego Vysokopreosvjashhenstva, Vysokopreosvjashhenного Agafangela, Arhiepiskopa Rizhskogo i Mitavskogo o.o. nastojateljam cerkvej Rizhskoj eparhii// Rizhskie Eparhial'nye Vedomosti. 1906 g. #3. – S.93–95.
 - 19 K desjatiletiju Arhipastyrskogo sluzhenija v Rizhskoj eparhii Vysokopreosvjashhenного Agafangela, Arhiepiskopa Rizhskogo i Mitavskogo// Rizhskie Eparhial'nye Vedomosti. 1907 g. #19. – S.699.
 - 20 Predlozhenie Rizhskoj Duhovnoj Konsistorii// Rizhskie Eparhial'nye Vedomosti. 1906 g. #3. – S. 95–96.
 - 21 Raport blagochinnogo Libavskogo blagochinnogo okruga za 1905 god // LGIA, f.7462, op.1, d.434, l.63.
 - 22 Pribavlenija k «Cerkovnym Vedomostjam». 1906 g. – S.1016.
 - 23 Rizhskie Eparhial'nye Vedomosti. 1905 g. #19. – S.884; #21. – S.1161.
 - 24 Ibidem – C.1085.
 - 25 Rizhskie Eparhial'nye Vedomosti. 1903 g. #8. – S. 341–345; Pravoslavnye narodnye shkoly v Pribaltijskikh gubernijah. Istoricheskoe znachenie ih i sovremennoe bedstvennoe polozenie. SPB. 1914. – S. 1–66.
 - 26 Rizhskie Eparhial'nye vedomosti. 1905 g. #21. – S. 1111–1123.
 - 27 Tam zhe. – S. 1158–1160.
 - 28 Vysokopreosvjashhennejshij Arhiepiskop Agafangel i ego dejatel'nost' po upravleniju Rizhskoj eparhieju (1897–1910 g.g.)// Rizhskie Eparhial'nye Vedomosti. 1910 g. #17. – S.533.
 - 29 XXVIII eparhial'nyj s'ezd duhovenstva Rizhskoj eparhii// Rizhskie Eparhial'nye Vedomosti. 1910 g. #24. – S.778.
 - 30 Slovo Vysokopreosvjashchenного Agafangela, skazannoe im 14 sentjabrja 1910 goda v Rizhskom Hristorozhdestvenskom kafedral'nom sobore // Rizhskie Eparhial'nye Vedomosti. 1910 g. #20. – S.645; Proshhal'nye chestvovanija Rizhskoju pastvoju Vysokopreosvjashchenного Agafangela v poslednie dni prebyvanija ego v g. Rige// Rizhskie Eparhial'nye Vedomosti. 1910 g. #18. – S.563.

Ирина Пярт (Эстония)
Irina Pärt (Estonia)

Восстановление Ревельского викариатства в 1917 г. и выборы епископа как проявление «церковной революции» в Рижской епархии¹

The restoration of the Reval suffragan diocese in 1917 and the elections of the bishop as an expression of 'church revolution' in Riga the diocese

В ночь на 14 января 1919 года в Тарту членами Эстляндской трудовой коммуны были расстреляны 19 заключенных, содержавшихся в подвале Кредитной кассы на ул. Компании, дом № 5. Среди заключенных находились двое православных священнослужителей и преосвященный епископ Платон (Кульбуш), первый представитель высшего духовенства эстонской национальности. Несмотря на то, что изначально епископ Платон был назначен викарным епископом Ревельским, с февраля 1918 года по январь 1919 года он управлял Рижской епархией, успев за короткий срок и вопреки сопротивлению оккупационных властей объехать около 70 приходов, как в эстонской, так и латышской частях.

В настоящей статье мы остановимся на процессе образования Ревельского викариатства и избрании отца Павла Кульбуша епископом в 1917 году. Комплекс докумен-

тов, обнаруженных в Российском государственном историческом архиве и характеризующих этот драматический процесс, публикуется в этом же выпуске «Православия в Балтии». Последние страницы истории Рижской епархии и её последнего епископа не могут быть написаны без учета этих документов.

Создание Ревельского викариатства и выборы о. Платона Кульбуша происходили в бурном событиях революционном 1917 году. Оно явилось кульминацией движения в эстонской части Рижской епархии к реформам в церкви. На съезде 1905 года, получившего название собора, была выдвинута широкая программа реформ епархиальной и приходской жизни. В частности, предлагалось, что священнослужители будут выбираться своим приходом, а рукоположение будет происходить в самом приходе викарным епископом, владеющим

¹ Статья написана при поддержке Тартуского университета (грант PHVUS18916).

местным языком. Выборное начало должно было коснуться всей церковной иерархии.¹

Во время Первой мировой войны происходит активизация церковной жизни православных приходов эстонской части Рижской епархии: регулярно проводятся религиозные беседы, которые пользуются массовой популярностью, процветает общее церковное пение.² В 1915 году, после эвакуации церковных организаций из Риги, резиденцией архиепископа Иоанна Смирнова стал Тарту, что послужило причиной более тесного общения между епископом и эстонскими православными. В этот период обостряются противоречия между про-националистически настроенными священниками и теми, кто пытается сохранить статус-кво. На повестку дня снова встаёт вопрос о необходимости викарного епископа, который владел бы местными языками. В 1916 году, во время 200-летнего юбилея Спасо-Преображенского собора в Ревеле, тот факт, что епископ Иоанн обращался к собравшимся на русском языке, был отмечен как признак отдалённости верховного пастыря от культуры и языка своей паствы.³ В этом же году священник Антоний Лаар составляет меморандум «Православие на балтийской окраине, его современное положение и ближайшие задачи в эстской ея части», экземпляр которого был отправлен в Синод. В меморандуме перечисляются причины, ведущие к ослаблению православия, в том числе – и увеличение количества лютеранских пасторов эстонцев и латышей, занявших места сосланных лютеранских пасторов балтийско-немецкого происхождения. В меморандуме были перечислены 6 мер, с помощью которых должно было укрепиться православие в регионе. Пятый пункт гласил: «Для осуществления действительного епископского надзора и отеческого наставления вменить епископу в обязанность знание языка пасомых, а так

как это неосуществимо при разноязычном в составе епархии, то разделить Рижскую епархию на две самостоятельные епархии, Рижскую и Ревельскую, или же учредить Ревельское викариатство».⁴

30 марта 1917 года Временное правительство утвердило постановление «О временном порядке административного управления и местного самоуправления Эстляндской губернии», которым эстонские территории были объединены в национальную губернию во главе с губернским комиссаром. Эстонская часть Лифляндской губернии была присоединена к Эстляндской губернии.

Вскоре после Февральской революции 6–7 апреля 1917 года в Таллине состоялось так называемое «первое общее совещание православных деятелей Эстонии», в котором участвовало 50 человек – священников и мирян, среди которых было две женщины. В обращении к Временному Правительству участники собрания предлагали программу обновления церкви с учетом национальной специфики. Засвидетельствовав свою связь с «великим народом России» и Российским государством, православные эстонцы подтверждали своё желание сохранить национальную самобытность, оставаясь при этом «неотъемлемой частью Всероссийской Православной церкви»⁵. Одним из срочных требований собрания было административное переустройство епархии: оно настаивало, чтобы «все православные приходы Эстонии, включая псковских эстонцев, вошли в Эстонскую епархию». Кроме того, собравшиеся провозгласили необходимость иметь епископа, который был бы избран из местных жителей, знал местные языки и не имел монашеского пострига.⁶

Именно на этом собрании, где присутствовали, правда, в небольшом количестве, и русскоязычные представители духовенства, прозвучало осуждение шовинизма:

«Отдельно раздающиеся погромные призывы «Русских верующих прочь из страны!» полностью пресечь как пережиток средневекового фанатизма: не позволять возбуждать такие настроения в себе и членах прихода с твердой уверенностью в том, что свободный народ Эстонии будет судить о каждом не по его вере, но по делам его...».⁷

Апрельское собрание в Ревеле было первым проявлением так называемой «церковной революции» в эстонский части Рижской епархии. Такое определение использовали современники, описывая время с марта по август 1917 года, когда небывалый всплеск активности в Русской Православной Церкви сопровождался спонтанными собраниями и съездами с участием духовенства и мирян. На этих собраниях происходили выборы епископов и продвигались церковные реформы. Историк П.Г. Рогозный считает, что главным стержнем церковной революции была борьба за власть в церкви между епископатом, с одной стороны, и белым духовенством и мирянами, с другой.⁸ Повсеместно проходившие съезды духовенства и мирян вступали в конфронтацию с архиереями, а требование избирать епископов из белого духовенства без монашеских обетов было типичным для многих других епархий.⁹ Епархиальные советы, созданные в ряде епархий, брали на себя многие функции епископата, зачастую смещая неугодных архиереев. П.Г. Рогозный сосредотачивает внимание исключительно на позиции высшего духовенства и борьбе за епископские кафедры в епархиях, однако церковная революция имела и другие аспекты. Так, например, освещённые в литературе активизация приходов, избрание и созыв выборных делегатов от приходов на епархиальные съезды и образование церковно-епархиальных советов весной и летом 1917 года свидетельствуют о стремлении к

церковным реформам. Наименьшее внимание получило вызванное революцией 1917 года движение к церковным реформам и автономии на нерусских окраинах Российской империи. В настоящей статье предлагается рассмотреть процессы в Рижской епархии, выразившиеся в стремлении к обретению национальной самобытности и церковной автономии в течение бурного 1917 года как неучтенный аспект «церковной революции».

Весной 1917 года происходили бурные дебаты о том, каким должно быть эстонское православие в отношении к другим конфессиям и к Русской церкви. Попытка собрать второй конгресс православных эстонцев в мае 1917 года не состоялась.

К концу весны, с усилением кризиса во Временном правительстве, «церковная революция» набрала силу. В Москве готовился Всероссийский съезд духовенства и мирян, в преддверии которого 25–27 мая в Юрьеве, куда после оккупации Риги переехал епископ Иоанн (Смирнов), собрался Чрезвычайный епархиальный съезд, работа на котором велась по языковым секциям-куриям.¹⁰ Важно отметить, что епископ Иоанн не руководил съездом, а был приглашен в качестве почётного гостя. Представители низшего духовенства и учителя православных школ, которых не пригласили на съезд, организовали своё собрание в Тарту, следуя призыву псаломщика Кальмуса.¹¹ Документы съезда и воспоминания свидетельствуют о разногласиях между представителями русской, эстонской и латышской частей епархии. Русскоязычные делегаты выступали против разделения Рижской епархии на эстонскую и латышскую части, т.е. против того, что предлагала эстонская секция – следовать административному разделению Прибалтийского края на эстонскую и латышскую части. На этом же съезде было заявлено право собора избирать епископа и выдвинуто предложение

учредить отдельные епископские кафедры для русских, латышских и эстонских приходов. Был образован и Временный Рижский епархиальный совет с представительством двух членов от каждой национальной курии.

Архиепископ Рижский Иоанн не только не возражал против создания ещё двух епископских кафедр для эстонских и латышских приходов (предполагалось, видимо, что он будет руководить русскими приходами и оставаться правящим архиепископом Рижской епархии), но и начал активно добиваться учреждения этих кафедр перед церковной властью. В настоящем выпуске публикуется часть обширной переписки о создании эстонского викариатства между представителями Рижской епархии и эстонскими церковными деятелями, с одной стороны, и высшими церковными органами, с другой.

Ревельское викариатство Санкт-Петербургской епархии, учреждённое в 1817 году ещё до создания Рижской епархии, не имело действующего епископа.¹² Епископы, носящие титул Ревельского, являлись помощниками епископа Санкт-Петербургского и проживали в столице или окрестных монастырях. С 1865 года Ревельское викариатство перешло в Рижскую епархию, но титул епископа Ревельского продолжал быть лишь номинальным. В 1866 году епископ Вениамин (Карелин, 1822–1874) был посвящён в епископа Ревельского, но уже в 1867 году назначен епископом Рижским вместо архиепископа Платона (Городецкого). С 1880 до 1906 года на Ревельской кафедре числился св. Николай Касаткин, архиепископ Японский, и вопрос о создании Ревельского викариатства поднимал эстляндский губернатор С.В. Шаховской.¹³ Необходимость викарного епископа была особенно ощутима в 1880–1890-е гг., когда крестьяне Эстляндской губернии массово переходили в православие.¹⁴ С.В. Ша-

ховской, убеждённый в том, что «Россия и православие синонимы», считал, что епископ эстонского происхождения будет содействовать укреплению православия в регионе, где доминировало лютеранство.¹⁵ Похожая ситуация сложилась и с Нарвской викарной кафедрой, утверждённой в 1887 году как викариатство Санкт-Петербургской митрополии, так как викарии Нарвские были помощниками митрополитов Санкт-Петербургских.

Документы Синода определяли роль викарного епископа противоречиво: «викарий как помощник правящего епископа по целому ряду общепархиальных вопросов и викарий как управляющий частью епархии на правах полусамостоятельного архиерея».¹⁶ В документах, исходящих из Рижской епархии, викарию отводилась роль управляющего частью епархии. Необходимо отметить, что о создании Ревельского викариатства и материальной базы для него архиепископ Рижский Иоанн (Смирнов) ходатайствовал уже в июле 1917 года. Важным аргументом была слабость эстонского православия. Создание Ревельского викариатства рассматривалось как мера по укреплению слабого и незащищенного православного меньшинства, которое находилось под постоянной угрозой со стороны лютеранства и немецкого дворянства. «К этому, – замечал Иоанн, – надо прибавить ещё два враждебных для церкви и все усиливающиеся течения социализма и сектантства». Архиепископ Иоанн считал, что создание викариатства укрепит значение епископата в регионе: «Местные епископы лучше всего собрали бы все немногочисленные силы своих паств в стройные организации, которые затем, как и доселе, шли бы рука об руку, возглавляемые уже не одним епископом, а собором из 3 епископов».¹⁷ Заявление было отправлено как в Синод, так и во Временное Правительство.

Через несколько дней после окончания съезда в Дерпте состоялось заседание «совета» эстонских участников съезда, в который входили А. Ньу, прот. Карп Тизик и священник Антоний Лаар, настоятель храма св. Александра Невского в Тарту. Совет решил послать А. Лаара и Викентия Пакляра в Петербург, чтобы проследить за движением ходатайства об устройстве викарных кафедр. Для придания веса ходатайству епископа Иоанна эстонцы составили письмо, в котором объясняли необходимость викарного епископа осложнившимися отношениями между лютеранством и православным меньшинством.

А. Лаар, один из наиболее активных националистически настроенных деятелей среди православных эстонцев, писал, что православная церковь являлась «единственной основой русской государственности» в Прибалтийском крае, в котором всегда боролись две культуры: германская и славянская. Он цитировал сочинения на немецком языке, в которых лютеранская церковь приравнивалась к немецкому влиянию, подчеркивая травлю православия, планы по его искоренению и систематические меры правительства, ослаблявшие православие: «Поневоле возникает вопрос о том: быть или не быть православию в здешнем крае... гибель православного дела на Прибалтийской окраине равняется полному банкротству здесь и русской государственности...».¹⁸ Записка явно апеллировала к антигерманским настроениям, усилившимся с началом войны до такой степени, что даже обер-прокурор Святейшего Синода Владимир Саблер в 1915 году вынужден был взять фамилию жены – Десятовский. И хотя в Рижской епархии православное духовенство часто выступало против культурного, экономического и религиозного владычества балтийских немцев, именно во время войны риторическая ассоциация врага с религией

большинства начала использоваться в письмах православных жителей края.

Во время своего пребывания в Петербурге, 22 июля, Лаар вместе со священником Пакляром (предположительно, Викентием) посетили о. Павла Кульбуша и предложили ему стать кандидатом на должность викарного епископа. Сын сельского псаломщика из Лифляндской губернии, о. Павел Кульбуш имел репутацию защитника эстонских народных интересов благодаря своей миссионерской работе среди эстонских православных Санкт-Петербурга.¹⁹ Активный член братства свмч. Исидора Юрьевского, строитель посвящённого ему храма в Петербурге, проповедник, участник религиозных обществ, переводчик духовной литературы на эстонский язык, Кульбуш действительно был сильным кандидатом на кафедру викарного епископа. Его статус представителя белого духовенства был скорее плюсом в революционном 1917 году.

Тем не менее, кандидатура о. Павла Кульбуша не была однозначным выбором для церковной иерархии. Семейное положение о. Павла служило одним из канонических препятствий к его посвящению в епископы. Жена о. Павла, Надежда, оставила его ещё в 1905 году, но он не получал развода по духовным и практическим соображениям. У супругов было двое детей, дочь Елена и сын Георгий, которые сохраняли между собой дружеские отношения. В воспоминаниях о. Павел пишет о том, что в 1909 году старец Саровского монастыря Анатолий, к которому он обращался в письме, строго не благословил его разводиться.²⁰

Существовали и другие причины синодального «сопротивления». Как правило, выборы викарного епископа были исключительным явлением, право выбора распространялось только на епархиальных архиереев, в то время как викарии назначались административно.²¹ Одним из главных противников кандидатуры о.

Павла был бывший Рижский архиерей, архиепископ Агафангел (Преображенский).²² Из воспоминаний Платона, которые не сохранились, но цитируются в работе студента Тартуского университета Николая (Ниголя) Хиндова, мы можем узнать о том, что будущий епископ положительно отнёсся к предложению стать викарным епископом, хотя путь к хиротонии его как епископа предстоял долгий.

Настойчивость эстонцев имела успех: 26 июля, на последнем заседании, Св. Синод утвердил решение о создании Ревельского викариатства, границы которого совпадали с границами Эстляндской губернии. Ежегодно на содержание викарного епископа в июле 1917 года выделялось 2000 рублей из средств духовенства Западного края. В дополнение к содержанию кафедры эстонские приходы обязывались обеспечивать 3000 рублей в год.

Получив институциональную форму церковной жизни, епархиальный съезд в Тарту 8–11 августа 1917 года единогласно избрал викарным епископом о. Павла Кульбуша. Выборы епископов проходили повсеместно по всем епархиям Российской империи, что было разрешено Св. Синодом. Обер-прокурор В.Н. Львов считал, что кандидатов в епископы должны выбирать съезды духовенства при участии мирян и церковных организаций.²³ Это свидетельствовало о важных переменах в церковной жизни в 1917 года: Синод и обер-прокурор должны были пойти на реформы, которые расширяли участие белого духовенства и мирян в управлении церковной жизнью и ослабляли влияние епископата.²⁴ Наряду с «двоевластием» в политической жизни революционной России, активно развивалось «двоевластие» в церковной практике, когда церковно-епархиальные советы брали на себя инициативу, проводили решения и выборы, в то время как епископат должен был или занимать конформистскую пози-

цию, или вступать в борьбу, часто теряя привилегии. На съезде в августе прошло голосование, подтвердившее популярность отца Павла, было выдвинуто требование эстонцев, чтобы епископ не принимал монашеские обеты.

Инструкция, составленная епархиальным собранием летом 1917 года, была представлена епископом Иоанном на утверждение на Собор 6 октября 1917 года. В ней чётко определялись обязанности и права викарного епископа, чья деятельность должна была ограничиваться эстонскими приходами. В инструкции уточнялась роль духовного правления, члены которого, в отличие от консисторских служащих, были выборными и включали равное количество мирян и клира. В ведении епархиального архиерея оставались бракоразводные и судебные дела, метрические книги, руководство русскими приходами на территории Ревельского викариатства. Викарный епископ должен был согласовывать свои действия с правящим архиереем по многим вопросам, касающимся епархии в целом.²⁵ На подлиннике «Инструкции», представленном на утверждение Собором, сохранились карандашные пометки членов Отдела: фразы, характеризующие отношения подчинения между викарным и правящими архиереями – «входит в сношение», «с ведома», были подчеркнуты. Была ли эта инструкция приведена в действие? В своих дневниках епископ Платон пишет: «Собирались дать мне должностную «инструкцию» или руководство, но распоряжение осталось неподтвержденным». Для получения инструкции епископ Платон должен был снова ехать в Москву после своего посвящения, но вернулся он уже епископом Рижским. Таким образом, созданная трудами деятелей епархии инструкция викарному епископу не вводилась в действие, а само понятие Ревельского викариатства просуществовало недолго.

Четыре месяца, протекшие между избранием о. Павла Кульбуша епископом и его посвящением, были бурными: открытие Поместного собора в Москве, усиление кризиса власти, октябрьский переворот, созыв Учредительного собрания, а в Эстонии – роспуск Земского совета (Маарäev) большевиками в ноябре 1917 года. Всё это происходило на фоне ухудшающихся из-за войны условий в православных приходах Эстонии. Необходимо отметить, что в 1915–1916 годах из Рижской епархии были эвакуированы многие священнослужители с их семьями и церковным имуществом, что оставило приходы без руководства и служб.²⁶ Многие священники после захвата немцами Риги и острова Сааремаа покидали приходы, даже когда не было прямой опасности. В августе епископ Иоанн уехал из Тарту на Поместный Собор в Москву, чтобы уже не вернуться в Прибалтику, следуя своему назначению на Рязанскую кафедру.

О. Павел Кульбуш встретился 5 октября 1917 года в Москве с епископом Иоанном, который уведомил его о решении съезда в августе. При встрече отец Павел спрашивал о намерении епископа Иоанна оставаться с частью эвакуированной Рижской епархии. Со своей стороны о. Павел просил еп. Иоанна ходатайствовать перед Синодом о том, чтобы ему было разрешено остаться с паствой во время оккупации и освободить его от необходимости принятия монашеских обетов.²⁷ Синод ответил отрицательно на оба предложения, предлагая отложить назначение викарного епископа до освобождения Прибалтики от немецких войск.²⁸

Рижская кафедра, переехавшая в Тарту во время оккупации Риги немцами, оставалась без епископа, управлением занимался Епархиальный совет, состоявший из представителей духовенства обеих частей епархии, латышской и эстонской. В состав Совета по решению Собора в июне 1917 года

вошли священники Н. Перехвальский, священник Иван Берзинь, П. Каркван, благочинный Второго Юрьевского округа Михаил Блейве, псаломщик А. Миртень, священник В. Паляяр, делопроизводителем был священник Антоний Лаар. В сентябре 1917 года с разрешения епископа Иоанна Епархиальный Совет возобновил деятельность. После отъезда епископа Иоанна состав Совета расширился: в его заседаниях принимали участие Венденский благочинный К. Витоль, протодиакон Константин Дорин, епархиальный миссионер И. Паавел, член Юрьевского благочиннического Совета А. А. Цимброт, священники В.В. Бежаницкий и Венденский священник К. Витоль, протоиерей С. Азелицкий, А. Македонский, благочинный К. Савви, староста Александро-Невской церкви А. Герман. С октября 1917 года председателем Совета становится отец Николай Перехвальский. Если до отъезда епископа Иоанна состоялось четыре заседания Совета, то с октября 1917 года было проведено пять заседаний. Велись они на русском языке.

Бездействие церковных властей и близость немцев создавали ещё большее напряжение среди паствы Рижской епархии, ожидающей утверждения епископа. В октябре–ноябре 1917 года требования к духовной власти в России стали ещё более настойчивыми. В Эстонской части епархии был организован сбор подписей под петициями, в которых эмоционально описывалось тяжёлое положение православия в Прибалтике (петиции были написаны ещё до созыва Поместного Собора). Сотни подписей были собраны под петициями граждан Пярну, Ревеля и Вильянди. Текст петиции заканчивался словами:

Верим и тому, что Св. Синод, в отеческой любви к страждущей православной пастве эстонской, услышит наше моление, посылаемое к нему не из

праздной суетливости, а от глубины страждущей души под громом пушек и под витающим над головами дыханием смерти и примет все меры, чтобы отпустить к нам архипастыря пока еще не поздно и можно надеяться с Божиею помощью спасти положение Православия, хотя бы ценою великих жертв.²⁹

Представители Епархиального совета также писали о ежедневном ожидании прибытия викарного епископа, присутствии которого «в эти грозные времена» должно было укреплять прихожан в православной вере и в противостоянии попыткам немцев обратить православных в лютеранство. Через четыре дня после октябрьского переворота 29 октября (12 ноября по новому стилю) в длинном письме члены эстонской части Епархиального совета писали архиепископу Иоанну о страшных временах в апокалиптическом духе:

... когда разрушается полмира, гибнут царства и престолы, убиты и искалечены миллионы лучших на земле людей, что трепетать православному пастырю, когда без воли божией и волос с головы не упадет.³⁰

Риторика обращений к властям, утверждения, что всё гибнет и только один человек способен удержать православие от гибели, напоминают полемику на Поместном Соборе о необходимости выборов патриарха РПЦ. Наблюдение Катрин Евтухов о том, что выбор в пользу патриарха был сделан в ситуации растущего страха хаоса и безвластия, можно применить и к ситуации в Рижской епархии.³¹ Как и делегаты Собора, ратовавшие за восстановление патриаршества, представители Рижской епархии верили в сакральный характер священноначалия: «сохранится организация, останутся на месте деятели и положение православия будет спасено».

При встрече будущего епископа Платона с патриархом Тихоном в ноябре 1917 года речь шла о двух условиях: пребывание епископа на оккупированной территории и необходимость монашеских обетов. С первым патриарх Тихон согласился, заметив, что епископ не должен считать себя обязанным отступать перед врагом. Вопрос же о монашеских обетах оставался нерешённым. По каноническому праву монашеские обеты означали не только обет безбрачия, но и нестяжания и послушания. Монах не имел права без духовного начальства делать завещания и пользоваться правом наследования, менять место жительства и владеть движимым имуществом, хотя архиереям позволялось завещать свою собственность.³² Возражения эстонцев против монашеских обетов для епископа противоречили действующему законодательству, но свидетельствовали о желании особого положения для православия в Прибалтике, религии меньшинства в лютеранском окружении.

О. Павлу пришлось приезжать к патриарху ещё раз, уже с просьбой о разводе, и только 12 декабря он смог получить его, при добровольной помощи бывшей супруги.³³ Справка о разводе, привезённая из Петербурга в Москву на заседание Синода, не была принята, митрополит Агафангел потребовал представить всё дело о разводе, видимо, чтобы убедиться в его подлинности.³⁴

Неудовлетворенные ожидания в Прибалтике вели к росту недовольства центральными церковными властями. Возникли подозрения, что Москва сопротивляется горячему желанию эстонцев, игнорирует их требования, подтвержденные авторитетом епархиальных соборных постановлений. Назначение монархиста Макария (Гневушева) епископом Рижским в декабре 1917 года оправдало самые пессимистические ожидания и возмутило представителей епархии.³⁵ Епископ Макарий (Михаил Гневушев) был

одним из основателей и руководителей правомонархического движения в России. Получив назначение в Орловскую епархию в январе 1917 года, он оказался вовлечён в конфликт с викарным епископом Павлом и со священником Сергием Аракиным, возглавлявшим церковную революцию в епархии. Уволенный на покой, епископ Макарий был назначен на Рижскую кафедру, и это свидетельствовало о том, что в представлениях церковной власти епархия нуждалась в восстановлении порядка самыми консервативными силами. С точки зрения представителей епархии, назначение Макария должно было привести к ещё большему ослаблению православия из-за черносотенских и антисемитских воззрений епископа и его конфликтной репутации. Епархиальный совет, образованный как орган управления епархией между соборами, выразил несогласие с назначением Макария, указывая на его репутацию иерарха, неспособного «блюсти единение духа в союзе мира». Совет указывал, что только епархиальный собор, выражающий голос всего православия, имеет приоритет в избрании епископа.

На последнем заседании перед началом рождественского перерыва, 18 декабря, Синод в отсутствие митрополита Агафангела утвердил решение о назначении о. Павла. 23 декабря митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин (Казанский) совершил постриг о. Павла в монашество с наречением имени Платона. Митрополит Вениамин, викарный епископ С.-Петербурга, был избран на церковную кафедру свободным голосованием клира и мирян 24 мая 1917 года, его связывало с о. Павлом Кульбушем служение в Братстве св. Исидора. При постриге о. Павел пожелал носить имя святого покровителя митрополита Платона Киевского, управлявшего Рижской епархией в 1848–1867 гг., которого он очень почитал. 24 декабря митрополит Вениамин возвел иеромонаха Платона в сан архимандрита,

что было этапом, предшествовавшим архиерейству. 31 декабря митрополит Вениамин и епископ Лужский Артемий рукоположили арх. Платона в епископы в кафедральном соборе Св. Александра Невского г. Таллина.

Поручение епископу Платону временного управления всей Рижской епархией во время войны и оккупации означало, что надежды эстонцев на отдельную эстонскую викарную обособленность внутри епархии не оправдались, хотя радость встречи с епископом, которого так долго и настойчиво добивались, была несомненной. Как пишет Тоомас Швак, хиротония епископа Платона была историческим событием для православных эстонцев.³⁶ До своей мученической смерти в январе 1919 года владыка Платон управлял латвийскими, эстонскими и русскоязычными приходами, обращая пастырскую заботу и на приходы сету в Печерском крае. Тем не менее, его позиция по отношению к епархиальной жизни строилась на укреплении православия без различия этнической принадлежности прихожан. Заседания епархиального совета в его присутствии велись на русском языке, хотя в эстоноязычных приходах он выступал на эстонском языке. Органы управления епархией, сформировавшиеся в бурном 1917 году, продолжали действовать. Так, представители епархиального совета в отсутствие епископа могли принимать важные решения, как, например, решение о созыве епархиального собора в 1918 года, планировавшегося 22–23 февраля, на который Владыка Платон возлагал большие надежды. Мученическая смерть епископа Платона в январе 1919 года привела к фактическому прекращению существования Рижской епархии.

Подведем некоторые итоги.

Документы, представленные в этом выпуске, проливают свет на сложный процесс взаимодействия между разными силами в церковной жизни Прибалтийских губер-

ний в 1917 году, инородческими представителями духовенства, епископами и органами церковной власти в Петербурге и Москве. Они демонстрируют, что избрание и рукоположение протоиерея Павла Кульбуша в викарного епископа Ревельского не было очевидным исходом этого процесса. Как очевидно из документов, утверждение Кульбуша епископом откладывалось без объяснения причин. Причинами были как канонические, так и организационные соображения.

Прот. Павел Кульбуш был нестандартным кандидатом на епископскую кафедру. Как правило, епископат русской православной Церкви складывался из выходцев духовного сословия, в то время как другие социальные группы (дворяне, мещане, крестьяне) составляли меньшинство.³⁷ Лишь одна треть епископата были выходцами из белого духовенства и приняли монашеский постриг после смерти супруги, причем количество вдовых епископов уменьшилось между 1905 и 1916 годами. Представителей этнических меньшинств среди епископата было очень мало. И, безусловно, развод среди священнослужителей и особенно кандидатов в епископы был неслыханным явлением. Трудно сказать однозначно, что именно явилось препятствием для назначения прот. Павла на служение в Рижскую епархию, особенно со стороны митрополита Агафангела, но это сопротивление было достаточно предсказуемым даже в революционном 1917 году. О нежелании епископата уступать давлению со стороны соборных органов церкви свидетельствует и решение назначить епископа Макария (Гневушева). На наш взгляд, поддержка отца Павла патриархом Тихоном сыграла решающую роль в его посвящении в епископы.

Процесс, инициированный представителями Рижской епархии, завершился успешно, что не было типично для всех епархий. С марта по октябрь 1917 года вы-

боры епископов проводились в 11 епархиях РПЦ.³⁸ Выдвижение кандидатов, включая представителей белого духовенства и мирян, епархиальными соборными органами не воспринималось как нечто из ряда вон выходящее, как нарушение канонических правил. Тем не менее, должность викарного епископа оставалась невыборной. Её занимали в административном порядке. Выборы сопровождались конфликтами и вмешательством светских организаций. В Рижской епархии по вопросу образования викариатства и выбора о. Павла Кульбуша все препятствия со стороны церковной власти были успешно преодолены.

Если принимать во внимание, что в российских епархиях ни один из кандидатов из белого духовенства не стал епископом, история выбора и хиротонии прот. Павла Кульбуша является исключительным явлением, свидетельствующим об особой ситуации в прибалтийских губерниях.

Проект Ревельского викариатства стал формирующим для эстонской православной церкви, важным первым действием в драме, которая впоследствии привела к отделению Православной церкви Эстонии от Московского патриархата. Как показывают документы, именно в процессе лоббирования Ревельского викариатства спланируются деятели православия, происходит мобилизация приходов и прихожан, формируется дискурс о переходе от «церкви государственной» к «церкви народной», укрепляется позиция националистов среди руководителей церковных структур, идёт формирование церковной самостоятельности. Безусловно, в 1918 году ещё не идёт речи об отделении от Московского патриархата, протоколы епархиальных собраний ведутся на русском языке, члены русских приходов принимают активное участие в дискуссиях.

После мученической смерти епископа Платона в январе 1919 история Рижской епархии завершилась. 9 февраля 1919 года

Епархиальный совет заявил, что по завещанию епископа Платона именно совет берёт на себя управление епархией, но поскольку латышские делегаты отбыли из Тарту, то совет предложил латышским православным приходом создать собственный совет, а управление эстонских епархиальных дел переносилось в Таллинн.³⁹ Этим же постановлением эстонский язык утверждался в качестве официального языка работы Совета. В марте 1919 года Собор делегатов из приходом на территории республики Эстония подтвердил решение Совета и постановил считать границы Эстонской республики границами Эстонской Православной

Апостольской Церкви. На этом же соборе были избраны два кандидата на должность епископа. Через год, в 1920 году, Эстонская церковь получает автономию от патриарха Тихона, а ещё через три года – томос об автономии от патриарха Константинопольского Мелетия IV.

Таким образом, можно считать, что процесс «восстановления» Ревельского викариатства, начатый в 1917 году, привел к появлению автономной эстонской православной церкви, что было параллельно процессу появления эстонского суверенного государства.

Summary

This article focuses on the creation of the Reval suffragan diocese in 1917 and the election of Pavel Kulbusch as the first bishop of Estonian descent. The article reconstructs the course of historical events on the basis of documents from the Russian State Historical Archive and provides a framework for understanding the events via the concept of 'church revolution' proposed by historian Pavel Rogoznyi. The case of the Reval suffragan diocese complements the argument of Rogoznyi and suggests that processes in the Russian borderlands also contributed to the 'church revolution'. While demands for Estonian and Latvian suffragan bishops had already been put forward by Governor Shakhovskoi in the 1890s and by the Riga diocesan council in 1905, it was only in 1917 that some of these projects received an institutional form. The Orthodox assembly of Riga diocese in August

1917 in Tartu elected the parish priest Pavel Kulbusch from St Petersburg as bishop of Revel. The process of consecrating the new bishop took several months due to resistance from the church hierarchy to his candidature, primarily due to his ethnic origin. The documents published in this issue suggest that the institutions formed during 1917, including the diocese council (sovet) and the representative assemblies of the diocese, and the activity of nationalist Orthodox priests (such as A. Laar, who mobilized the Orthodox parishes in support of the bishop) rendered the formation of Reval diocese successful compared to several similar initiatives in other dioceses. The article argues that the institutions and practices formed during 1917 and the martyrdom of Bishop Platon in 1919 paved the way for the separation of the Estonian Church from the Moscow patriarchate in 1923.

Reference list

- 1 Pjart I. Praktiki sobornosti v Rizhskoi eparhii: sjezdy duhovenstva v nachale 20 veka // Cerkov i vremia. 2018. # 84. S. 127.
- 2 Rohtmetis P. Kiriku Eestis Esimese maailmasõja ajal. Esimene maailmasõda ja Eesti, toim. Tõnu Tannberg, Tartu, 2016, S. 270.

- 3 Laar A. Lühike ülevaade Eesti ap.-õigeusu elukäigust 75 a. jooksul // Uus Elu. 1921. no. 1. S. 66. s. Rimestad. Meniaa jurisdikcii: pravoslavnyje cerkvi Baltiiskogo regiona mezhdu Moskvoi i Konstantinopolem. // Prvoslavije v Pribaltike. Red. I. Pjart. Tartu, 2018. S. 320.
- 4 Pravoslavije na baltijskoj okrajine, ego sovremennoje položenie i blizhaishije zadachi v estskoj eja chasti. Revel, 1916.
- 5 Pravoslavie v Estonii. T. 2: Dokumenty. M.: Cerk.-nauch. centr «Pravoslavnaia enciklopedija», 2010. S. 7–8.
- 6 Tam zhe. S. 11.
- 7 Tam zhe. S. 12.
- 8 Rogoznyj P. G. Cerkovnaia revoljucija. 1917 god. SPb.: Liki Rossii, 2008.
- 9 Slesarev A. V. Dvizhenie cerkovnogo obnovenija v Mogilevskoj eparhii posle fevral'skoj revoljucii 1917 goda. Chrezvychajnyj s'ezd duhovenstva i mirjan// Al'manah «Hronos». 2016. # 3. S. 95–118.
- 10 EAA. 1655. 3.62. Podlinniki rezoljucij s'ezda byli peredany v Moskvu na Pervyj Vserossijskij S'ezd duhovenstva i mirjan i mogut hranit'sja v fonde rukopisej Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki (NIOR RGB, f. 60). Sm.: Kail' M. V. Cerkov' v revoljucii: organizacija i rabota Vserossijskogo s'ezda duhovenstva i mirjan 1917 g. // Novejšhaja istorija Rossii. 2013. # 1. S. 241–255.
- 11 Rimestad S. The Challenges of Modernity to the Orthodox Church in Estonia and Latvia (1917–1940). Peter Lang: Frankfurt am Main, 2012. S. 79.
- 12 Revel'skoe vikariatstvo bylo utverzhdeno kak chast' Sankt-Peterburgskoj mitropolii v 1817, a v 1866 g. uchrezhdeno zanovo kak chast' Rizhskoj eparhii.
- 13 Materialy dlja istorii nedavnego proshlogo Pribaltijskoj okrajiny (1885–1894). T. 3. SPb., 1910. S. 27, 31.
- 14 Polunov A. Imperija, pravoslavie i problema reform v Pribaltike: k istorii religiozno-politicheskoj bor'by 1880-h – pervoj poloviny 1890-h gg. // Pravoslavie v Pribaltike: religija, politika, obrazovanija 1840-e–1930-e gg. Tartu, 2018. S. 207–230.
- 15 Materialy dlja istorii nedavnego proshlogo Pribaltijskoj okrajiny (1885–1894). T. 3. SPb., 1910. S. 27.
- 16 Kokarev M. Voprosy eparhial'nogo upravlenija v trudah Svjashhennogo sobora Pravoslavnoj Rossijskoj Cerkvi 1917–1918 gg. // Dokumenty Svjashhennogo Sobora Pravoslavnoj Rossijskoj Cerkvi 1917–1918 gg. T. 12: Protokoly zasedanij i materialy Otdela o eparhial'nom upravlenii/ Otv. red. Protoierej Maksim Kokarev. M.: Izd. Novospasskogo monastyrja, 2017. S. 16.
- 17 RGIA. F. 796. Op. 204. Otd. 2. Stol 2. D. 332. L. 1–2.
- 18 Tam zhe. L. 3–4.
- 19 Sm.: Diakon Andrej Chizhov, Alekseev A. A. Russko-jestonskij isidorovskij prihod v Peterburge-Petrograde-Leningrade (1894–1933) // Iz istorii pravoslavija k severu i severo-zapadu ot Velikogo Novgoroda. L., 1988. S. 133–142; M. Shkarovskij. Jestonskie pravoslavnye prihody v Sankt-Peterburgskoj eparhii // Pravoslavie v Baltii 7(16). 2018. S. 59.
- 20 Vospominanija Platona cit. v: Hindov N. Esimene Eesti ap.-õigeusu piiskop-uuskannataja Platon. Tema elu ning tegevus. Tartu Ülikool. Auhinnatöö 470870. Tartu, 1929. Lk 162. Anatolij (ieroshimonah Vasilij, v miru Petrov) byl zatvornikom v Sarovskom monastyre. Umer v 1919 g.
- 21 Rogoznyj. Ukaz. soch. S. 201.
- 22 Laar A. Ülevaade Eesti ap.-õigeusu kiriku elukäigust// Uus Elu 3/7–8 (1923), 8.
- 23 Rogoznyj. Ukaz. soch. S. 147
- 24 Tam zhe. S. 210
- 25 Instrukcija revel'skomu vikarnomu dlja jestonskih prihodov episkopu// Dokumenty Svjashhennogo Sobora Pravoslavnoj Rossijskoj Cerkvi 1917–1918 gg. T. 12: Protokoly zasedanij i materialy Otdela o eparhial'nom upravlenii/ Otv. red. Protoierej Maksim Kokarev. M.: Izd. Novospasskogo monastyrja, 2017. S. 269–270.
- 26 EAA. 1655.3.62. L. 29 ob. «Vendenskij blagochinnyj o. K. Vitol' soobshhil, chto iz ego blagochinija vse svjashhenniki jevakuirovalis', tol'ko odin Pa'cmarskij ostalsja na meste. Vernulis' obratno svjashhenniki Vendenskij i Roopskij. ... Jur'evskij 2 okruga blagochinnyj svjashh. M. Blejve soobshhil, chto v ego prihode vo vseh prihodah krome Karaperskogo svjashhenniki ostalis' na mestah. Karaperskij svjashhennik o. Pavel Chetyrykin pered samim prihodom nemcev uehal i uvez svoi veshhi».
- 27 Hindov. Op. cit. Lk 159.
- 28 Tam zhe.
- 29 RGIA. F. 796. Op. 1. Otd. 1. Stol 5. D. 518. Ll. 13–15.
- 30 Raport predstavitelej pravoslavnogo duhovenstva estonskoj chasti Rizhskoj eparhii. RGIA. F. 796. Op. 204. Otd. 1. Stol 5. D. 518. Ll. 7–9.
- 31 Eutukhov C. The Church in the Russian Revolution. The arguments for and against restoring the patriarchate at the Church Council in 1917–1918// Slavic Review. 1991. 50 (3). P. 497–511.
- 32 Sobstvennost' episkopa Platona, sostojavshaja v osnovnom iz ikon, religioznyh kartin i predmetov byta, po ego smerti v 1919 g. byla polnost'ju opisana. Nekotorye veshhi byli prodany dlja sodержanija

- eparhii, drugie peredany roditeljam episkopa. Sm.: T. Shor. Nasledstvo Platona, episkopa Revel'skogo (k stoletiju prinjatija im kafedry Rizhskoj eparhii) / Pravoslavie v Baltii. 2017. # 15. S. 143–149.
- 33 Hindov. S. 163.
- 34 Tam zhe.
- 35 Sm.: Rogoznyj P. Cerkovnaja revoljucija. S. 110–111.
- 36 Schvak T. Eesti õigeusu kiriku lugu 19.sajandist tänaseni. Liina Eek (toim) Mitut Usku Eesti IV – Valik usundiloolisi uurimusi õigeusu eri. Tartu Ülikooli Kirjastus, 2015. S. 45.
- 37 Sm.: Rogoznyj P. Cerkovnaja revoljucija. S. 110–111. s. Firsov. Russkaja Cerkov' nakanune peremen (konec 1890-h – 1918 gg.). Kruglyj stol po religioznomu obrazovaniju i diakonii. 2002. S. 87. V 1905 g. naschityvalos' 109 episkopov, iz kotoryh vyhodcy iz duhovenstva sostavili 72 cheloveka, 40 (37% byli vdovymi), v 1916 g. kolichestvo vdovyh svjashhennikov sostavilo 33,5%.
- 38 Rogoznyj. Ukaz. soch. S. 213.
- 39 EAA. 1655.3.240. l.1.

Андрей Кострюков (Россия)
Andrey Kostryukov (Russia)

К вопросу о прославлении Русской Зарубежной Церковью инославных христиан

On the question of glorification of non-Orthodox Christians by the Russian Church Abroad

Русская Православная Церковь за границей (РПЦЗ), действовавшая независимо от Московской Патриархии с 1920-х гг. по 2007 г., видела свою задачу не только в сохранении дореволюционного духовного наследия, но и в свидетельстве о преследованиях христиан. Именно в Русской Зарубежной Церкви впервые стали издаваться статьи и книги о Новомучениках, именно здесь впервые заговорили о необходимости их церковного прославления.

Путь к канонизации Новомучеников был долгим, о причинах, по которым она откладывалась, уже приходилось писать. В частности, основанием для промедления были слухи о спасении царской семьи, распространенные в эмиграции, а также опасение, что прославление, совершенное независимо от Церкви в Отечестве, будет незаконным.¹

Если митрополит Анастасий (Грибановский), возглавлявший РПЦЗ с 1936 по 1964 г., считал самостоятельные канонизации делом неканоничным, то его преемник митрополит Филарет (Вознесенский) мыслил иначе.² Сразу после его избрания

Председателем Архиерейского Синода Зарубежная Церковь причислила к лику святых праведного Иоанна Кронштадтского, а затем и ряд других подвижников. Допустив самостоятельное прославление святых, РПЦЗ приблизилась к канонизации царской семьи и Новомучеников. Это важное деяние осуществил Архиерейский Собор РПЦЗ 1 ноября 1981 г.

Вопрос канонизации Новомучеников в РПЦЗ хотя и нашёл отражение в ряде трудов³, все же не стал объектом специального исследования. А потому события 1981 г. до сих пор выглядят достаточно туманно, если не сказать искажённо.

Одно из распространенных мнений, связанных с этой канонизацией, состоит в том, что Русская Зарубежная Церковь причислила к лику святых и двух инославных христиан – слуг царской семьи: римо-католика Алоизия Труппа и протестантку Екатерину Шнейдер.⁴ Информация встречается не только в интернете, но и в серьёзной литературе, например, в работе священника Игоря Дуброва «Полные православные святцы».⁵ А. Трупп и Е. Шней-

дер упомянуты в службе Царственным страстотерпцам, составленной в РПЦЗ, а их образы написаны на известной иконе Новомучеников архимандрита Киприана (Пыжова). В годы разделения с Русской Зарубежной Церковью представители Московской Патриархии нередко указывали на акт канонизации инославных либо как на свидетельство о поврежденности экклезиологии РПЦЗ, либо, в лучшем случае, как на подтверждение небрежности в деле прославления погибших. «Состоявшаяся в 1981 г. канонизация новомучеников во главе с императором Николаем II, – писал, например, протоиерей Владислав Цыпин в середине 1990-х гг., – была проведена без тщательных предварительных исследований и обстоятельств жизни и кончины прославленных лиц. В числе канонизированных оказались лица неправославного исповедания: протестантка <...> Е. Шнейдер и католик А. Трупп». ⁶

Несмотря на то, что должных исследований РПЦЗ действительно не провела, все же есть основания усомниться в том, что канонизация инославных христиан состоялась.

Процесс подготовки канонизации Новомучеников начался в 1971 г., когда Архиерейский Собор РПЦЗ поручил Синоду начать сбор материалов о пострадавших за веру в годы коммунистических гонений. Отмечалось, что сонм Новомучеников возглавлен «Царем Мучеником и Царской семьей». ⁷ В ходе подготовки обсуждалась и возможность прославления А. Труппа и Е. Шнейдер, причем насильственную смерть царских слуг, сохранивших верность императору, зарубежное церковное руководство действительно готово было вменить им в православное мученичество. «Я тогда архиереем не был, – рассказывает Первоиерарх РПЦЗ митрополит Иларион (Капрал), – но читал все документы Собора, в частности, ответ на этот вопрос архиепи-

скопа Антония (Синкевича) Лос-Анджелесского. Он объяснял, что эти люди, будучи преданными царю, своей мученической кровью крестились, и они достойны, тем самым, быть канонизированными вместе с семьей». ⁸

Однако объяснения архиепископа Антония (Синкевича) не являются церковным постановлением. В настоящее время единственным официальным списком Новомучеников, прославленных Русской Зарубежной Церковью, является перечень, опубликованный в календаре РПЦЗ. Впервые такой список появился в 1999 г. с указанием, что именно он и был утверждён Собором 1981 г. Инославных христиан в официальном списке нет.

Не встречаются имена инославных и в материалах, связанных с прославлением Новомучеников. «Многочислен сонм Новомучеников Российских, – говорилось в специальном послании, изданном накануне канонизации. – Он возглавляется в первую очередь священными именами Святейшего Патриарха Тихона, убиенных Митрополитов Владимира [Богоявленского] и Вениамина [Казанского], причем Митрополит Владимир занимает в нем особо почетное место, как первомученик, положивший начало этому славному сонму. В то же самое время совершенно особое место в сонме Новомучеников занимает Царская семья – во главе с Царем-Мучеником. ⁹ В других текстах, сопровождавших канонизацию, упоминались также преподобномученица Елисавета, алапаевские мученики и царские слуги. Так, в указе Архиерейского Синода от 13 мая 1981 г. говорилось: «К 4/17 июля сего года особо призвать клир и паству к совершению последний раз в сию скорбную дату молений заупокойных за Царственных Мучеников с сострадальцами Их, Верными Слугами Их, а также за пострадавших на следующий день Страстотерпцев алапаевских». ¹⁰ Поскольку слуги

царской семьи в подавляющем большинстве были православными христианами, их канонизация смущения не вызывала.

Архиепископ Женевский и Западно-европейский Антоний (Бартошевич) незадолго до прославления перечислил ряд священнослужителей, пострадавших от коммунистической власти и достойных канонизации. «Назовем хотя бы имена тех, – писал архиепископ, – которых должен знать весь христианский мир: первомученик Митрополит Владимир [Богоявленский], Митрополиты: Вениамин [Казанский], Кирилл [Смирнов], Иосиф [Петровых], Агафангел [Преображенский], Петр [Полянский] и другие». Также, по мнению иерарха, к лику святых должны быть причислены и страстотерпцы – те, кто был убит по политическим причинам, но прославлен за благочестие и покорность воле Божией: «Таковыми в наше время являются Царственные Мученики: Царь Николай, Царица Александра, Царевич Алексей, Княжны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия, Великая Княгиня Елизавета и Князья: Иоанн, Игорь и Константин».¹¹

Но о публикации полного списка речи не шло. 23 июня 1981 г. Архиерейский Синод РПЦЗ определил, что после прославления список Новомучеников будет пополняться в зависимости от поступления материалов.¹²

Согласно акту Архиерейского Собора 1981 г., к лику святых причислялся весь многомиллионный сонм мучеников и исповедников, имена которых известны одному Богу. «Особое место в лике святых Новомучеников, – говорилось в документе, – занимает Царь-Мученик Николай Второй, как Помазанник Божий, носитель идеи Православной Государственности, и Его Семья». Устанавливались служба Царственным мученикам в день их убийства 4/17 июля и празднование в честь Ново-

мучеников Российских в воскресный день между 22 и 28 января по старому стилю.¹³

Выделялось и несколько других имен. Сразу же после Акта о прославлении Новомучеников «Православная Русь» поместила заметку о мощах великой княгини Елисаветы и инокини Варвары. Страдалицы именовались преподобномученицами.¹⁴ В каноне Новомученикам и исповедникам Российским, опубликованном в следующем номере «Православной Руси», были указаны имена императора Николая, патриарха Тихона, митрополитов Владимира (Богоявленского) и Вениамина (Казанского), протоиереев Иоанна Кочурова и Иоанна Восторгова.¹⁵

Однако Архиерейский Собор ограничил поминовение конкретных имён. Согласно соборному определению от 30 октября 1981 г., на богослужении предписывалось поминать Новомучеников так: «На литии: после свв. Бориса и Глеба «и святых благоверных страстотерпцев царя мученика Николая, царицы мученицы Александры, царевича Алексия, царевен Ольги, Татьяны, Марии и Анастасии, св. преподобномучениц княгини Елисаветы, инокини Варвары и всех новомучеников Российских», а в своем месте, после русских святителей, «и иже во святых отец наших Тихона, патриарха Московского исповедника, митрополитов Владимира Киевского, Вениамина Петроградского, Петра Крутицкого, Кирилла Казанского, Иосифа Петроградского, Агафангела Ярославского, архиепископа Андроника Пермского, епископа Гермогена Тобольского, пресвитера Иоанна [Кочурова], пресвитера Иоанна [Восторгова] и всех священикомучеников Российских»».¹⁶

Количество поименно прославленных резко диссонировало с общим количеством пострадавших, число которых, как было объявлено на пресс-конференции в конце 1981 г., включало 8 тысяч человек.¹⁷

Алоизиус Трупп (Aloisius Lauris Trüps), камердинер Николая II

Однако этот перечень был предварительным, подлежал уточнению и Собором утверждён не был.

Согласно Акту о канонизации, Архиерейский Синод должен был дополнять именованное «по мере поступления заслуживающих доверия данных».¹⁸ Архиерейский Собор определил «поручить особой Комиссии проверить и отредактировать этот список и представить его на утверждение Собору в одном из следующих заседаний». В комиссию вошли митрополит Филарет (Вознесенский), архиепископ Антоний (Бартошевич), епископы Лавр (Шкурла) и Григорий (Граббе).¹⁹

Однако нам неизвестно, кто входил в полный, черновой список Новомучеников. После канонизации 1981 г. вопрос о том, кто из пострадавших прославлен, а кто нет, серьёзно беспокоил паству русского зарубежья. В Синод шли письма от частных лиц, люди спрашивали, по-прежнему ли молиться за души убиенных родственников или молиться им как святым. Синод отмалчивался. Отвечая на одно из подобных

писем, протоиерей Стефан Ляшевский отмечал: «Персональной канонизации не было, а было лишь свидетельство Церкви о том, что мученики за Христа нашего времени «со святыми упокоились» <...> Другое дело – это персональная канонизация, когда Церковь удостоверяет, что данное лицо получило у Господа столько милости за свою праведность, что они могут ходатайствовать за людей пред Богом. Что могут писать их иконы и служить им молебны. Такой канонизации в акте Заграничного Синода не было, и она указала персонально только на тех, кого православные люди давно уже считают Угодниками Божиими, как Святейший Патриарх Тихон, убиенный Митрополит Владимир, Государь и вся Царская семья».²⁰

Но мартиролаг был востребован. Через некоторое время по епархиям был разослан «Алфавитный список Новомучеников и Исповедников Российских».

Приходилось слышать мнение, что именно этот список содержит имена Алоизия Труппа и Екатерины Шнейдер. Возможно, в некоторых вариантах этого перечня и упоминались имена инославных. Однако имеющаяся в распоряжении автора копия списка из Западноевропейской епархии, предоставленная архиепископом Михаилом (Донсковым), не даёт оснований для таких предположений. Мартиролаг состоит из 36 машинописных страниц, имена мучеников даны в алфавитном порядке. Всего в списке более 600 имён, не считая безымянных страдальцев, а также групп пострадавших, например «70 иереев Харьковских, убиенных с декабря 1918 г. по июнь 1919 г.».²¹ К списку прилагается и рукописный перечень на восьми страницах. Каких-либо указаний, подтверждающих, что список был заверен или утверждён, не имеется.

Сама по себе машинопись интересна. Она содержит, например, имена митропо-

лита Иосифа (Петровых), архиепископа Феодора (Поздеевского), епископов Андрея (Ухтомского), Леонтия (Вимпфена). Впоследствии имена этих архипастырей вошли в официальный список Новомучеников РПЦЗ 1999 года. В машинописном перечне есть имена священномучеников Анатолия (Грисюка) и Иувеналия (Масловского) – иерархов, поддержавших компромиссную политику митрополита Сергия (Страгородского). Однако впоследствии в святцы РПЦЗ они не вошли.

Составители списка не имели достоверной информации о некоторых пострадавших. Например, об архиепископе Феодоре (Поздеевском) в машинописи говорится, что по некоторым сведениям он был жив ещё в 1940-х гг.²² Однако некоторые данные даже более достоверны, чем сведения Московской Патриархии. Например, о святом Сильвестре (Ольшевском) сказано, что он принял смерть в марте 1920 г. Это совпадает с новейшими данными²³, хотя в календаре Московской Патриархии днём памяти святого является 26 февраля по новому стилю.

Вернёмся к инославным слугам царской семьи. В машинописи их имён изначально не было. Из Царственных мучеников в списке упомянут лишь Император Николай II. «Зверски убит со всей Семьей и со слугами», – говорится в пояснительном тексте, не содержащем имён ни членов его семьи, ни приближённых.²⁴ Однако в конце машинописи есть имена, вписанные от руки. Среди них члены царской семьи и их слуги. В числе последних в рукописи содержатся имена инославных (А. Труппа и Е. Шнейдер), в святости которых анонимный автор дополнений не сомневался. Однако факт таких дополнений от руки может свидетельствовать о том, что в первоначальном тексте мучеников, разосланном в епархии, инославных не было. Как бы то ни было, этот список так и не был утверждён,

и в святцы РПЦЗ, включающие около 500 имен²⁵, многие из упомянутых в перечне (в том числе и инославные) не вошли.

Итак, Собор 1981 г. инославных в святцы не включил. Но как быть с другими свидетельствами, например, богослужебным текстом и иконой?

Хотя список Новомучеников в 1981 г. не был утверждён, служба им была составлена заранее. Согласно определению Архиерейского Синода от 30 октября 1980 г., службу Новомученикам предписывалось составить преосвященному Антонию (Медведеву) Сан-Францисскому, а службу Царственным мученикам – преосвященному Антонию (Синкевичу) Лос-Анжелесскому. Не дожидаясь появления официального списка и утверждения его Собором, автор службы Царственным мученикам внёс в текст имена царских слуг, в том числе и инославных. Так, в Стихире на Хвалитех (Слава), поется: «Молитвами, Христе, святых мученик Твоих, убиенных за веру в Тя, Великих князей Михаила, Павла, Димитрия и Георгия, и верных царских слуг: Илии [Татищева], Василия [Долгокурова] и Евгения [Боткина], Анастасии [Гендриковой], Екатерины [Шнейдер] и Анны [Демидовой], Алексея [Алоизия Труппа], Иоанна [Харитоновна], Климента [Нагорного], Иоанна [Седнёва] и Николая [Джонсона], помилуй и спаси души наша, яко благ и человеколюбец».

Таким образом, епископ Антоний (Синкевич), отстаивавший включение имён инославных в мучеников, внёс их имена и в текст богослужения, не дожидаясь утверждения списка Новомучеников.

То же самое можно сказать об иконе Новомучеников, написанной архимандритом Киприаном (Пыжовым). Иконописец явно пользовался предварительными и неутвержденными списками. Например, среди святых, чьи имена подписаны на иконе, упоминается имя священника Пав-

ла Флоренского²⁶, что впоследствии вызвало нареkania в адрес РПЦЗ, связанные с неоднозначностью богословских мнений отца Павла. В ответ на обвинения последовал ответ от Архиерейского Синода, что «Русская Зарубежная Церковь и подумать не хотела и не могла решиться на такое прославление. Произошла какая-то очень досадная ошибка у нас чисто иконографического характера. На иконе Новомучеников Российских было начертано имя Павла Флоренского без изображения его самого».²⁷ Однако это была не ошибка отца Киприана (Пыжова), а ошибка тех, кто предоставил ему один из неутверждённых черновых списков. Косвенным доказательством того, что священник Павел Флоренский действительно в неких мартирологах фигурировал, можно считать тот факт, что при издании его книги «Соль земли» в 1984 г. автор на обложке указан как святой мученик.²⁸

Но может быть утверждённый список Новомучеников, включавший инославных, был доступен автору «Полных православных святцев» иерею Игорю Дуброву? К сожалению, это не так. Как сообщил отец Игорь автору этих строк, имена инославных, а также царских слуг он внёс в свою книгу, руководствуясь богослужебными

текстами (составленными, напомним, до утверждения официального списка), а также иконой Новомучеников (в основу написания которой также легли неутверждённые мартирологи). Хотя, по свидетельству иерея И. Дуброва, внесение инославных в справочник было разрешено главой РПЦЗ митрополитом Лавром (Шкурлой)²⁹, это всё же не соборное решение, а частное архиерейское благословение.

Итак, текста, включающего имена инославных и утверждённого Собором РПЦЗ, не имеется. Собор 1981 г. список Новомучеников не утвердил. Включение имён А. Труппа и Е. Шнайдер в богослужебные тексты, а также изображение их на иконе – следствие использования неутверждённых черновых списков. Официальные списки Новомучеников, канонизированных РПЦЗ, позднее опубликованные в календарях, имён инославных христиан не содержат.

Прояснить ситуацию помог бы подлинный список, утверждённый соборной властью РПЦЗ, или текст синодального определения о включении инославных в святцы. Пока такие документы не обнаружены, говорить о причислении к лику святых инославных слуг императора Николая II нет оснований.

Summary

Russian Orthodox Church Outside Russia (ROCOR) was the first that spoke about the feat of the Romanov family and New Martyrs. It was independent of Moscow Patriarchy from 1920s to 2007. The glorification of the martyrs took place on Episcopal Council of ROCOR in 1981. Subsequently the information that Russian Orthodox Church Abroad canonized saint non-Orthodox servants of the Romanov family Catholic Aloise Trupp and Lutheran Catherine Schneider appeared. The confirmation of this information is men-

tioning of A. Trupp and C. Schneider in liturgical texts. Moreover, they were depicted on the icon of New Martyrs, which was painted by Archimandrite Cyprian (Pyzhov). During the opposition between Russian Orthodox Church Abroad and Moscow Patriarchy canonization of non-Orthodox saints used by the opponents of ROCOR as the confirmation of corruption of its ecclesiology. However, it is reasonable to suppose that the canonization of the non-Orthodox is doubtful. Episcopal Council of ROCOR of 1981 after the can-

onization did not assert the list of names. In the lists, there were only mentioning of the Romanov family, Patriarch Tikhon, several hierarches, priests, venerable nuns and martyrs Elizabeth and Barbara, killed princes. ROCOR did not publish an official list for a long time. Instead of this, unofficial type-writing lists of New Martyrs were spread in the diocese. We analyze one of them in this article. There are no names of the non-Orthodox in the typewriting text. These names are

handwritten. They are also not mentioned in the official list of New Martyrs published in 1999. The introduction of the names of the non-Orthodox in liturgical texts was made because of mentioning in the preliminary list of New Martyrs, which was not approved by Episcopal Council. Icon-painter Archimandrite Cyprian (Pyzhov) used these unofficial lists. According to actual information, the non-Orthodox were not canonized in ROCOR.

Reference list

- 1 Kostrjukov A. K voprosu o podgotovke kanonizacii carskoj sem'i v Russkoj Zarubezhnoj Cerkvi // Vestnik PSTGU. II. Istorija Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. 2013. Vyp. 3 (52). S. 42 – 51.
- 2 Evfimij (Logvinov), ierom. Ob otnoshenii mitropolita Anastasija (Gribanovskogo) k proslavljeniju vo svjatyh Russkoj Zarubezhnoj Cerkov'ju svjatogo pravednogo Ioanna Kronshtadtskogo. K karakteristike lichnosti pervoierarha Zarubezhnoj Cerkvi // HV Ezhegodnaja bogoslovskaja konferencija PSTGU. M., 2005. T.1. S. 307, 309.
- 3 Damaskin (Orlovskij), igum. Problematika kanonizacij mestnochtimyh Novomuchenikov v Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi zagranicej // Vestnik arhivista. 2016. # 1. S. 272 – 287; Evfimij (Logvinov), ierom. Ob otnoshenii mitropolita Anastasija (Gribanovskogo) k proslavljeniju vo svjatyh Russkoj Zarubezhnoj Cerkov'ju svjatogo pravednogo Ioanna Kronshtadtskogo // HV Ezhegodnaja bogoslovskaja konferencija Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Materialy 2005. T. 1. M.: PSTGU, 2005. S. 305 – 311; Semenenko-Basin I. Kul't Imperatora Nikolaja II v tradicijah rossijskogo pravoslavija HH – nachala HHI vv. // Religiovedenie. 2009. # 3. S. 28 – 38; Semenenko-Basin I. Svjatost' v russkoj pravoslavnoj kul'ture HH veka. Istorija personifikacii. M.: RGU. 2010; Shtrikker G. Die Kanonisierung der Neomartyr in der Russisch-Orthodoxen Auslandkirche // Kirche in Osten. 1983. # 26. S. 124 – 125.
- 4 Sm., napr.: Semenenko-Basin I. Svjatost' v russkoj pravoslavnoj kul'ture HH veka... S. 203.
- 5 Polnye pravoslavnye svjatcy. Spravochnik. Sost. ierej Igor' Dubrov. SPb.: Russkij sluzhitel', 2015.
- 6 Cypin V., prot. Istorija Russkoj Cerkvi 1917–1997. M.: Izdatel'stvo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyra, 1997. S. 608.
- 7 Opredelenija Arhierijskogo Sobora Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi zagranicej // Cerkovnaja zhizn'. 1971. # 7–12. S. 46.
- 8 «Spasenie Rossii v ee pravednikah». Interv'ju Pervoierarha Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi za granicej Ilariona, mitropolita Vostochno-Amerikanskogo i N'ju-Jorkskogo // Novyj Zhurnal. 2013 # 271.
- 9 Poslanie vsem vernym chadam Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi zagranicej po sluchaju priblizhenija proslavljenija Novomuchenikov Rossijskikh // Pravoslavnaja Rus'. 1981. # 11. S. 2.
- 10 Ukaz Arhierijskogo Sinoda Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi Zagranicej Eparhial'nym Preosvjashhennym, kliru Sinodal'nogo sobora, Nachal'niku Russkoj Duhovnoj Missii v Ierusalime i nastojateljam cerkvej, neposredstvenno Predsedatelju Arhierijskogo Sinoda podchinennyh // Pravoslavnaja Rus'. 1981. # 9. S. 1.
- 11 Antonij (Bartoshevich), arhiep. Proslavlenie Novomuchenikov Rossijskikh – vsepravoslavnoe torzhestvo // Pravoslavnaja Rus'. 1981. # 13. S. 2, 4.
- 12 Ukaz iz Arhierijskogo Sinoda Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi Zagranicej // Pravoslavnaja Rus'. 1981. # 16. S. 9.
- 13 Proslavlenie novyh muchenikov Rossijskikh. Akt // Pravoslavnaja Rus'. 1981. # 20. S. 1.
- 14 V.S. O svjatyh moshhah prepodobnomuchenic velikoj knjagini Elizavety Feodorovny i monahini Varvary // Pravoslavnaja Rus'. 1981. # 20. S. 2.
- 15 Kanon Novomuchenikam i Ispovednikam Rossijskim // Pravoslavnaja Rus'. 1981. # 21. S. 3 – 4.

- 16 Opredelenija Arhierejskogo Sobora Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi Zagranicej // Pravoslavnaja Rus'. 1981. # 24. S. 12.
- 17 Novomucheniki strazhdushhej Rossii // Pravoslavnaja Rus'. 1982. # 5. S. 8.
- 18 Proslavlenie novyh muchenikov Rossijskih. Akt // Pravoslavnaja Rus'. 1981. # 20. S. 1.
- 19 Opredelenija Arhierejskogo Sobora Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi Zagranicej // Pravoslavnaja Rus'. 1981. # 24. S. 11.
- 20 ЛЛjashevskij S., prot. Pis'mo I. M. Tolstomu 23.02.1982 // Holy Trinity seminary archive. F. «ЛЛiashevskii». Box 1. File 18.
- 21 Alfavitnyj spisok Novomuchenikov i Ispovednikov Rossijskih, s. 35 // Arhiv avtora.
- 22 Alfavitnyj spisok Novomuchenikov i Ispovednikov Rossijskih, s. 32 // Arhiv avtora.
- 23 Panina M. «Ego bol'she ne trojali»: legenda o muchenicheskoj konchine arhipiskopa Sil'vestra v 1920 g. // Izvestija Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeja. Sb. nauchnyh trudov. # 19. Omsk. 2014. S. 125 – 126.
- 24 Alfavitnyj spisok Novomuchenikov i Ispovednikov Rossijskih, s. 20 // Arhiv avtora.
- 25 Troickij Pravoslavnyj Russkij kalendar' na 2000 g. Dzhordanvill'. B.g.
- 26 Zhurnal Moskovskoj Patriarhii. 1990. # 12. S. 31.
- 27 Cit. po: Perepelkina L. Jekumenizm. Put', vedushhij v pogibel'. SPb.: Revers, 1992. S. 44.
- 28 Florenskij P., sv. much. Sol' zemli, to est' Skazanie o zhizni Starca Gefsimanskogo Skita Ieromonaha Avvy Isidora. Platina, 1984.
- 29 Lichnoe soobshhenie iereja I. Dubrova 3.09.2018.

Иван Петров (Россия)
Ivan Petrov (Russia)

Из оккупированного Орла в Литву – личность на фоне эпохи: путь священника Александра Данилушкинаⁱ

From Orel to Lithuania – the biography of Russian priest Alexander Danilushkin

Во второй половине 1943 г. территорию Балтии, в первую очередь нынешнюю Латвию и Литву, стали массово наполнять беженцы с территории РСФСР. Насильно угнанные немцами или же добровольно бежавшие в страхе перед волной новых советских репрессий, эти люди не знали, чего ждать от окончания войны и могли лишь надеяться на более благоприятный поворот в собственной судьбе в случае, если они смогут оказаться в среде единомышленников. Сегодня достаточно дискуссионными остаются вопросы о настроениях этих эвакуированных и о реальной опасности, исходившей от вернувшейся советской власти. Ставропольский краевед Герман Беликов, современник событий тех лет, живший в оккупированном Ворошиловске (Ставрополе), так описывал поведение большевиков после возвращения Красной армии: «А вскоре последовали аресты, многочисленные закрытые и открытые суды над «пособниками окку-

пантов». Вновь в Ставрополе и по краю стали создаваться «истребительные отряды», которые «боролись с предателями и их пособниками, не жалея сил», о чем на страницах местной прессы в 2005 году в статье «Не мечь, а возмездие» рассказал бывший работник НКВД». ¹ В личной беседе с автором этих строк ставропольский историк рассказал, что знал нескольких ставропольчан, которые смогли эвакуироваться на Запад и получить там благоприятные условия для существования, в то время как их земляки, оставшиеся на родине, были вынуждены испытать все тяготы послевоенного обустройства СССР и почувствовать на себе репрессивный каток сталинских репрессий. ²

Вместе с огромными массами «подсоветского» населения на территорию соседних республик хлынули и православные пастыри, занимавшиеся на протяжении двух лет нацистской оккупации духовным кормлением пребывавшего в «безрели-

ⁱ Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ №18-78-00048 «Служение русского православного пастырства во временно оккупированных районах РСФСР в 1941–1944 гг.».

Воскресенский (Афанасьевский) храм г. Орла, освящен 30.09.2001. Построен на месте сгоревшей в 1996 г. деревянной церкви (освящена в 1895 г.)

гиозной пустыне» «советского народа». Наиболее известны сюжеты, связанные с эвакуацией клира и мирян, входивших в Псковскую Православную Миссию, действовавшую на Северо-Западе России (наиболее подробно вопрос эвакуации данных пастырей осветил российский историк Константин Обозный).³ Однако одними из первых этот страдный путь испытали на себе представители орловского православного духовенства, волей военного времени оказавшиеся в пределах Литвы. О судьбе одного из них, Александра Данилушкина, мы расскажем в этой статье.

Прежде чем остановиться на особенностях процесса эвакуации духовенства и мирян из Орловщины в Балтию, необходимо описать религиозную ситуацию в пределах Орловской епархии в предвоенный период и в годы нацистской оккупации. В первую очередь отметим, что нынешняя Орловская область пережила все тяготы большевистских гонений на Православную Церковь.

Так, согласно данным орловского историка А. И. Перельгина, гонения на крупнейшую Поместную Православную Церковь на территории Орла и окрестностей начались уже в 1917 г., причём с 1917 по 1923 гг. в Орловской губернии было закрыто 26 православных храмов, из них 17 – в г. Орле.⁴ Более того, в 1920–1930-е гг. большевики активно поддерживали в регионе обновленцев, которые также сыграли зловещую роль в борьбе с каноническими приходами. К маю 1931 г. в городе Орле из 40 церквей и часовен оставались действующими только 15.⁵ К началу 1939 г. организованной религиозной жизни Православной Церкви на территории Орловской области вовсе не было. К началу войны между гитлеровской Германией и сталинским Советским союзом в современных границах Орловской области оставались две действующие церкви: церковь Рождества Христова в г. Болхове и св. Николая Чудотворца в с. Лепёшкино Орловского района.⁶

Осложнялась религиозная ситуация в Орловской епархии и тем, что здесь не было епископа, могущего возглавить местные православные приходы. Епископ Орловский Иннокентий (Никифоров) был расстрелян в 1937 г., а в начале 1941 г. совсем недолго на Орловской кафедре успели послужить епископы Николай (Могилевский) и Алексей (Сергеев). Последний, в связи со стремительным наступлением Вермахта, принял решение покинуть Орёл и продолжил служение уже на Тамбовской кафедре.

В результате действий советских властей местные православные приходы остались без архиерейской заботы и были лишены возможности быстрого налаживания канонического устройства церковной жизни. Храмы, тем не менее, с приходом немцев стали массово открываться на всём периметре оккупированных территорий. Политика оккупантов разительно отличалась

от советской: большевики с началом войны продолжили процесс закрытия церквей (25 июня 1941 г. была закрыта Орловская Афанасьевская церковь)⁷, немцы же решали открывать молитвенные здания и санкционировали возвращение к служению православного духовенства. Известный петербургский протоиерей, уроженец города Болхова Орловской области, Василий Ермаков, подростком оказавшийся на оккупированной территории, вспоминал впоследствии, что местное население самостоятельно собирало иконы по домам и закрытым храмам и несло их в церкви.⁸

Уже 26 декабря 1941 г. в Орле торжественно освятили Богоявленский собор, в котором с 1 мая 1939 г. размещался антирелигиозный музей. 15 марта 1942 г. открыли Никитский храм, 25 апреля 1942 г. Иоанно-Крестительскую церковь. Издававшаяся в период германского управления в Орле газета «Речь» сопровождалась специальной рубрикой «Церковная хроника». В этой рубрике в марте 1942 г. было приведено следующее расписание богослужений на 6 марта того же года: «Кафедральный Богоявленский собор. Богослужение совершается в 8 часов утра и в 3 часа дня. Афанасьевская кладбищенская церковь. Богослужение совершается ежедневно в 8 утра и в 3 часа дня. Никитская церковь. Богослужения совершаются по воскресеньям в 2½ дня. Крестительская кладбищенская церковь – воскресенье 9 часов.»⁹ Как видим, всего за полгода местным жителям при поддержке местной администрации удалось открыть 4 православных храма в некогда славившемся своим церковным ожерельем русском городе. Более того, в прессе отмечалось, что ещё три орловских храма готовятся к ремонту и освящению.

Гораздо более остро стоял вопрос о том, какой юрисдикции будут подчиняться местные православные приходы, ведь установить связь с иерархами Московской Па-

Церковь Иоанна Крестителя

триархии в экстремальных условиях войны и немецкой оккупации не представлялось возможным. Наиболее вероятными кандидатами для замещения вакантной Орловской кафедры теперь должны были стать представители Русской Православной Церкви Заграницей. Сами представители «карловацкой Церкви» также вынашивали планы по включению православных приходов России в своё подчинение. Так, в начале осени 1941 г. епископат РПЦЗ высказывал осторожные пожелания по поводу организации Временного Синода и наделения первоиерарха РПЦЗ митрополита Анастасия (Грибановского) полномочиями местоблюстителя Патриаршего Престола.¹⁰ Однако противодействие немцев не способствовало распространению влияния РПЦЗ на оккупированную российскую территорию. До лета 1942 г. все действия «зарубежников» были ограничены только лишь отправкой нательных крестов, священных сосудов и антиминсов в Орёл.¹¹ В это же время из Орла в Берлин митрополиту Берлинскому и Германскому Серафиму (Лядэ) приходят письма от представителей орловского духовенства с

Богоявленский собор

Никитская церковь

просьбой прислать епископа для архиерейского руководства местными приходами.¹² Однако далее декларации Архиерейского Синода РПЦЗ подобные решения так и не продвинулись.

Но сами орловские пастыри начали возносить за богослужением имя митрополита Берлинского и Германского Серафима (Лядэ). Этому факту есть несколько косвенных свидетельств. Автором наиболее известного стал корреспондент британской газеты «The Sunday Times» и Би-би-си Александр Верт, описавший свои впечатления от воюющего СССР в книге «Россия в войне». В 1943 г., сразу после ухода немцев из Орла, А. Верт встретил в городе протоиерея Иоанна Маккавеева, известного местного священника, который заявил о том, что в период оккупации был вынужден поминать за богослужением митрополита Серафима (Лядэ).¹³ В качестве непосредственного руководителя религиозной жизнью на оккупированной Орловщине отец Иоанн назвал священника Александра Кутепова, а также эмигранта Константинова, работавшего в структуре местного городского самоуправления.¹⁴

Второе важное свидетельство связано с личностью протоиерея Александра Кутепова, который являлся одним из главных действующих лиц в процессе возрождения Православия в Орловской епархии начального периода оккупации. Отец Александр родился в 1881 г. в селе Деревном Льговского уезда соседней Курской губернии. По окончании Черниговской духовной семинарии он вошёл в состав клира Черниговской епархии. Отца Александра заметил знаменитый архиепископ Черниговский и Нежинский Василий (Богоявленский), который назначил Кутепова заведующим пасекой одного из епархиальных монастырей.¹⁵ В середине 1930-х гг., уже в сане протоиерея, Александр Кутепов служил в соборе в Ливнах, а в 1938–1939 гг. являлся

орловским благочинным. В 1939–1941 гг. отец Александр работал по гражданской специальности и возобновил службу летом того же года. С приходом немцев он 14 ноября 1941 г. продолжил служение и 25 декабря 1941 г. стал настоятелем Богоявленского собора Орла.¹⁶ Входил отец Александр и в местное епархиальное управление, от имени которого и состоял в переписке с Берлинским митрополитом. От последнего летом 1942 г. он получил митру и крест с бриллиантами.¹⁷ В тоже самое время не следует представлять протоиерея Кутепова послушным сторонником нацистов: 25 ноября 1942 г. он был арестован нацистами и отправлен этапом в лагерь «Кальков» под Брянском. Оттуда он был освобождён Красной армией только в конце ноября 1943 г.¹⁸ Судя по тому, что шкаф отца Александра в 1944 г. был вскрыт местным духовенством и была составлена подробная опись находившихся там вещей, не избежал он ареста и советскими карательными органами.¹⁹

Итак, с осени 1941 г. на территории Орловской епархии начинает действовать епархиальное управление, которое руководит религиозной жизнью региона. Параллельно этой церковной структуре создаётся светская, которая занимается поддержанием порядка в местных приходах. Первоначально церковными вопросами ведал уже упомянутый ранее эмигрант Иван Константинов. Сначала он являлся старейшиной храмов Орловской епархии.²⁰ Впоследствии, в мае 1943 г., в составе IV главного отдела управы просвещения, культуры и культа немцами будет организован четвёртый подотдел Церкви и религии, возглавляемый Иваном Константиновым и его помощником Пахомом Ерофеевым.²¹ В компетенцию подотдела входило следующее: «церковные дела, преподавание религии, лица немецкого происхождения и других национальностей».²² Важно от-

метить, что Иван Константинов не только надзирал за деятельностью православных приходов Орловщины, но и оказывал непосредственную помощь при возникновении конфликтов между нацистами и православным духовенством и мирянами, а также другими представителями русской гражданской администрации. К примеру, во время праздника Богоявления он письменно разъяснял нацистским властям необходимость проведения освящения воды, рассказывал о сути праздника и его значении для верующих, с православными священниками же он согласовывал проведение праздничного богослужения.²³ Подобным образом структура управления приходами Орловщины подтверждена докладной запиской заместителя начальника Центрального штаба партизанского движения о решении немцами религиозного вопроса на оккупированной территории от 26 октября 1942 г., в которой описывается, как на церковные торжества в город Болхов 17 сентября 1942 г. прибыли «епархиальный благочинный протоиерей Кутепов», «старшина епархии г-н Константинов», а также граждане волости и представители Вермахта.²⁴ Газета «Речь» подтверждает, что на большинстве обследований по открытию храмов в регионе в 1942 г. вместе присутствовали Кутепов и Константинов.²⁵

На фоне этого бурного восстановления религиозной жизни в нынешней Орловской епархии к служению возвращается и главный герой нашей статьи – протоиерей Александр Данилушкин. Будущий пастырь родился 25 декабря 1895 г. в деревне Плещеево Орловской губернии. В 1911 г. он окончил воскресную второклассную школу, а в 1914 г. – учительскую семинарию в городе Карачевске. В июле военного 1914 г. Орловский епархиальный училищный совет назначил А. Данилушкина на должность учителя Толковской началь-

ной школы Малоархангельского уезда. В этой должности Александр Афанасьевич пробыл до 1916 г., пока епископ Елецкий Павел (Вильковский) не назначил его псаломщиком Воскресенской церкви села Козинки Севского уезда. 1 марта 1918 г. Данилушкин выдержал экзамен на диакона и уже новый Елецкий епископ Амвросий (Смирнов) отправил его на диаконское служение в Никольскую церковь Николаевского села Малоархангельского уезда. В 1920 г. Орловский и Севский епископ Серафим (Остроумов) переместил Данилушкина на Воскресенский приход села Воскресенское Орловского уезда. В 1921 г. Александр Афанасьевич проходит обучение на трёхмесячных пастырских курсах, организованных при Богоявленском соборе Орла.²⁶ В 1924 г. епископ Карачевский Агапит (Борзаковский), викарий Орловской епархии, рукополагает Данилушкина в иереи и направляет священствовать к Михайло-Архангельской церкви села Сабурово Орловского уезда. В 1923 г. у отца Александра и матушки Анны Никитичны (урождённой Филиной) родился первый ребёнок – дочь Галина. В 1928 г. у супругов рождается дочь Анна. В том же году епископ Орловский и Мценский Николай (Могилевский) определяет Данилушкина к Рождество-Богородицкой церкви села Рождественно под Черным Мценского уезда. Владыка Николай награждает при этом Александра Данилушкина набедренником.

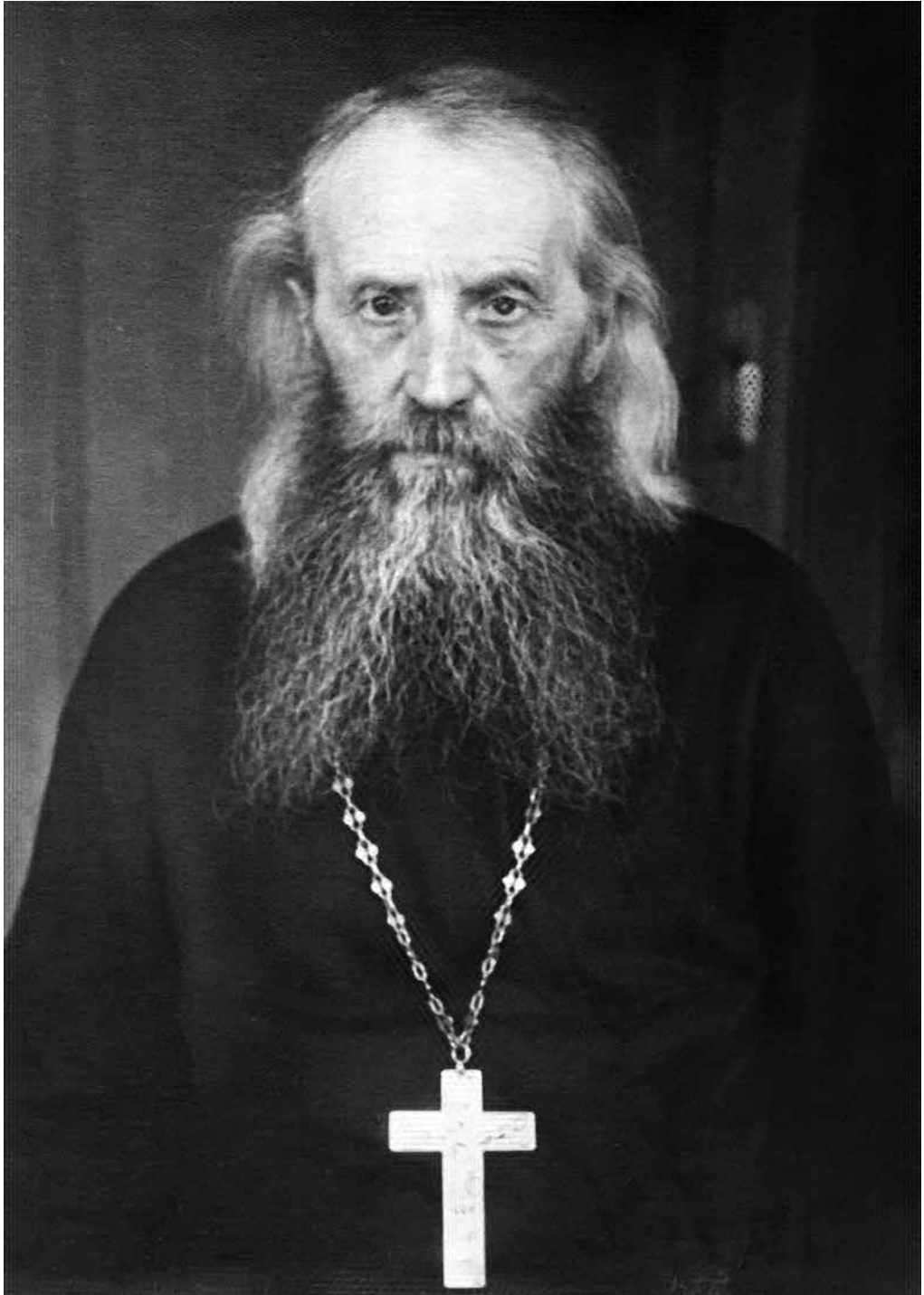
Следующее перемещение последовало в 1930 г., когда Орловский епископ Даниил (Троицкий) перевёл Данилушкина в церковь села Долец Болховского уезда. В 1933 г., находясь на Брянской и Севской кафедре, епископ Даниил наградил отца Александра камилавкой. Новый епископ Брянский и Севский Иоасаф (Шишковский-Дрылевский) в 1935 г. принял решение переместить отца Александра к Николаевской церкви села Боянович Жиздринского уезда Брян-

ской епархии (такие странные названия, объединяющие названия и типологию населённых пунктов дореволюционной России с церковно-административным делением приведены в послужном списке протоиерея Александра Данилушкина и оставлены нами без изменения – *И.П. – прим.*).

В период с 1937–1941 гг. отец Александр Данилушкин не служил. Стоит предположить, что именно в этот период он был арестован. В автобиографии о своём аресте он написал следующее: «Церковным судом не судим. Гражданским судом судим за несоблюдение санитарных правил. Судимость снята».²⁷

Возвращение к служению отца Александра Данилушкина происходит в период нацистской оккупации, а именно 25 марта 1942 г., когда Орловское епархиальное управление назначило его настоятелем Космо-Дамиановской церкви села Короськово Кромского уезда.²⁸ Об успехах, которые были достигнуты в деле восстановления храма в Короськово, писала и газета «Речь» 9 декабря 1942 г. (автор материала отмечен как «Псаломщик Никитенко»): «В начале марта этого года в селе Короськово священником о. Александром Данилушкиным и ктиторм Павлом Сметанниковым с помощью прихожан был восстановлен храм Божий. 28-го марта храм был освящен. В день храмового праздника, 14 ноября с.г. при многочисленном стечении богомольцев, крест был поднят на главу храма».²⁹

Спокойному течению приходской жизни помешали развернувшиеся с новой силой военные действия. Немецкие власти пытались в завершающий период оккупации Орловщины решить остро стоящие перед православным духовенством и верующими вопросы. Так, 22 июня 1943 г. в Орле собралось местное православное духовенство для организации действующего епархиального управления и для вы-

Александр Данилушкин

бора нового благочинного, который стал бы уполномоченным перед нацистской администрацией в деле благоприятного разрешения накопившихся вопросов. Этим благочинным был избран протоиерей Филипп Переведенцев, священник орловской Никитской церкви.³⁰ Другой известный орловский протоиерей Дмитрий Бугаков так характеризовал отца Филиппа: «Протоиерей Переведенцев – один из почтенных и заслуженных священников Орловского округа. Он окончил Тульскую духовную семинарию, имеет все награды, до палицы включительно. Помимо достоинства хорошего проповедника, он обладает добрым отзывчивым сердцем, безупречным, иноческим образом жизни и пользуется заслуженным уважением верующих и духовенства.»³¹

Активизацию орловского православного пастырства можно объяснить и ещё одной причиной – не был решён вопрос с архиерейским руководством приходами. Местные священники из издававшейся под оккупацией прессы узнавали о том, что часть приходов на территории РСФСР перешла в ведение Украинской Автономной Православной Церкви, часть в Белорусскую Православную Церковь. Наконец, на Северо-Западе России продолжала свою работу Псковская Православная Миссия. На том же епархиальном собрании в июне 1943 г. обсуждался вопрос о сношениях с епископами «соседних областей», но он так и не был решён.

В 1943 г. ребром встал вопрос об эвакуации местного населения на Запад. Далекое не все православные пастыри желали покидать родные места. Тот же протоиерей Филипп Переведенцев принял решение остаться. Вместе со священником Павлом Лебедевым отец Филипп Переведенцев дошёл до Клинцов, где впоследствии обосновался в местной Петропавловской церкви, настоятелем которой стал.³²

Однако большинство священников ждала гораздо более страдная дорога. Яркий пример этого – судьба отца Александра Данилушкина. 23 июня 1943 г. он вместе с семьёй был эвакуирован из Короськово.³³ Его родной дом в Плещеево в военные годы сгорел. Очень скоро отец Александр оказывается на территории Литвы. До сентября 1943 г. ему не удается получить назначение на приход или же начать работу по духовному попечению русских беженцев. Назначения на Свято-Троицкий приход в Швенченис он получает лишь 20 сентября 1943 г. от Экзарха Прибалтики, митрополита Литовского и Виленского Сергия (Воскресенского).³⁴

Подробно ситуацию с семьёй Данилушкиных описал в своей монографии, посвящённой жизненному пути владыки Сергия (Воскресенского), современный литовский историк Герман Шлевис. Он пишет, что супруги Данилушкиных немцы отправили в Литву под конвоем, разлучив при этом с дочерьми, которых заставили рыть окопы.³⁵ С собой отец Александр взял епитрахиль, святой крест, дискос, антиминос и деревянную чашу.

Вскоре семье Данилушкиных удалось воссоединиться в фильтрационном лагере в литовском городе Алитус. Герман Шлевис, лично хорошо знавший семью Данилушкиных, отмечает, что первое богослужение в фильтрационном лагере состоялось 19 августа 1943 г., ещё без получения соответствующего разрешения от митрополита Литовского и Виленского.³⁶ Узнав о богослужении, Экзарх Сергей (Воскресенский) решает назначить оказавшихся в Алитусе русских священников на приходы в Литве. Отец Александр получил назначение в Швенченис, двое других находившихся в фильтрационном лагере пастыря были назначены в Шауляй (священник Всеволод Соколов) и Векшняй (священник Николай Харченко).³⁷ Однако старшая дочь

орловского священника Галина Данилушкина была вскоре направлена на работу в Германию, несмотря на то, что её отец получил возможность церковного служения в новых для себя условиях. Впоследствии, уже после победы СССР в войне, более 10 лет она провела в советских лагерях, после чего смогла воссоединиться в Швенченисе со своей семьёй.³⁸

Были ли какие-либо канонические препятствия служению орловских пастырей на территории Прибалтийского Экзархата? Известно, что митрополит Сергей (Воскресенский) критично относился к юрисдикционной линии Русской Православной Церкви Зарубежом. В то же время орловские священники по факту принадлежали именно к этой ветви Русского Православия. Отец Всеволод Соколов, тем не менее, отмечал в своём прошении, что находился под «архипастырским покровительством» митрополита Серафима (Лядэ), однако же Экзарх согласился назначить его на приход в Литве, понимая всю сложность служения в условиях военного времени.³⁹ Очень немногие современные исследователи, до сих пор пользуясь устаревшими формулировками, отмечают, что фактический переход орловского духовенства в РПЦЗ носил «профашистский и антисоветский характер».⁴⁰

Попытаемся подробнее проанализировать ещё один документ, написанный орловскими священниками на имя Экзарха. В первую очередь отметим, что он был составлен от имени трех пастырей: Всеволода Соколова, Александра Данилушкина и Григория Вячеславова. Русские священники обращались к митрополиту Литовскому и Виленскому со следующей просьбой: «Ваше Высокопреосвященство! Святой Владыка! Промыслом Божиим, оказавшись у Вас Владыка на территории Литвы – мы многогрешные иереи православной Тихоновской церкви, слезно обращаемся до Вас

Владыко, оказать христианскую братскую помощь – принять нас в число наименьшей братии во Христе Вашей Вверенной Владыко епархии.»⁴¹ Далее следовали автобиографии священников. В них можно обнаружить любопытные моменты. Священники особо отмечали факт собственного нахождения в советских лагерях (так, отец Всеволод Соколов отметил, что он находился в ссылке в Туруханском крае с 1928 г.). Они писали о том, что с ними находятся члены их семей, в том числе дети. Наконец, особо прописали орловцы, что относились до войны к «тихоновской», с точки зрения митрополита Литовского и Виленского каноничной, церковной юрисдикции.

Для упорядочения приходской жизни русских беженцев в Литве Экзарх Сергей (Воскресенский) решает создать Внутреннюю миссию в Литве по типу учрежденной ранее аналогичной миссии в соседней Латвии. Начало организации Внутренней миссии в Литве можно определить мартом 1944 г., когда основной поток бежавшего с Северо-Запада России православного населения и духовенства достиг пределов Литвы. В начале миссией руководил протоиерей Димитрий Флоринский, но вскоре его сменил более опытный миссионер – протоиерей Кирилл Зайц (14 марта 1944 г. митрополит Сергей (Воскресенский) назначил Кирилла Зайца руководителем миссии, а отца Димитрия Флоринского его помощником).⁴² Управление Внутренней миссией в Литве находилось в городе Шауляй. Все его члены были, по мнению К.П. Обозного, назначены митрополитом Виленским и Литовским.⁴³

Далее Внутреннюю миссию в Литве и входившее в её состав православное пастырство ждали проблемы иного свойства. Дело в том, что реальное руководство Внутренними миссиями в Литве и Латвии находилось в руках митрополита Сергия (Воскресенского). Но в конце апре-

ля 1944 г. митрополит был убит и теперь вся полнота власти оказалась у основного сподвижника Сергия – Ковенского владыки Даниила. По справедливому замечанию литовского исследователя Регины Лаукайтите, несмотря на то, что новый глава Экзархата продолжил линию своего предшественника по подчинению церковным властям в Москве, сильным влиянием он не обладал.⁴⁴ Меньше внимания новый глава Прибалтийского Экзархата стал уделять и Внутренней миссии в Литве.

С приходом же Красной армии миссия и вовсе была разгромлена. Далекое не всё православное духовенство, находившееся в 1944 г. на территории Литвы, эвакуировалось на Запад. Многие пастыри приняли решение остаться. Для многих из них это решение стало роковым. Так, большинство бывших псковских миссионеров с приходом Красной армии на территорию Литвы было арестовано, многие из них отправлены в лагеря, из которых не вернулись (например, умерший в лагере протоиерей Кирилл Зайц).

Александра Данилушкина эта участь благополучно миновала. Он остался служить в становившемся родным Швенченисе. В 1947 г. община прошла официальную регистрацию. По данным Германа Шлевиса, в общине тогда насчитывалось 86 человек.⁴⁵ Нравилось ли отцу Александру на новом месте? Однозначно ответить сложно. Пастырь сильно нуждался материально и хотел вернуться на родную Орловщину. В 1946 г. он особенно часто пишет в Орловскую и Брянскую епархию с просьбой о возвращении, отправляет собственную биографию, особо подчеркивая, что некогда служил на приходах области, а перед войной «на общих основаниях работал в колхозе».⁴⁶ В 1950 г. отец Александр обращается с просьбой перевести его в клир Сумской епархии.⁴⁷ Этот перевод так и не состоялся.

Получить перевод на Орловщину священник также не смог, хотя постоянно ездил в родные места. Однако и здесь, в Литве, он получал церковные награды и поддержку прихожан. Так, в 1948 г. был награжден наперсным крестом. В апреле 1958 г. Виленский епископ Алексей (Дехтярев) поздравил пастыря с патриаршей наградой – палицей.⁴⁸ Пятью годами ранее, в 1953 г., Данилушкин был возведен в сан протоиерея. Отзывы епархиальных архиереев об отце Александре были исключительно положительными. Так, архиепископ Рижский и всея Латвии, временно управляющий Виленской и Литовской епархии, в 1952 г. отмечал административный такт священника, дисциплинированность и исполнительность, заявлял, что пастырь состоит на хорошем счету у епархиального руководства.⁴⁹ Владыка Алексей (Дехтярев) замечал, что священник без каких-либо нареканий и протеста обслуживает наряду со своим ещё четыре маленьких прихода епархии.⁵⁰ Архиепископ Роман (Танг), служивший на Литовской кафедре в период с 1959 по 1963 гг., также давал священнику исключительно положительную характеристику: «Протоиерей Александр Данилушкин проявляет похвальное усердие в обслуживании четырех приходов: Ново-Свенцянского, Старо-Свенцянского, Подбродского и Духштанского. Приходы эти разбросаны и постоянное их посещение представляет не мало трудностей. Однако, прот. Данилушкин ни одного из них не теряет с поля зрения и пастырски окормляет. Без этого приходы эти оказались бы беспризорными, т.к. туда из-за бедности этих приходов нельзя назначать и постоянных священников. Протоиерей Данилушкин всячески заботится и о своевременном ремонте этих храмов».⁵¹ Эта характеристика тем более важна, если учесть, что в 1950-е гг. православные приходы стояли перед реальной перспективой

закрытия.⁵² При всём этом Свято-Троицкий приход в Швенченисе оставался одним из самых бедных в Литве. Так, церковный доход храма в 1957 г. составил 773 рубля, в 1958 г. – 863 рубля, в 1959 г. – 748 рублей, в 1960 г. – 657 рублей, в связи с чем епархиальный архиерей просил назначить настоятелю церкви специальную пенсию от Патриархии.⁵³

В 1969 г. отец Александр награждается Патриархом Московским и всея Руси грамотой.⁵⁴ Уже почтенный пастырь пользуется уважением и молодых архиереев. Так, в 1974 г. епископ Анатолий (Кузнецов) отмечал, что хоть протоиерей Данилушкин и служит теперь только при храме в Швянченисе, но продолжает оставаться скромным пастырем с безукоризненным поведением.⁵⁵ Несмотря на то, что протоиерей Александр Данилушкин вышел на пенсию в 1966 г., он продолжал служить и позднее, окончательно уйдя за штат 1 октября 1978 г. За квартал пастырю полагалась в 1979–1981 гг. пенсия в 290 рублей.⁵⁶

Жизнь семьи отца Александра обустроивалась тоже достаточно непросто. Его младшая дочь Анна окончила техникум в столице Литовской ССР, после чего устроилась на швейную фабрику, часто обеспечивая доходом всю семью. Впоследствии и Галина, и Анна Данилушкины помогали

духовенству в храме. Их отец скончался в любимом Свято-Троицком храме в 1988 г.⁵⁷

Судьба протоиерея Александра Данилушкина незримо ставит перед нами очень спорный и до сих пор нерешённый на постсоветском пространстве вопрос о том, что принесла православному населению России Вторая мировая война и нацистская оккупация. На примере нынешней Орловской области хорошо видно, как за два года местному духовенству и верующим удалось воссоздать приходскую систему и почти разрешить юрисдикционную дилемму её существования. Многие вернувшиеся к служению православные священники впоследствии пополнили клир духовенства стран Запада. Однако были и те, кто осел на территории оккупированных республик Советского союза и остался служить там вплоть до глубокой старости. По-настоящему новый дух пришёл и в Литву с перемещением сюда в 1943 г. орловского духовенства. Биография отца Александра Данилушкина – свидетельство надежды и жажды преодоления невзгод и преград, чинимых атеистическим государством. Несмотря на весь трагизм, свой пастырский путь как сам Александр Афанасьевич Данилушкин, так и сотни других, служивших под оккупацией священников, прошли достойно.

Summary

This paper deals with the biography of Orlovsky priest Alexander Danilushkin. He served the entire first half of his life in the parishes of his native Oryol diocese. Four years before the start of the war of the USSR with Germany, he worked in Kolhos. After the start of the German occupation, Danilushkin again became a priest and opened one of the

rural parishes for believers. In 1943, our hero, along with the whole family, was sent to the evacuation. A new place of his ministry was Lithuania. Here he became a member of the Baltic Exarchate. The priest will remain at the parish in Švenčionys until his death in 1988. The article is based on a wide range of sources from the Russian and Lithuanian archives.

Reference list

- 1 Belikov G.A. Okkupaciya Stavropolya. Stavropol': Izd. Nadyrshin A.G., 2016. S.192–193.
- 2 Lichnoe svidetel'stvo, dannoe G.A. Belikovym avtoru 18 iyunya 2018 g.
- 3 Oboznyj K.P. Istoriya Pskovskoj Pravoslavnoj missii. 1941–1944 gg. M.: Izd-vo Kruticzko podvor'ya, 2008. S.453–516.
- 4 Perelygin A. I. Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' v Orlovskom krae. Orel: «Trud», 2008. S. 59.
- 5 Ibid. S.61.
- 6 Ibid. S.80.
- 7 Ibid. S.86.
- 8 Ermakov V., prot. Vospominaniya ob okkupacii. / S Bogom v okkupacii. SPb.: Agat, 2002. S. 86.
- 9 Gosudarstvennyj arhiv Orlovskoj oblasti (GAOO). F. R-3681. Op.1. D.3. L.30-oborot.
- 10 Shkarovskij M.V. Politika Tret'ego rejha po otnosheniyu k Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi v svete arhivnyh materialov 1935–1945 godov (Sbornik dokumentov) M.: Izd-vo Kruticzko Patriarshego Podvor'ya Obshhestvo lyubitel'ej cerkovnoj istorii, 2003. S.154–156.
- 11 Ibid. S.167–168.
- 12 Ibid. S.262–263.
- 13 Vert A. Rossiya v vojne 1941–1945 gg. M.: Voenizdat, 2001. S.421.
- 14 Ibid.
- 15 GAOO. F.R-4330. Op.1. D.20. L.8–9-oborot.
- 16 Ibid. L.6–7.
- 17 Ibid. L.7.
- 18 Ibid.
- 19 GAOO. F. R-4330. Op.1. D.17. L.4–8-oborot.
- 20 GAOO. F. R-159. Op.1. D.15. L.162.
- 21 GAOO. F. R-159. Op.1. D.8. L.15.
- 22 Ibid.
- 23 GAOO. F. R-159. Op.1. D.29. L.7–8.
- 24 GABO (Gosudarstvennyj arhiv Bryanskoy oblasti). F.1650. Op.1. D.71. L. 32-ob.
- 25 GAOO. F. R-3681. Op.1. D.4. L.61-oborot.
- 26 Arhiv Vilensko-Litovskoj eparhii. (Lietuvos staciatikiu arkvivyskupijos archyvas). Posluzhnoj spisok Aleksandra Danilushkina. L.2–4.
- 27 Ibid. L.3-oborot.
- 28 Ibid. L.3.
- 29 GAOO. F. R-3681. Op.1. D.4. L.145.
- 30 GAOO. F. R-3681. Op.1. D.6. L.164-oborot.
- 31 Ibid.
- 32 GAOO. F. R-4330. Op.1. D.29. L.6-oborot.
- 33 GAOO. F. R-4330. Op.1. D.20. L.22.
- 34 Arhiv Vilensko-Litovskoj eparhii. Posluzhnoj spisok Aleksandra Danilushkina. L.3.
- 35 Shlevis G. «On prishel syuda kak strannik...». Sud'ba mitropolita Sergiya (Voskresenskogo). Vil'nyus: Svyato-Duxov monastyr', 2017. S.121.
- 36 Ibid. S. 122.
- 37 Ibid. S.122–123.
- 38 Ibid. S.123.
- 39 Ibid. S.125.
- 40 Kovalev B.N. Povsednevnyaya zhizn' naseleniya Rossii v period nacistskoj okkupacii. M.: Molodaya gvardiya, 2011. S.511.
- 41 Arhiv Vilensko-Litovskoj eparhii. Papka «Metropolitan Sergij (Voskresenskij)». L.7.
- 42 Ibid. L.9.
- 43 Oboznyj K.P. Ukaz. soch. S.490–491.
- 44 Laukajtite R. Litovskaya pravoslavnaya eparhiya pod vlast'yu mitropolita Sergiya (Voskresenskogo) // Pravoslavie v Baltii. 2015. № 3(12). S. 103.
- 45 Shlevis G. Pravoslavnye hramy Litvy. Vil'nyus: SAVO, 2005. S. 477.
- 46 GAOO. F. R-4330. Op.1. D.20. L.22–25.
- 47 Arhiv Vilensko-Litovskoj eparhii. Posluzhnoj spisok Aleksandra Danilushkina. L.5.
- 48 Ibid. L.11.
- 49 Ibid. L.13.
- 50 Ibid. L.19.
- 51 Ibid. L.3.
- 52 Shlevis G. Pravoslavnye hramy Litvy. Vil'nyus: SAVO, 2005. S. 477–478.
- 53 Arhiv Vilensko-Litovskoj eparhii. Posluzhnoj spisok Aleksandra Danilushkina. L.18.
- 54 Ibid. L.22.
- 55 Ibid. L.24.
- 56 Ibid. L.26.
- 57 Shlevis G. Pravoslavnye hramy Litvy. Vil'nyus: SAVO, 2005. S. 482–483.

Александр Корнилов (Россия)
Alexander Kornilov (Russia)

Служил ли протоиерей Евгений Лызлов в Даугавпилсе?

Did archpriest Yevgeny Lizlov serve in Daugavpils?

Статья посвящена исследованию вопроса о служении протоиерея Евгения Лызлова в Даугавпилсе (Двинске) в 1943–1944 гг. О. Евгений Лызлов служил в Смоленской и Тверской епархиях РПЦ в период самых тяжёлых атеистических гонений (1920–1930-е годы) на духовенство. На основе архивных документов и материалов эпистолярного жанра удалось подтвердить факт священнослужения о. Евгения в Латвии, на приходе Успения Пресвятой Богородицы г. Двинск. По окончании Второй мировой войны, когда о. Евгению и его семье угрожала насильственная репатриация из Германии в СССР, факт служения на территории Латвии сыграл спасительную роль. О. Евгений намеренно указывал факт служения в Латвийской епархии, когда существовала реальная угроза репатриации в СССР.

Протоиерей Евгений Лызлов (1901–1982 гг.) известен небольшому кругу историков Русской Зарубежной Церкви. О. Евгений принял сан священника в лихие 1920-е годы советских атеистических гонений, подвергался репрессиям, служил под немецкой оккупацией. По окончании Второй мировой войны он оказался в Баварии, где служил священником на приходах лаге-

рей перемещённых лиц Кемптен, Фюссен, Шляйсгайм.¹

В 1949 г. о. Евгений переехал в США, где в г. Филадельфия основал приход в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость», причём, основными прихожанами стали бывшие солагерники по Шляйсгайму – представители т.н. «второй волны» русских эмигрантов. Порядка 200, в других источниках 300, семей жителей лагеря ДиПи (англ. DP – Displaced Persons – перемещённые лица) Шляйсгайм сумели переехать в США, в Филадельфию, штат Пенсильвания, благодаря неустанной энергии о. Евгения.² Ему удалось приобрести для этих семей необходимые документы, подтверждающие готовность принимающей стороны принять эмигрантов. Протоиерей Евгений пользовался искренним уважением прихожан, где бы он ни служил – в СССР, в оккупации, в послевоенной Германии или в США. Несмотря на клевету, ложные доносы архиереям и закулисные интриги отдельных, «ревнивых не по разуму» прихожан, герой нашей статьи продолжал служить Богу и стремился быть, по слову апостола, всем для всех, «чтобы спасти по крайней мере некоторых» (1 Кор., 9: 22).

Исследование биографии протоиерея Евгения выявило некоторые интересные моменты, которые напрямую связаны со служением в Латвии. В архивных документах Архива Германской епархии (АГЕ) Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ) отложились анкеты духовенства периода ДиПи, которые клирики заполняли в установленном порядке по распоряжению епархиального начальства – митрополита Берлинского и Германского Серафима (Ляде) и его управления. Благодаря архивным документам мы можем сравнить три анкеты, которые сообщают в некотором роде противоречивую информацию.

Анкета, заполненная 6 октября 1947 г.³, говорит, что Евгений Фотиевич Лызлов родился 14 января 1901 г., женат, имеет трёх дочерей и является законоучителем в гимназии лагеря Шляйсгайм (Schleißheim). В графе «Образование» о. Евгений с помощью пишущей машинки напечатал: «4 класса Смоленской духовной семинарии [окончил в] 1918 г., Пастырские епархиальные курсы 1920 г.». Остается вопрос, в какой (Смоленской?) епархии он окончил курсы. В 1935 г. о. Евгений, будучи студентом-заочником, окончил Московский институт «Слово». Полученное образование помогло о. Евгению развернуть публикационную деятельность в послевоенной Германии: в лагере Шляйсгайм он на пишущей машинке печатал различные материалы для учебного процесса и просвещения детей.

Наибольший интерес представляют сведения о хиротонии и служении о. Евгения в епархиях РПЦ. Анкета 1947 г. утверждает, что 14 ноября 1926 года он был рукоположен в сан (следует полагать, сан священника, а не диакона) епископом Вяземским Венедиктом (Алентовым), викарием Смоленской епархии. Служение проходил в Смоленской, Тверской и Латвийской епархиях и даже имеет отпускную грамоту Латвийской епархии. К сожалению, в архи-

е Германской епархии эту грамоту найти не удалось, поэтому сложно утверждать, каким годом, в связи с каким отъездом она выдана, какой архиереем её выдал. Тем не менее, в АГЕ сохранилось косвенное подтверждение того, что такая грамота существовала. Это справка из архиерейского Синода РПЦЗ от 24 сентября / 7 октября 1947 года. Подписавший справку Правитель дел Синодальной канцелярии протоиерей Георгий Граббе сообщал: «Настоящим сообщаю, что отпускная грамота о. прот. Евгения Лызлова из Латвийской епархии была последним представлена высокопреосвященному Председателю Синода и возвращена ему при сношении Канцелярии Архиерейского Синода. Отправленном заказным письмом 3 октября с.г.»⁴ Анкета также сообщает, что о. Евгений был назначен епархиальным начальством благочинным Осташковского района Тверской епархии и уполномоченным по Велико-Лукскому округу Московской Патриархии. При этом отсутствуют сведения о годах служения в Латвийской епархии.

Вторая (по хронологии заполнения) анкета была заполнена о. Евгением 12 февраля 1948 г. в том же лагере Шляйсгайм (DP N 1066, барак 86/6).⁵ Отвечая на вопрос анкеты: К какой «теперь» и «прежде» юрисдикции относится анкетуемый? – о. Евгений написал (на этот раз почерком, не на машинке): «теперь – Синодальной (т.е., Архиерейского Синода РПЦЗ), прежде – Константинопольской до 1940 г.». Возможно ли это, спросит историк, изучающий биографию протоиерея, если до немецкой оккупации (до 1941 года) о. Евгений относился к юрисдикции Московского Патриархата? Ведь даже в условиях страшных гонений атеистической власти, без возможности совершать богослужения о. Евгений не снял с себя сана и не менял юрисдикции.

При чтении анкеты 1948 г. более запутанным оказывается и вопрос хиротонии. О. Евгений пишет, что в сан диакона 26 октября 1926 года его рукоположил архиепископ Иоанн и уточняет место посвящения: Рига. В сан иерея его рукоположил на следующий день, 27 октября 1926 года, тот же владыка Иоанн. В Риге епархиальным архиереем был священномученик, архиепископ Иоанн (Поммер). А куда же «делся» владыка Венедикт (Алнетов) Вяземский, упоминавшийся в анкете 1947 года? Ведь епископ Венедикт был арестован и осуждён коллегией ОГПУ на долгие 10 лет лагерей в 1927 году, а, значит, он, находясь на свободе, ещё мог рукоположить о. Евгения.⁶ Вопрос о должностях и епархиях служения в анкете отсутствовал, поэтому о. Евгений ограничился лаконичной фразой о том, что прежде занимал должности настоятеля и благочинного. В графе «Другие квалификации» анкетируемый сообщил: «учитель и писатель-журналист».

Третья анкета, заполненная о. Евгением, вновь оставляет вопросы. Этот документ называется «Краткие сведения о духовных лицах Северо-Американской и Канадской епархии» и был заполнен 21 августа 1953 года настоятелем храма Всех Скорбящих Радость в Филадельфии, Пенсильвания, протоиереем Евгением Лызловым.⁷

Анкета сообщает, что 13 октября 1926 г. Е.Ф. Лызлов был рукоположен в сан диакона, а на следующий день, в праздник Покрова Пресвятой Богородицы, 14 октября – в сан священника. Хиротонисал епи-

Прот Евгений Лызлов в Филадельфии

скоп Вяземский Венедикт, викарий епископа Смоленского Илариона. В графе о месте священнослужения мы не находим упоминания Латвии. О. Евгений утверждал, что до 4 ноября 1933 г. служил настоятелем Казанской церкви с. Хмелита Вяземского уезда Смоленской епархии. Вплоть до 6 декабря 1935 г. он был благочинным Осташковского района и настоятелем Троицкого Осташковского собора. До 15 августа 1937 г. служил настоятелем Великолукской Успенской церкви и уполномоченным Патриаршего Синода по Велико-Лукскому округу.

Поскольку клеточка заполнения в анкете была небольшой, о. Евгений решил предоставить дополнительную информацию о служении в графе «Иные сведения». Здесь мы и находим Латвию и г. Двинск (Дауга-

впилс). Протоиерей пишет, что окончил служить в августе 1937 г., жил, скрывая священнический сан, и работал учителем пения и ритмики «до прихода немцев». Вновь приступил к служению с октября 1941 г. на должности настоятеля храма Всех Скорбящих Радость, г. Ржев. В 1943 г. стал настоятелем храма святых Гурия, Саммона и Авива г. Смоленск. В 1944 г., пишет о. Евгений, он был настоятелем храма Успения Пресвятой Богородицы в Двинске (старое название русскими г. Даугавпилс), Латвия. А после этого мы читаем о том, что до отъезда в США о. Евгений был законоучителем, т.е. преподавателем Закона Божьего, и священником при ученической церкви в лагерях Фюссен-Шляйсгайм. Все эти данные протоиерей сообщал в предыдущих анкетах.

Пытливый историк, конечно, задаётся вопросами:

1. Можно ли считать достоверным факт служения о. Евгения в Латвии?
2. Если факт верный, как его подтвердить, какими документами или свидетельствами?
3. При каких обстоятельствах о. Евгений попал в Латвию, как и насколько долго проходило его служение в Двинске?

Ответ на этот вопрос в определённой степени могут дать материалы переписки и воспоминаний самого о. Евгения и его детей, которые оказались свидетелями и участниками бурных исторических событий Второй мировой войны и её последствий. Мы говорим «в определенной степени», потому что суждения, высказанные в мемуарах, письмах, устных свидетельствах, безусловно, субъективны, эмоционально окрашены. Авторы писем и воспоминаний, в том числе – родственники о. Евгения, могут предлагать разные оценки событий. Прибавим к сему почтенный возраст, в котором дети о. Евгения делились с автором статьи своими размышлениями.

Вполне возможно, что какие-то детали в силу этого были сообщены не точно. Тем не менее, историк не может игнорировать никакой из имеющихся в его распоряжении источников.

Старшая дочь Зоя Евгеньевна Питерс вспоминала: «...Из Смоленска осенью 43-го года мы попали в Латвию в Двинск. Где папа служил настоятелем. Жизнь в Латвии была легче. За деньги по карточкам можно было покупать положенные продукты. На базаре можно было купить рыбу, кроликов и даже иногда молоко. В мае 44 года мы покинули Двинск. Прожили в Риге месяц в женском монастыре и в июне поехали на работу в Баварию в Кемптен...».⁸

Средняя дочь Ирина Евгеньевна Захарова так видела эти события: «...До осени [1943 г.] папа служил в храме Гурия, Саммона и Авива, и при первой возможности [мы] двинулись дальше на запад, доехав до Вильно в товарных вагонах... В Вильно папа встретился с митрополитом Сергием, назначенным советами после «освобождения» прибалтийских стран в 1940 г. Вот папа и получил назначение в Двинск... После Двинска мы пробыли в Риге около месяца и последним поездом в июле [1944 г.], в день покушения на Гитлера, прибыли в Германию».⁹ В другом письме И.Е. Захарова повторяет данную информацию: «В Двинске основались на некоторое время, приехав из Вильно, где были очень коротко, и папа там не служил. А в Двинске служил, не помню имя церкви. Бежали мы в Ригу, где остановились при монастыре, очень коротко, и из Риги на работу поехали последним поездом в Кемптен».¹⁰ Значит, перед Даугавпилсом семья протоиерея была ещё и в Вильнюсе.

Из писем И.Е. Захаровой следует, что о. Евгений получил назначение на приход в Двинске от митрополита Сергия (Воскресенского), Патриаршего Экзарха в Прибал-

тике. Заметим, что И.Е. Захарова вслед за З. Е. Питерс указывает на факт проживания о. Евгения с семьей в Рижском женском монастыре, но добавляет об остановке в литовском Вильнюсе. Логичней предположить, что вначале о. Евгений действительно приехал с семейством в Вильню и там получил назначение от митрополита Виленского и Литовского Сергия (Воскресенского) на приход в Двинске.

Большой интерес представляют и письма младшей дочери Нины Евгеньевны Лызловой-Корен. В одном из них мы читаем: «Когда немцы пришли во Ржев, папа сразу же начал священствовать. Мы переехали в деревню Клешнево, рядом со Ржевом, там папа открыл в соседнем селе Юшнево храм. Прослужил он в нём пару месяцев. Из-за приближения советских войск мы перебрались на родину родных... Затем служил в районе станции Издешково в селе Морозово... прослужил он восемь месяцев. Переехав в Смоленск – опять восемь месяцев... Переехав в Двинск – опять восемь».¹¹ Это интересное наблюдение. В Даугавпилсе о. Евгений служил 8 месяцев. Если это сообщение соединить с утверждением З. Е. Питерс, то получается, что о. Евгений служил в Двинске приблизительно с сентября или октября 1943 года до мая 1944 года. В другом письме Нина Евгеньевна пишет: «Когда мы приехали в Вильню, до того, как папу назначили в г. Двинск, папа служил в главном соборе в митре в присутствии владыки».¹² В кафедральном соборе Вильнюса? В присутствии, т.е., вероятно, в сослужении с владыкой Сергием (Воскресенским) Виленским и Литовским?

Таким образом, мы наблюдаем явное несовпадение фактов служения или не служения о. Евгения в Вильнюсе. Однако авторы воспоминаний едины в том, что протоиерей Евгений Лызлов служил в Двинске. И период служения занял примерно 8 месяцев.

Ещё один заслуживающий внимания и доверия документ – некролог о. Евгения Лызлова. Автор некролога – протоиерей Владимир Григорович, прошедший с о. Евгением лагерь Шляйсгайм. О. Владимир, смиренно подписавшийся «В. Григорович», упоминает служение о. Евгения в Латвии тогда, в 1982 году, когда это скрывать или «выпячивать» не было необходимости. В некрологе, опубликованном в газете «Новое Русское слово» сообщалось: «В конце Второй мировой войны, во время отступления немцев из СССР, он был принужден оставить свою родину и со всей семьей пробрался сначала в Латвию, где в г. Двинск продолжал свое служение Богу, а затем переехал в Германию, где пережил много неприятностей из-за работы советских репатриационных комиссий, работавших в лагерях ДиПи (в Кемптене и Фюссене)...».¹³

Последним из имевшихся в распоряжении автора источников о служении о. Евгения в Латвии следует назвать его собственное письмо. Письмо от 19 декабря 1950 года было адресовано архиепископу Восточно-американскому и Нью-Джерсийскому Виталию (Максименко).¹⁴ Около полутора лет о. Евгений проживал в США – после долгих гонений, беженского и полуголодного существования. В письме владыке Виталию он сообщал очень печальные факты настроений, возникших на приходе святого князя Владимира в Филадельфии. Разрастался конфликт представителей т.н. «старой» (послереволюционной) и «новой» (послевоенной) эмиграции. На фоне конфликта интересов, в котором было больше человеческого, чем существенного церковного, настоятель претерпел интриги и клевету группы прихожан против него лично. Конфликт достиг такой «точки бифуркации», что настоятель осмелился пожаловаться владыке Виталию даже на епархиального архиерея епископа Никона

(Рклицкого), который, по мнению о. Евгения, фактически занял сторону клеветников и не оказал помощи настоятелю. Оказавшись в сложной ситуации, о. Евгений искал и приводил различные аргументы в оправдание своей позиции и позиции тех прихожан («второй» волны), которые в своё время были с ним в лагерях ДиПи. Для темы нашей статьи интересен следующий фрагмент письма: «Ваше Высокопреосвященство! Всемилостивейший Отец и Архипастырь! ...Со мною вместе мои прихожане, которые знают меня еще с первых годов моего служения, которые прошли вместе со мной тяжелый путь испытаний и которые могут свидетельствовать о мне. В составе иерархов, находящихся на свободной земле, находятся два: Архиепископ Стефан Австрийский [епископ Стефан (Севбо) был правящим архиереем Смоленской епархии, где в годы немецкой оккупации служил о. Евгений – А. К.] и епископ Иоанн бывш. Рижский, которые могут свидетельствовать о мне».

Следовательно, о. Евгения лично знал епископ Иоанн (бывший Рижский), то есть проживавший в США епископ Иоанн (Гарклавс), который мог много положительно сказать об о. Евгении как о священнике. Откуда же владыка Иоанн (Гарклавс) мог хорошо знать протоиерея Евгения Лызлова? Они могли оказаться где-то вместе в период ДиПи. Однако данных об их совместном служении ни в Кем-

птене, ни в Фюссене, ни в Шляйсгайме у нас нет. Правда, епископ Иоанн (Гарклавс) с Тихвинской иконой Божией Матери регулярно посещали лагеря ДиПи в Баварии, о чём пишет латвийский исследователь А. В. Гаврилин.¹⁵ Но в книге А. В. Гаврилина нет вышеперечисленных лагерей ДиПи, где бы останавливался владыка Иоанн и одновременно служил о. Евгений. Остаётся предположить, что епископ Иоанн (Гарклавс) знал о. Евгения в период служения последнего в Двинске (Даугавпилсе), в храме Успения в период осени 1943 г. – весны 1944 г.

В заключение отметим, что обстоятельство служения о. Евгения в Латвии сыграло спасительную роль в его жизни. Во-первых, переезд о. Евгения в Латвию спас его и его «малую церковь» от неизбежных допросов советских компетентных органов в связи с тем, почему он служил при немецких оккупантах. Во-вторых, во время т.н. «выдачи» жителей лагеря ДиПи Кепмтен 12 августа 1945 г. документ о служении в Латвии (или упоминание о нём?¹⁶) спас о. Евгения и всю его семью от насильственной репатриации в СССР и гибели. В-третьих, о. Евгений намеренно изменил в анкете 1948 г. факты своей священнической биографии, поскольку считал, что на момент заполнения анкеты существовала реальная угроза повторения насильственной выдачи его самого и его семьи в СССР.

Summary

The article is devoted to doing research on the question of serving of archpriest Evgeniy Lyzlov in Daugavpils (Dvinsk) in 1943–1944. Father Evgeniy served in the Smolenskaya and Tverskaya dioceses of the Russian Orthodox Church in the period of the most hard atheist repressions on clergy (the 1920–1930s). The author does research the questionnaires that

archpriest filled while being in the Displaced Persons camp of Schleissheim and in Philadelphia, USA. Based on archives documents and epistolary materials the author confirms the fact of serving of father Evgeniy in Latvia, in the parish of the Dormition of the Most Holy Theotokos in Dvinsk. After the world War II when father Evgeniy and his family were in

danger of forced repatriation from Germany to USSR the fact of serving in Latvia played a saving role. Father Evgeniy intentionally

pointed at his serving in the Latvian diocese when there was a real threat of repatriation to the USSR.

Reference List

- 1 Kornilov A.A. Riza svetlaya. Zhizn' i sluzheniye protoiereya o. Evgeniya Lyzlova. Materialy k 50-letiyu osnovaniya khrama vo imya ikony Bozhiey Materi Vsekh Skorbyaschikh radost' v g. Philadelphiya, SSHA. N. Novgorod, 1998; Kornilov A.A. «Perepravimsya na tu storonu...». Deyatelnost' pravoslavnogo dukhovenstva v lagere peremeschennykh lyts Schleisheim(1945–1951 gg.). Monographiya. N. Novgorod – Munchen: FMO NNGU, Obitel' prep. Iyova Pochaevskogo v Munchene, 2011. S. 79–84.
- 2 Riza svetlaya. S.30–31.
- 3 AGE, F.2, Op.1, R.1, d.1. «Svyaschenniki A-Sch, 195–1949», ch.19 «Lichnoye delo protoiereya Evgeniya Lyzlova».
- 4 Archiyereiskiy Synod Russkoy Pravoslavnoi Tserkvi Zagranitse. Munchen 27 Donaustrasse 5, 24 sentyabrya/7 oktyabrya 1947 g. spravka // Tam zhe. .
- 5 AGE, F.2, Op.1, R.1, d.1. «Svyaschenniki A-Sch, 195–1949», ch.19 «Lichnoye delo protoiereya Evgeniya Lyzlova».
- 6 Venedikt (Alentov Vitaliy Aleksandrovich), arkhiepiskop / Dukhovenstvo Russkoy Pravoslavnoi Tserkvi v XX vyeke. Biographicheskaya baza dannykh I sobraniye materialov // Rezhim dostupa: <http://www.pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/person/58/> (data obrascheniya: 03.09.2018)
- 7 AGE, F. AD, Op.2, d.12/1, dok.1.
- 8 Pis'mo Z.E. Peters A. Kornilovu ot 19.10.2000.
- 9 Pis'mo I.E. Zakharovoy A. Kornilovu ot 26.03.2001.
- 10 Pis'mo I.E. Zakharovoy A. Kornilovu ot 30.09.1999.
- 11 Pis'mo N.E. Lyzlovoy-Koren A. Kornilovu ot 23.04.1999.
- 12 Pis'mo N.E. Lyzlovoy-Koren A. Kornilovu ot 01.06.1999.
- 13 V. Grigorovich. Pamyati o. Evgenya Lyzlova. Kserokopiya // Lichniy arkhiv Z. E. Peters.
- 14 Lichniy arkhiv N.E. Lyzlovoy-Koren.
- 15 Gavrilin A.V. Pod pokrovom Tikhvinskoy ikony. Arkhipastyrskiy put' Ioanna (Garklavs). SPb.: «Alaborg», Tikhvin: Izdatel'skaya sluzhba Tikhvinskogo monastirya, 2009. S. 260–275, 282, 290–292.
- 16 Intervju Kornilova A. s Z. E. Peters 06.11.1997. Falls Church, MD, USA.

Наталья Собина, Константин Обозный (Россия)
Natalya Sobina, Konstantin Oboznyi (Russia)

Миссионерская и просветительская деятельность протоиерея Кирилла Зайца в 1898–1933 гг.

Archpriest Kirill Zaits's missionary educational activity within 1898–1933

Стопятидесятилетию со дня рождения протопресвитера Кирилла Зайца посвящается

В статье предложены к рассмотрению миссионерские и просветительские грани служения протоиерея Кирилла Зайца. Основными материалами для этого обзора послужили труды отца Кирилла – беседы, статьи, проповеди. Особенно важно то, что сохраняя верность православной традиции и неизбежно пребывая в синодальной парадигме, миссионер Кирилл Зайц отказался от жёстких миссионерских приёмов и привлечения для внешнего успеха своих трудов государственных учреждений, которые по законам Российской империи до 1905 года должны были защищать интересы православного вероисповедания. Вместо этого отец Кирилл сделал ставку на диалог с представителями конкурирующих конфессий, внебогослужебное чтение Священного писания со своими прихожанами, миссионерские беседы и проповедь, в том числе изданную на страницах епархиальной прессы, развитие общей грамотности и культуры крестьян. Благо-

даря таким служителям церкви как отец Кирилл Зайц в России в начале XX века постепенно вырабатываются новые подходы к миссионерскому делу – от непримиримой конфронтации и контрмиссии к диалогу и направлению основных усилий на духовное укрепление и просвещение собственной паствы. Миссионерский опыт отца Кирилла, выработанный в конце константиновской эпохи до 1917 года, имел своё развитие в независимой Латвии в 1920–30-е гг. и принёс весьма ощутимые духовные плоды на оккупированной немцами территории Ленинградской епархии в период его руководства Псковской Православной Миссией в 1941–44 гг.

Миссионерская деятельность православной церкви в Российской империи на рубеже XIX–XX веков находилась в кризисном состоянии, которое выражалось не только в том, что методы и подходы в этом церковном служении безнадежно устарели и не приносили желаемых результатов. Го-

Протоиерей Кирилл Зайц, 1923

раздо важнее было то, что упадок миссии приводил к оттоку православных граждан в иные конфессии, к нарастанию формализации и маловерия в самых широких кругах народа, что вскоре неизбежно привело к увлечению грамотной части православных христиан идеями материализма и социализма. Не исключение в этой неутешительной картине Полоцко-Витебская епархия, большая часть населения которой не была православной. Самых ревностных активных членов Церкви это положение не оставляло равнодушными. Среди таких был протоиерей Кирилл Зайц – выдающийся для своего времени миссионер, просветитель, проповедник и защитник православной веры.

Свою священническую деятельность о. Кирилл Зайц (1869–1948) начал в конце XIX века в Полоцко-Витебской епархии, в которую входили территории Витебской губернии (современные области России, Белоруссии и Латвии). В 1891 г. он окончил Рижскую Духовную семинарию. 6 мая 1896 г. был рукоположен в священника епи-

скопом Полоцким и Витебским Александром (Заккисом)ⁱ.

С 1898 г. о. Кирилл служил в качестве настоятеля в Эржепольской (Виляжской) Свято-Покровской церкви, где и раскрылся его талант миссионера и просветителя. В 1900-е гг. он принимал активное участие в деятельности Витебского комитета Епархиального Православного миссионерского общества. В это же время отец Кирилл закончил высшие миссионерские курсы в Санкт-Петербурге. В 1902 г. учредил Эржепольское Свято-Покровское православное братство для поддержки женской школы и распространения грамотности среди местных крестьян. В 1911 г. был назначен противокатолическим и противосектантским миссионером епархии. В предреволюционные годы преподавал Закон Божий в Полоцком женском Духовном училище. На епархиальном съезде в Витебске отец Кирилл был избран делегатом Московского Поместного Собора 1917–18 гг. и принял деятельное участие в работе соборного отдела о богослужении, проповедничестве и храме. С 1923 г., после переезда в Латвию, стал членом Синода Латвийской Православной церкви, затем был избран начальником миссионерского отдела при Синоде, был редактором журнала «Вера и жизнь», а также являлся другом и духовным попечителем кружков Русского Православного

ⁱ Епископ Александр (Заккис) в миру Андрей Георгиевич Закис (1834–1899) – первый православный епископ латышской национальности. В 1859 г. окончил Рижскую духовную семинарию, в 1865 г. Киевскую духовную академию, где принял постриг. В 1865–1871 гг. служил преподавателем, а затем инспектором в Рижской духовной семинарии. В 1871–1883 гг. служил ректором Могилевской духовной семинарии. В 1883 хиротонисан в сан викарного епископа Острожского Волынской епархии. После этого служил в Архангельской и Холмогорской епархии. С 1893 г. и до дня своей кончины стоял во главе Полоцко-Витебской епархии.

Студенческого Единенияⁱⁱ в Риге. С 1929 по 1933 г. о. Кирилл был настоятелем Рижского кафедрального собора. В 1933 году, после необоснованных обвинений в расхищении денежных средств Рижского кафедрального собора, отец Кирилл был отстранён от всех своих должностных обязанностей и запрещён в служении, однако впоследствии был вынесен оправдательный приговор и протоиерей Кирилл был восстановлен в служении.

В 1941–1944 годах о. Кирилл по благословению экзарха Сергия (Воскресенского) назначается начальником Псковской Православной Миссии, много потрудившейся в делах церковного возрождения в прифронтовых областях России, временно занятых немецкими войсками. Репрессии советских органов в отношении членов Псковской Миссии и её руководителя отца Кирилла в 1944–45 гг. также являются свидетельством того, что миссионерские труды принесли плоды и были по достоинству оценены советской властью, для которой возрождение церковной жизни и евангелизация русского народа было особо тяжким «контрреволюционным» преступлением. Жизненный путь протопресвитера Кирилла Зайца завершился 28 октября 1948 года в ИТЛ пос. Долинка (КАРЛАГ).

Основными источниками для написания этой работы послужили сохранившиеся труды о. Кирилла Зайца: отчёты о миссионерской деятельности, переписка со священниками и мирянами, очерки, публикации в периодических изданиях, проповеди и речи, а также отзывы современников. Основным историческим источником Полоцкого-Витебского периода служения о. Кирилла являются «Полоцкие епархиальные ведомости», а в период служе-

ⁱⁱ Православная молодежная самоуправляемая организация в Латвии в 1920–30-е гг., входившая в состав Русского Студенческого Христианского Движения (РСХД).

Протоиерей Кирилл
Зайц. Начало 1930-х гг.

ния в Латвии – журнал «Вера и жизнь» и документы из фондов Латвийского государственного исторического архива. Опираясь на эти материалы, предпримем попытку показать основные направления миссионерской деятельности и выделить новые методы в просвещении паствы, использованные отцом Кириллом на рубеже веков в Полоцко-Витебской епархии Российской империи и в 1920–30-е гг. в Латвийской Республике.

Диалог с инославными как вид МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Отец Кирилл начинал священническое служение в Полоцко-Витебской епархии Витебской губернии Люцинского уезда, отличавшейся национально-культурным и конфессиональным многообразием. Согласно всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. население Люцинского уезда составляли великорусы с малоруссами и белоруссами – 35490 человек, латыши – 82305, евреи – 6251, поляки – 2788, немцы – 311, литовцы – 251, остальные – 359. Таким образом, латыши в Люцинском уезде превышали 50% об-

щего числа населения. Основная часть населения – крестьяне. По вероисповеданию было следующее соотношение: 81302 – католики, 25157 – православные, 12301 – протестанты, 3125 – старообрядцы, 6255 – иудеи. Как видно, православные по сравнению с католиками были меньшинством. В этой части губернии преобладало женское население, по всей вероятности, в связи с тем, что многие мужчины уезжали на заработки в крупные города Российской империи. Важно отметить, что распространение грамотности среди мужчин шло быстрее, чем среди женщин. В целом, показатель грамотности был невелик. Например, среди грамотных лиц, получивших образование выше начального, было 12196 человек, что составляло 3,45% от общего числа грамотных и 0,85% от всего населения губернии.

Большой процент местного населения состоял из униатов, насильно присоединённых к православию решением Полоцкого церковного собора в 1839 г.ⁱⁱⁱ Как писал Г. Я. Киприанович^{iv}, «дело воссое-

ⁱⁱⁱ Полоцкий собор 1839 года – собор западно-русского духовенства униатских Белорусской и Литовской епархий в Российской империи, состоявшийся в Полоцке в феврале 1839 года. Основным инициатором воссоединения стал униатский епископ Иосиф (Семашко), ещё в ноябре 1827 года представивший русскому правительству записку «О положении в России Униатской Церкви и средствах возвратить оную на лоно Церкви Православной», в которой содержался проект упразднения унии. Собор провозгласил отмену решений Брестского собора 1596 года (Брестская уния). Собор принял «Соборный Акт» с прошением к Святейшему Синоду и к императору Всероссийскому принять их в лоно Православной Церкви. 13 марта Святейший Синод вынес решение: «Епископов, духовенство и верующих греко-католической Церкви объединить с Православной Церковью Всероссийской»; 25 марта решение было одобрено императором Николаем I.

^{iv} Киприанович Григорий Яковлевич (1846–1915) – церковный историк и публицист. Родился в

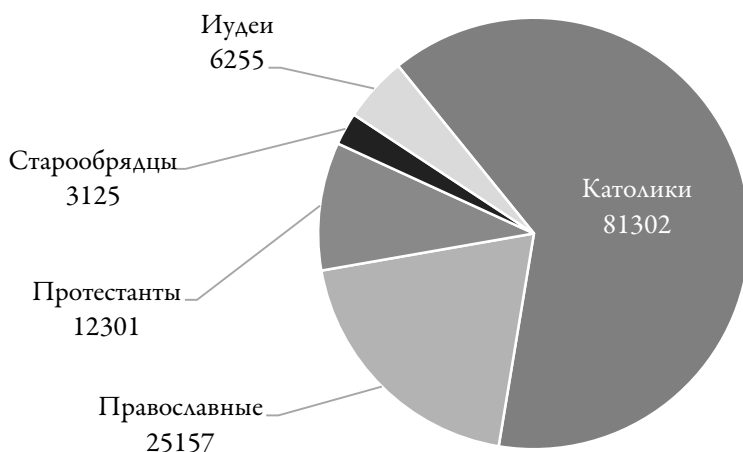
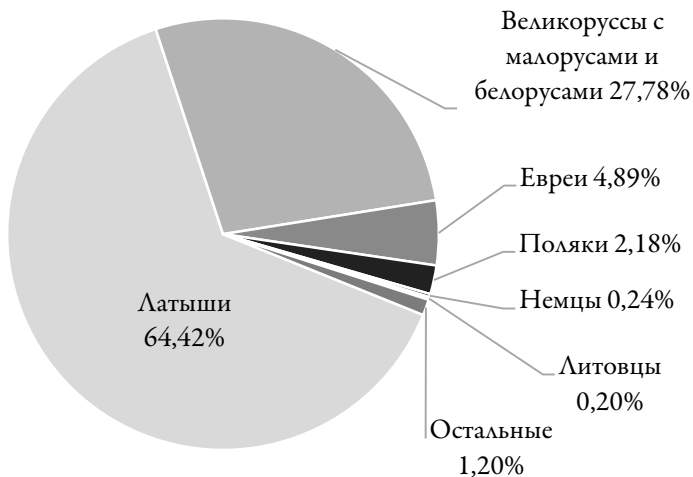
динения совершилось, но далеко еще не завершилось в 1839 году».¹ Действительно, среди местного населения из бывших униатов было очень много формально принадлежавших православной церкви, поскольку их переход осуществился без должной катехизической подготовки. Будучи записанными в православие, они нередко посещали богослужения в костелах, исповедовались у ксендзов.

Такая практика после 1839 г. имела разные причины: зависимость крестьян от помещиков, которые были католиками, активная миссионерская деятельность католиков, строительство католических храмов в отличие от православных, тайное научение основам католической веры и польскому языку, установление властями местнотимых католических праздников. Одной из причин того, что православные посещают католические храмы, епископ Савва (Тихомиров)^v считал непросвещённость паствы. «Простой народ Полоцкой епархии, – писал он в отчёте за 1870 г., – при своей необразованности не имеет ясного понятия и различия между православием и католицизмом, и потому он в праздничные дни безразлично посещает как православный храм, так и латинский

Виленской губернии. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподавал в Самарской и Виленской духовных семинариях. В конце жизни был директором в Двинском коммерческом училище. Известен своими научными трудами по истории унии и католицизма в Белоруссии.

^v Епископ Савва (Тихомиров) (1819–1896) родился в бедной семье, рано осиротел. Окончил Владимирскую духовную семинарию, после чего в 1842 году был рукоположен в пресвитера. В 1846 году окончил учебу в МДА, а в 1848 году принял монашеский постриг. В 1855 году поставлен в сан архимандрита, в 1859 году назначен ректором МДС, а в 1861 году ректором МДА. В 1866 году поставлен на Полоцко-Витебскую кафедру, в 1874 году на Харьковскую, а с 1879 года до своей кончины был во главе Тверской епархии.

Диаграммы статистических данных населения Люцинского уезда Витебской губернии по национальной и конфессиональной принадлежности^{vi}

^{vi} Составлены на основании всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.

костел. Даже последний иногда скорее, нежели первый. Привлекает внимание простолюдина то красивая и величественная архитектура, то игра на органе, то мнимая святыня, без которой не обходится почти ни один костел».²

В 1860-е гг. происходил массовый переход крестьян Западного края из католичества в православие. Свящ. Кирилл Зайц

писал о том, что за массовостью и поспешностью не было серьезной укоренённости в вере и тогда «многие присоединились не вполне подготовленными, пошли за другими».³ Такому переходу способствовало распространение слухов о том, что императорская власть лояльна именно к православным крестьянам. К примеру, за 2–3 дня в соседнем округе Боловск, Мариенгаузен

и Липно в православие перешло около 1500 крестьян. Однако ситуация изменилась в начале XX века. Этому не в последнюю очередь способствовал принятый 17 апреля 1905 г. Манифест о свободе вероисповедания, который открыл возможности для миссии других христианских конфессий. С изменением законодательства в сторону большей свободы гражданских прав религиозного культа возросло давление со стороны католических служителей и проповедников иных вероисповеданий. Распространялись слухи о том, что царский указ был создан «согласно желанию наместника Божьего на земле Папы Римского»⁴ и призывал переходить всем в католичество. А поскольку православные христиане были в меньшинстве, о. Кириллу приходилось на это реагировать, ориентируясь на особенности местного населения, выстраивать свою деятельность, которая была в большой степени связана с внутрицерковной миссией (направленной на духовную защиту чад православной церкви), диалогом с католиками и представителями других конфессий, с апологией православия, а также с укоренением в вере православной паствы.

Служение Кирилла Зайца начиналось в довольно трудных условиях кризиса православия в Российской империи, и в её западных губерниях в частности. В Люцинском уезде, на приходах которого ему пришлось потрудиться, православных жителей было меньшинство. Поскольку между назначением о. Кирилла в качестве настоятеля Эржепольского прихода и уходом его предшественника была некоторая пауза, местный ксендз, воспользовавшись этой ситуацией, распространял слухи о том, что император издал закон, разрешающий всем, ранее перешедшим из католичества в православие, вернуться к вероисповеданию своих отцов. Поскольку приход почти полностью состоял из латышей, перешедших в 1860-е

гг. из католической в православную церковь, проповедь ксендза имела серьёзный успех. Многие крестьяне прихода, услышав уверения ксендза в том, что «новый священник не будет назначен, а церковь останется без священника, – таков уж теперь от Царя закон вышел»⁵, снова перешли в католичество. После приезда о. Кирилла в Эржеполь некоторые прихожане вернулись в православие, другие же боялись возвращаться из-за ксендза, т.к. были с ним «связаны страшными клятвами».⁶

В этой непростой исторически сложившейся ситуации о. Кирилл проявил свою заботу о православной пастве и много сил приложил в деле миссии среди католиков и колеблющихся православных. Регулярно объезжал деревни, приписанные его приходу, чтобы проводить собеседования с уклонившимися в католичество. Воспоминания о таких беседах о. Кирилл оставил в своих заметках. По его свидетельству, везде, где были массовые переходы в католичество, большая часть уклонившихся сожалела о своём решении.

Отец Кирилл задавался вопросом, почему перешедшие в католичество всё же не решаются вернуться в православие? Анализ отчёта Двинского миссионерского пастырского съезда, в котором участвовал о. Кирилл Зайц в 1908 г., показал, что главными формами и средствами католической пропаганды отмечались «не проповедь учения»⁷, а внешнее давление на почве общественной, семейной и экономической зависимости православных от католиков. Нередко ксендзы налагали епитимьи на католиков, в семье которых есть православные, до тех пор, пока они не обратят их в католичество. Зачастую этот переход был обусловлен экономической зависимостью православных крестьян от католических землевладельцев; играли определённую роль браки – католические ксендзы не разрешали вступать в брак с лицами не като-

лического вероисповедания; и народное образование – польские школы, где учили грамоте и польским молитвам. Не стоит сбрасывать со счетов и психологические причины, имевшие особое значение в вопросах вероисповедания. Торжественные богослужения в костелах, величественный вид и богатые украшения католических храмов не могли не привлекать малограмотных крестьян.

Как видно из материалов Полоцких епархиальных ведомостей, свящ. Кирилл Зайц особенно выделял ещё одну причину, препятствующую возврату уклонившихся в «латинство» – крестьянину было крайне сложно разобраться в вопросе «где же на самом деле истина?». ⁸ Отец Кирилл свидетельствует, что ему в разговорах с крестьянами-католиками о возврате в православие не раз приходилось слышать фразу, которая была внушена католическими девотками-законницами^{vii}: «лучше тысячу смертей принять, чем католическую веру оставить».⁹

Эта фраза была взята из «святой книжки», которая представляла собой сборник молитв, цитат, поучений о католической вере. Чтобы ослабить действие католических миссионеров, во время поездок по деревням о. Кириллу приходилось обращаться к разъяснению основ православной веры в проповедях и беседах. Он раскрывал неоднозначность «святой книжки», проводя с уклонившимися беседы и беря с собой, как он пишет, «действительно,

^{vii} Девотками называли помощниц католических ксендзов. Они занимались миссионерской и прозелитической деятельностью, научали основам католической веры и молитвам. Играли огромную роль в привлечении в католичество православных, часто применяли меры запугивания, пользуясь необразованностью крестьян. Как писал о. Кирилл Зайц, девотки знали в основном лишь только содержание своей молитвенной книжки, и потому привносили в народ немало суеверий и предрассудков.

«святую книгу»»¹⁰, – Библию на русском и латышском языках.

Подобные миссионерские беседы отец Кирилл проводил следующим образом:

1) Сначала он служил какой-либо молебн, после которого беседовал с собравшимися о житейских вопросах, о насущных нуждах людей.

2) Затем он просил принести ему католическую книжечку, которая была практически в каждом доме. Её всегда охотно ему приносили. После чего он садился за стол и собирал вокруг себя всех, кто находился в доме. Перелистывая молитвослов, он рассказывал, что в ней содержится – молитвы и рассказы из жизни Иисуса Христа, поучения и поговорки.

3) Отец Кирилл раскрывал положительное значение молитв, приведённых в католическом молитвослове, и акцентировал внимание на том, что подобные молитвы используются и в православной церкви. Приведенные рассказы, поучения и поговорки рекомендовал заменить на чтение Евангелия и Посланий св. апостолов.

4) Отец Кирилл открывал выбранный отрывок из Евангелия и Посланий, предварительно пояснив, кто такие апостолы и какое служение было у них на земле. Надо заметить, что в то время у католиков было запрещено самостоятельное чтение мирянами Священного Писания. Ксендз внушал, что «Библию читать нельзя, от чтения Библии человек помешается и во время чтения чертей наберется полный дом».¹¹ В связи с этими предрассудками о. Кирилл особое значение уделял совместному чтению Священного Писания по домам крестьян. Он медленно прочитывал тексты, разъяснял прочитанное и просил поделиться своим мнением собравшихся слушателей, таким образом, приглашая крестьян самим высказывать свои суждения. Конечно, на крестьян, которые зачастую испытывали зависимость от помещика и

властей, производило особое впечатление то, что они теперь могли сами размышлять на евангельские темы и принимать активное участие в духовной беседе.

5) Далее о. Кирилл сравнивал прочитанное в Писании с рассказами и поучениями из католического молитвослова, обращая внимание на подмену и искажение смыслов.

Отец Кирилл отмечал: «при этом видно, что даже неграмотные слушатели чувствуют, что они принимали деятельное участие в изъяснении затруднительных вопросов. После часовой или двухчасовой подробной беседы уклонившиеся уходили, понунив головы, задумавшись».¹² При таких беседах присутствовали православные христиане, как часто бывало в смешанных семьях, они расходились с радостными лицами, укрепляясь в выборе православной веры.

Свящ. Кирилл Зайц свидетельствует, что после таких бесед некоторые из уклонившихся в католичество обращались к нему с вопросом, что им делать, чтобы возвратиться в лоно православной церкви. Так, согласно метрическим книгам Эржепольского прихода, в 1898 г. перешедших в православие не было, в 1900 г. перешли в православие 2 мужчин и – 2 женщины¹³; в 1902 г. 2 женщины¹⁴; в 1904 г. одна женщина из лютеран, 2 мужчин из католиков¹⁵; в 1905 г. одна женщина из католиков¹⁶; в 1906 г. 2 мужчин и одна женщина из лютеран¹⁷. Число прихожан Свято-Покровского храма в Виялке в 1908 г. составляло – 1291 чел., в 1938 г. – 1670 чел. Из клировых ведомостей, как пишет С.П. Сахаров^{viii}, известно, что по

национальной принадлежности прихожане составляли 80% латышей и 20% русских (переселенцев из Псковской губернии).¹⁸

По итогам своих миссионерских поездок по приходам о. Кирилл остро чувствовал нужду в просвещённых грамотных православных прихожанах, которые могли бы сами проводить беседы с населением, разъясняя Библейские тексты. Он считал, что человек не из клира, а из народа мог бы иметь большее влияние на слушающих католиков. Миссионер Кирилл Зайц на опыте знал, как неохотно католики вступали в беседу с православными священниками. «Это – народ запуганный, забитый; каждому католику кажется, что за плечами у него стоит в угрожающей позе ксендз, готовый за каждую вольную мысль ввергнуть его в самое жаркое место чистилищного огня».¹⁹ По мнению о. Кирилла, необходим «вполне грамотный, да при том ревностный к миссионерскому делу человек из их же среды! Он мог бы принести неоценимые услуги миссии среди католиков, но, к сожалению, таких самородков-миссионеров мало».²⁰

Известны также примеры общения о. Кирилла с представителями адвентистских, баптистских общин и субботников, деятельность которых получила широкое распространение после выхода манифеста 1905 г.^{ix} Беседы о. Кирилла с представителя-

местной гимназии. С 1921 года работал в министерстве образования Латвийской Республики. Активно сотрудничал с журналом «Вера и жизнь». Автор нескольких книг по церковной истории. Самая известная – «Православные церкви в Латгалии. Статистическое описание». Рига, 1939 г. В июле 1945 года арестован и осужден на 5 лет ИТЛ по ст. 58–1а

^{viii} Сахаров Сергей Петрович (1880–1954) родился в Полоцке в семье псаломщика. Окончил Витебскую духовную семинарию и Юрьевский университет. Учителем, занимался церковным краеведением. С 1913 года инспектор народных училищ Юрьевского района. В 1917 году с семьёй переехал в Лудзу преподавал и был директором

^{ix} 17 апреля 1905 года в день Светлой Пасхи Христовой в Российской империи был издан указ императора «Об укреплении начал веротерпимости», в котором предоставлялось право беспрепятственно исповедовать и проповедовать любую религию, в том числе христианство

ми других конфессий носили, как правило, апологетический характер.

Часто такого рода беседы проходили не только с представителями этих духовных движений, но и в присутствии православных христиан. Тем для бесед в защиту православной церкви было достаточно. Для каждой конфессии они, как правило, были вполне определёнными. Например, с представителями движения субботников основные темы полемики были связаны с почитанием субботы. В беседе с баптистами о. Кириллу приходилось отстаивать почитание православными икон. Неоднократно он показывал, что адвентисты и баптисты не признают многие таинства, не молятся святым и препятствуют молиться об умерших. Кирилл Зайц акцентировал внимание представителей разных религиозных движений на том, что вера, к которой они призывают православных, у них уже есть. При этом кроме искренней веры необходимо иметь общение с Церковью, не оставлять Предания, которым живут православные христиане и которым изначально руководствовались св. апостолы. «Имейте же мужество, – обращается о. Кирилл к представителям разных религиозных движений, – сознаться в своем заблуждении и возлюбите наравне с Священным Писанием и Священное Предание, тогда только вам откроется истина Господня во всей полноте».²¹

Очень часто о. Кирилла приглашали в различные уголки епархии для проведения миссионерских бесед в присутствии членов православного прихода и представителей различных религиозных направлений. Он задавал вопросы и полемизировал с оппонентами, при этом терпеливо разъясняя Св. Писание и православное учение. Такие беседы проходили спокойно, он всегда

верность старому обряду. Переход из одной конфессии в другую, в том числе выход из православия, не подлежал уголовному преследованию

внимательно выслушивал другую сторону и мирно разъяснял православную точку зрения. Подобные беседы помимо защиты православия от нападок иноверных были направлены и на укрепление православных в собственной вере, на поддержание колеблющихся прихожан. Вот как пишет свящ. Григорий Дрибинцев^x об успехе такой беседы на его приходе: «Посещение о. К. Зайца Якубинского прихода, богослужение в храме, церковная проповедь и беседа с адвентистами, на которой для многих раскрылась ложь сектантства и крайнее убожество идеологии этих иудействующих христиан, – имели большое значение в жизни этого прихода и принесли немалую пользу православной церкви в Двинском уезде, населенном иноверцами и старообрядцами, среди которых православные составляют меньшинство».²²

Весьма примечательно, что в 1956 году (уже после смерти прот. Кирилла Зайца) в Соединённых Штатах Америки Русская Православная Церковь за границей издала его книгу «Церковь Бога Живаго, столп и утверждение истины: Собеседование с баптистами». В этой книге изложена суть православного вероучения и чётко отражено то, в чём Православие является более истинной и подлинно апостольской Церковью по сравнению с протестантскими общинами.

Широкое освещение вопросов, связанных с учениями баптистских и адвентистских общин, получило в публикациях ежемесячного журнала «Вера и жизнь», редактором которого о. Кирилл был 1923 г. по 1933 гг. В издании журнала он видел острую духовную необходимость. Важно отметить, что последние два года, о. Кирилл осуществ-

^x Прот. Григорий Дрибинцев в 1918–1939 гг. служил настоятелем Якубинской Свято-Покровской единоверческой церкви Двинского уезда, с 1922 г. состоял благочинным единоверческих церквей Латгалии.

Рижское духовенство
с молодыми людьми
после конфирмации.
Третий справа –
протоиерей
Кирилл Зайц

влял издание журнала сугубо на собственные средства, оставшись без материальной поддержки Латвийского Синода.²³

Миссионерские заметки и проповеди о. Кирилла, опубликованные в журнале, имели бесценное значение для укрепления православия в обществе, заражённом идеями материализма, социализма и безбожия. В это время было непросто найти специальное руководство или пособие для решения миссионерских вопросов, особенно в сельских приходах, а между тем вопросы миссии из-за развивающегося сектантства и левых политических идей обострились до предела. На страницах журнала редактор-миссионер писал об отношении православия к инославию и иноверию принципиально, но трезвенно, не впадая в идеологические крайности: «Кто осмелится сказать, что все не принадлежащие к тому или иному исповеданию погибнут? Мы ставим вопрос иначе: сохранится ли неповрежденным учение Христа».²⁴

Помимо издательской деятельности в направлении работы с представителями иноверцев, о. Кирилл проводил миссионерские курсы в Вильно и в Риге для духовенства и мирян по изложению основ православного вероисповедания, обличению

уклонений в католичество и о сектантских лжеучениях. В Рижской духовной семинарии в межвоенный период протоиерей Кирилл Зайц читал курсы по сектоведению, литургике и практическому богословию.

Необходимо отметить, что в Русской православной церкви собеседования с иноверцами как форма внутренней миссии были широко распространены. Кто-то из миссионеров ставил целью таких собеседований только обличение иноверцев и сектантов и борьбу со лжеучениями, другие же стремились утвердить в верующих христианский дух. После выхода в 1905 г. закона о веротерпимости перед миссионерами вставал вопрос, нужны ли публичные миссионерские беседы, если они не способствуют возвращению людей в церковь. Согласно журналу «Миссионерское обозрение»^{xi}, который был официальным изданием внутренней синодальной миссии, одни священники считали беседы не приносящими

^{xi} Учреждён в 1896 году по решению 2-го Всероссийского миссионерского съезда. Первоначально издавался в Киеве, затем в Санкт-Петербурге. С 1905 года журнал являлся официальным изданием синодальной внутренней миссии, созданной в первой половине XIX века для борьбы со старообрядческим расколом и сектантством. Редактор В. М. Скворцов.

плода в деле миссии и просвещения, другие священники считали, что через такие формы проповеди есть возможность научения людей вере.²⁵ Например, в том же журнале миссионер-священник Савва Потехин^{xii} писал, что собеседования с инославными в присутствии христиан – это «катехизация православного народа наряду с апологией православия. Они воссоздают в церковной жизни настоящего времени ту катехизическую школу древних времен христианства, которая была средством просвещения не только христиан, но и светочем христианства среди еретиков и язычников. Беседа с сектантами должна послужить просвещению инославных».²⁶ Этот взгляд разделял и о. Кирилл, потому он продолжал лично проводить беседы и издавать материалы проведённых бесед в журнале «Вера и жизнь» уже после 1905 г. вплоть до 30-х годов XX в.

Итак, изучение трудов и практики свящ. Кирилла Зайца показало, что основными подходами в методологии миссии с учётом особенностей веры местного населения были его миссионерские поездки и беседы, где он, разбирая католические молитвословы, обращал людей к Св. Писанию, считая это наиболее важным, поскольку читать Библию католикам-крестьянам местными ксендзами было запрещено. В беседах о. Кирилл привлекал слушающих к размышлению и действительному участию в обсуждении вопросов веры, показывал связь веры и жизни.

Несмотря на то, что количество присоединившихся к православию было небольшим (с 1900 по 1906 гг. благодаря усилиям о. Кирилла в православную веру перешли и присоединились к Свято-Покровскому приходу в Виляке 13 человек), успех миссионерской деятельности о. Кирилла был

^{xii} Епархиальный миссионер Киевской губернии в предреволюционные годы. После 1917 года убит большевиками

связан с тем прочным духовным основанием, которое он заложил для будущих служителей и проповедников в Латвийский период.

ПРАВОСЛАВНОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ И ЦЕРКОВНАЯ ПРОПОВЕДЬ КАК ФОРМА МИССИИ

Во время обучения Кирилла Ивановича Зайца в Рижской духовной семинарии с 1885 по 1891 гг. особый акцент в программе делался на изучении различных языков, древних и современных, а также на преподавании литургики. Профессорско-преподавательский состав – прот. Николай Дмитриевский^{xiii}, прот. Николай Лейсман^{xiv} прот. Василий Князев^{xv}, свящ. Илья Левит-

^{xiii} Дмитриевский Николай Иванович, прот. (1839–1893). Окончил Рязанскую духовную семинарию и Московскую духовную академию. Профессор Литовской семинарии по педагогике, преподавал психологию и философию. В 1877 г. определён ректором Минской духовной семинарии, с 1883 г. указом Синода перемещён на должность ректора Рижской духовной семинарии. В этот период преподавал литургику.

^{xiv} Епископ Николай (Лейсман Николай Андреевич) (1862–1947). Родился в семье школьного учителя в Лифляндской губернии. Окончил Рижское духовное училище, Рижскую духовную семинарию, в 1887 Санкт-Петербургскую духовную академию. В 1896 году перемещён к Рижскому кафедральному собору, был правой рукой епископа Рижского и Митавского Агафангела (Преображенского). В этот период был членом педагогического совета Рижской духовной семинарии. В 1933 году в Таллинне хиротонисан во епископа. В 1933 году образовал при Свято-Успенском монастыре в Печерах духовную семинарию и был её ректором до советизации Эстонии.

^{xv} Князев Василий Сергеевич (1817–1903), протоиерей, родился в семье диакона Псковской епархии. После окончания Псковской духовной семинарии был направлен на учебу в Санкт-Петербургскую духовную академию, которую окончил в 1843 году. После этого преподавал в Псковской духовной семинарии церковно-библейскую

ский^{xvi}, Ф. Я. Киприанович^{xvii}, П. А. Мец^{xviii}, П. К. Дав^{xix} и др. – заботились о том, чтобы будущие священники помогли своей пастве войти в дух и смысл православного богослужения, чтобы богослужение переводилось и совершалось на местных языках (латышском и эстонском), слово проповеди регулярно звучало в церковном собрании, а народ участвовал в общем пении.

В семинарии в 1874 г. епископом Рижским Вениамином (Карелиным)^{xx} была создана специальная комиссия по переводу и изданию богослужебных книг на латышском и эстонских языках. В комис-

истию, каноническое право и церковную археологию. В 1852 году перемещён в Ригу для служения в кафедральном соборе. С 1877 г. член правления Рижской духовной семинарии, цензор епархиальных ведомостей. Был удостоен многих государственных и церковных наград.

^{xvi} Левитский Илья, священник, до 1915 года служил преподавателем в Рижской духовной семинарии.

^{xvii} Киприанович Федор Яковлевич окончил в 1877 году Киевскую духовную академию. Краткий период преподавал греческий язык в Волынской духовной семинарии. С 1878 г. в Рижской духовной семинарии преподавал греческий язык, с 1879 г. историю. До конца XIX века служил в Рижской духовной семинарии. Специалист в области всеобщей и русской истории.

^{xviii} Мец Петр Антонович родился в эстонской крестьянской семье, воспитанник Рижской духовной семинарии, в 1897 году окончил Санкт-Петербургскую духовную академию. После этого 30 лет преподавал в Рижской духовной семинарии библейскую историю, эстонский язык, историю русской церкви. Скончался в Риге 8.11.1902 года.

^{xix} Дав Павел Кириллович (1874–1947) в 1896 г. окончил Рижскую духовную семинарию, а в 1900 г. – Санкт-Петербургскую духовную академию, кандидат богословия. Исследовал историю местных православных церквей, составил историко-статистическое описание Рижской епархии. Преподавал в Рижской духовной семинарии латинский язык и заведовал библиотекой.

^{xx} Епископ Вениамин (Карелин Василий Матвеевич) (1822–1874). С 29.05.1866 года епископ Ревельский, с марта 1867 г. по 23.08.1874 года епископ Рижский и Митавский.

сии трудились в разные периоды её существования ректор семинарии протоиерей Михаил Дрекслер^{xxi}, инспектор иеромонах Александр (Заккис)^{xxii}, смотритель Рижского духовного училища Адриан Рупперт^{xxiii} и другие. Финансовое участие в издании богослужебных текстов брали на себя Рижская епархия и православные братства.

Особое внимание в Рижской семинарии уделялось преподаванию церковного пения. По инициативе епископа Филарета (Филаретова)^{xxiv} в 80-х годах XIX в. в семинарию приезжал преподавать Курлест К. М., выпускник Императорской придворной капеллы, регент Рижского Петро-Павловского кафедрального собора. Трудями епископа подготовлены талант-

^{xxi} Дрекслер Михаил Михайлович (1840–1885), протоиерей, окончил курсы Рижской духовной семинарии и Московской духовной академии со степенью кандидата богословия. С 1862 года служил в Рижской духовной семинарии. С 1870 года ректор Рижской духовной семинарии. В 1881 году перемещён ректором в Псковскую духовную семинарию.

^{xxii} Александр (Заккис Андрей Георгиевич) (1834–1899), епископ Полоцкий и Витебский. После пострига в монашество с 1865 по 1871 гг. служил в Рижской семинарии и преподавал несколько курсов – латышский язык, русскую грамматику, нравственное и обличительное богословие, гомилетику, каноническое право и всеобщую русскую историю.

^{xxiii} Рупперт Адриан Иванович (1837–1907) – статский советник, учитель. Окончил Рижское духовное училище, Рижскую духовную семинарию, Московскую духовную академию. В 1864 году получил степень кандидата богословия и начал преподавание в Рижской духовной семинарии курса русского языка и литературы. Смотритель и преподаватель Рижского духовного училища, цензор латышских изданий.

^{xxiv} Филарет (Филаретов Михаил Прокопьевич), епископ (1824–1882). Окончил Воронежскую духовную семинарию, Киевскую духовную академию. В 1851 году после завершения академического курса остался на преподавательской должности до 1877 г. В период с 1877 по 1882 гг. епископ Рижский и Митавский.

ливые регенты, которые создавали прекрасные хоры при сельских храмах. Среди преподавателей пения известен также А. А. Асет^{xxv}, который после окончания Рижской духовной семинарии стал директором эстонского отделения Рижского общества православного духовного пения, созданного в 1891 году. Инспектор Рижской Духовной семинарии И. И. Вознесенский^{xxvi} был знатоком знаменного распева, а его статья «О церковном пении православной греко-российской Церкви» положила начало дискуссии о состоянии православного духовного пения и его преподавании в учебных заведениях и приходских школах.

Именно такую традицию, заложенную в семинарии, о. Кирилл воспринял и пытался воплотить на месте своего служения, в Эржепольском приходе, а в дальнейшем, будучи преподавателем литургики в Рижской семинарии (1926–1933 гг.), передать своим студентам.

Витебская губерния, к моменту назначения в неё о. Кирилла, считалась одной из самых неблагополучных в хозяйственном и финансовом отношении губерний Российской империи. Такое положение

сказывалось и на местных жителях, и на священниках. Лишённые возможности прокормить свои семьи, члены причтов Полоцко-Витебской епархии в ущерб пастырским обязанностям искали дополнительные источники дохода. К тому же, не все священники имели качественное духовное образование. Поэтому приложение дополнительных усилий в устроении богослужения – обеспечение приходов богослужебными текстами, подготовка проповедей, изучение языка местного населения (не все священники были латышами) – далеко не всем пастырям было под силу. Как писал епископ Полоцкий и Витебский Никодим (Боков)^{xxvii}, идеальные порывы священников ослабевают в борьбе с окружающими обстоятельствами.²⁷

Между тем, недостаток внимания к вопросу богослужения в Люцинском благочинии приводил к тому, что православные крестьяне переходили в католичество. О. Кирилл решил изменить сложившуюся ситуацию, понимая, какую миссионерскую (просветительскую) силу может иметь православное богослужение. В своей статье «В чем сила католицизма и лютеранства»²⁸ он просит священнослужителей обратить внимание на вопрос языка богослужения, научить прихожан церковному пению. Для этого он создал хор из девочек и девушек

^{xxv} Асет А. А. – выпускник Рижской духовной семинарии. Преподаватель пения в РДС.

^{xxvi} Вознесенский Иоанн Иоаннович (1838–1910), протоиерей, педагог, знаток и исследователь церковного пения. Родился в Костромской губернии в семье дьячка, с детства пел в церковном хоре, обладал прекрасным голосом. В 1854 г. окончил Костромское духовное училище, в 1860 г. Костромскую духовную семинарию, в 1864 г. Московскую духовную академию. В 1864–1883 гг. преподавал в Костромской духовной семинарии греческий язык и церковное пение. В 1876 году написал программу курса по церковному пению для духовных семинарий. В 1883–1893 гг. инспектор Рижской духовной семинарии, кроме того преподавал Священное Писание и церковное пение, руководил хором семинаристов. В 1894 году рукоположен в священнический сан и с этого времени служил в Костромском кафедральном соборе.

^{xxvii} Никодим (Боков Николай Павлович) (1850–1914), епископ. Родился в семье священника в Тамбовской губернии. Окончил Тамбовскую духовную семинарию. В 1873 году рукоположен в священника. В 1884 г. начал служить в кафедральном соборе Казани. В 1891 году окончил курс Казанской духовной академии. С 1892 года инспектор Тульской духовной семинарии, в 1893 году назначен ректором Симбирской духовной семинарии. В 1895 году совершена хиротония во епископа Саранского, викария Вятской епархии. После этого сменил несколько кафедр. С 1911 по 1913 гг. епископ Полоцко-Витебской епархии. Почил епископом Астраханским и Енотавским.

Виляка (Эржеполь). Свято-Покровский храм. Начало XX века

прихода, особое внимание уделял месту проповеди в богослужении, чтобы через неё пробиться к сердцу прихожан.

Известно, что ещё до настоятельства о. Кирилла в Виляках служил миссионер-священник Алексей Попов, при котором в приходе проходили богослужения не только на церковнославянском, но и на латышском языке. Богослужение на латышском языке не было повсеместным явлением, не все священники уделяли внимание этому вопросу.

Отец Кирилл, задаваясь вопросом, в чём сила лютеранства и католицизма, притягивающая некрепких в вере православных и крепко держащая иноверцев в их исповедании, находил ответ – в устроении молитвы иноверцев. Он выделял преимущества в двух её направлениях: в храмовом и домашнем богослужении и отмечал, во-первых, деятельное участие иноверцев-мирян в храмовом богослужении, и, во-вторых, совершение ими домашней молитвы.

Свящ. Кирилл Зайц неоднократно указывал на то, что православное богослужение должно быть таким, чтобы в нём могли осознанно принимать участие не только служащие иереи, но и миряне, чтобы в этой совместной молитве были «едино сердце и единая душа».²⁹ Православные миссионеры нередко упрекали католиков в том, что учение о трёх литургических языках отстранило мирян от участия в богослужении. Однако, по наблюдениям отца Кирилла, на практике у католиков всё было иначе. В лютеранской кирхе, в католическом костеле молящиеся присутствовали на богослужении вполне сознательно, непосредственно участвовали в богослужении, благодаря имеющимся у них текстам литургических молитв. Во время богослужения миряне участвовали в пении духовных песней-гимнов; при этом каждое выражение, слово молитвы или гимна были им понятны, так как все молитвы, все гимны составлены на родном языке молящихся.

«Каждое выражение молитвы или гимна ложится на душу, вдохновляет, вызывает умиление; из своего молитвенного дома он выходит в восторженном настроении, вполне удовлетворенным, укрепленным в своем исповедании»³⁰, – писал о. Кирилл.

Он с сожалением признавал, что в православном богослужении чаще всего этого не было. Несмотря на глубокий смысл, возвышенность и трогательность молитв и песнопений, для православных молящихся храмовая молитва оставалась, по мнению о. Кирилла, непонятной и как бы чужой из-за церковнославянского языка.³¹ Отец Кирилл отмечал, что попытки вслушиваться в тексты молитв, чтобы уловить смысл, для православных оказываются тщетными из-за скорости чтения и непонятности слов и выражений молитвословий. Отец Кирилл был уверен, что, если спросить молящегося о смысле прочитанной молитвы или спетой стихиры, редко кто сможет дать отчётливый ответ. Такого рода ситуации возникали не только в латышских приходах, но и среди русских прихожан, которые так же не понимали смысла молитв и потому формально участвовали в богослужениях. Об этом о. Кирилл свидетельствовал, когда рассказывал о русских псковичах, которые часто приходили к нему на богослужение из соседней Псковской губернии. Он пишет: «Остаются понятными только отдельные выражения – «слава, Господи, святому воскресению Твоему», «слава Тебе, Боже наш, слава Тебе», «Пресвятая Богородице, спаси нас!» и пр., во время произношений которых молящиеся усиленно крестятся и делают поясные поклоны».³² В результате этого, отмечал о. Кирилл, молящиеся рассеиваются во внимании и ведут разговоры во время самых важных моментов богослужения. Ему самому не раз приходилось в таких ситуациях прерывать богослужение, чтобы просить прекратить разговоры. Однако он с жалостью относился к таким не-

сознательным христианам и настаивал на том, что винить в этом прихожан нельзя, так как они – верующие, жаждущие утешения и поддержки в церкви. С самых малых лет они привыкали к тому, что народ своё «участие в богослужении выражает лишь тем, что во время понятных ему слов и выражений крестится или делает земные поклоны»³³, а всё остальное остается многим прихожанам непонятным и чуждым.

Священник-миссионер Кирилл Зайц считал, что разрешение проблемы по устройению молитвы на понятном языке могло бы привлечь инославных в лоно православной церкви и укрепить православных в своей вере. Он отмечал, что непонятность богослужебного языка затрудняет запоминание молитв и песнопений, чего нельзя найти в лютеранстве и католичестве. Даже если католики и лютеране осознают неполноту своего исповедания, оставить свою веру они не могут, поскольку богослужение составляет неотъемлемую часть их жизни и приносит такое удовлетворение, какого он не может почерпнуть в богослужении православного храма. Следует отметить, что о. Кирилл в вопросах перевода богослужебного языка следовал позиции архиепископа Полоцкого и Витебского Александра (Заккиса), первого епископа – латыша по национальности, который рукоположил о. Кирилла во священника и поставил его на служении в Эржепольский приход. Епископ Александр считал родной язык необходимым условием в деле миссии. Так, в 1893 г. в Витебском Воскресенском соборе он совершил первую Божественную литургию на латышском языке. Впоследствии архиепископ Александр (Заккис), объезжая епархию, на приходах, по преимуществу латышских по своему составу, всегда старался служить литургию на латышском языке. Богослужение на родном языке привлекало в храм гораздо большее количество молящихся. По просьбе епископа Алексан-

дра в 1894 г. Священный Синод учредил должность латышского миссионера. С 1896 г. это служение исполнял свящ. Петр Лиепинь^{xxviii}, который воплощал в жизнь принципы архиепископа Александра по отношению к языку в деле миссии. Он писал: «Каждый народ любит свой язык, родные звуки его ему милее других, они сильнее действуют на сердце. Постоянно имея дело с латышами и следя за течением латышской жизни по латышским газетам, должен сказать, что любовь к родной речи среди латышей так сильна, что насильственная или неблагоприятная замена латышского языка русско-славянским немыслима без вреда для дела православия... Мышление народа и все мирозерцание выражается на его родном языке. Кто владеет языком информации, тот понимает хотя бы инстинктивно мирозерцание его... вместе со словами употребляет элементы мысли народа».³⁴

Из работы С. П. Сахарова «Православные церкви в Латгалии» известно, что в Эржепольском приходе богослужения проходили на церковнославянском и латышском языках. Будучи уже настоятелем Рижского кафедрального собора, о. Кирилл вместе с архиепископом Иоанном (Поммером)^{xxix} совершал богослужения, как на

^{xxviii} Лиепинь Петр, священник, родился в 1870 г. в семье псаломщика в Лифляндской губернии. В 1892 г. окончил учебу в Рижской духовной семинарии. В 1895 г. переехал в Полоцко-Витебскую епархию и после рукоположения был назначен латышским епархиальным миссионером, служил в Резекне. С 1911 г. служил в Карсаве.

^{xxix} Сщмч. Иоанн (Поммер) – (1876–1934) архиепископ Рижский и всея Латвии (1921–1934 гг.). Родился в латышской крестьянской семье. В 1897 г. закончил обучение в Рижской духовной семинарии. В 1900 г. поступил в Киевскую духовную академию, где принял монашеский постриг. В 1907 г. – ректор Литовской духовной семинарии. В 1912 г. хиротонисан во епископа Слуцкого, викария Минской епархии, В 1918 г. назначен на Пензенскую кафедру. В 1921 г. по благословению св. патриарха Тихона возглавляет Латвийскую

церковнославянском, так и на латышском языках.

Отец Кирилл считал необходимым деятельное участие народа в богослужении, в том числе и через общее пение. В 1908 г. в Двинске состоялся епархиальный совет под председательством кафедрального протоиерея Алексея Матюшинского. Участие в нём принимали 34 священника, в основном те, в чьих уездах происходил переход православных в иные конфессии. В итоге работы миссионерского комитета было признано полезным ввести в сельских храмах общее пение и распространение пения псалмов и молитв в деревнях во внебогослужбное время.

Таким образом, необходимость введения общего пения отмечалась и на миссионерском съезде. Из Полоцких епархиальных ведомостей известно, что о. Кирилл сам, служа настоятелем Эржепольского прихода, создал хор для девочек и взрослых девушек прихода. Усилия настоятеля и деятельность этого хора получили положительную оценку епархиального наблюдателя прот. Нила Серебренникова, посетившего Свято-Покровский храм в Эржеполе.

Отец Кирилл указывал на необходимость введения общецерковного пения, приводя в пример постановления всероссийского съезда «евангельских христиан»^{xxx}, которые, по словам о. Кирилла, «в целях пропаганды своего учения в пении видят одно из могучих орудий, как для устройства своих религиозных организаций, так и для привлечения в свои общины православных».³⁵ Он отмечает, какую существенную роль играет пение в жизни инославных (католиков, лютеран), в том числе сектантов. При этом удивительно,

Православную Церковь. В 1926–1931 гг. депутат Латвийского Сейма. Убит неизвестными 12 октября 1934 года.

^{xxx} Евангельские христиане – течение в российском протестантизме, родственное баптистам.

Аугшпилский (Вышгородок) храм святых благоверных князей Бориса и Глеба. Престольный праздник в конце 1920 – начале 1930-х гг. В центре в митре – протоиерей Кирилл Зайц, справа в камиллавке – настоятель отец Павел Овсянкин, слева в скуфейке – протоиерей Сергей Ефимов

почему в православии вопросу пения не уделяется должного внимания. Отец Кирилл сетовал на то, что хотя представителями епархиальной миссии и были приняты решения о научении народа церковному пению, но в действительности это никак не воплощается. «А между тем, для настоящего трудного времени, пение и есть самое доступное, и самое могучее орудие борьбы с инославной и сектантской пропагандой, и самое лучшее средство укрепления народа в истинах св. православия»³⁶, – считал о. Кирилл. Он писал, что члены православной церкви очень часто ходят в костелы, чтобы послушать песнопения католиков и самим принять участие в пении.

Он считал необходимым на приходах организовывать хор и учить общему пению всех прихожан. Отец Кирилл возлагал надежду на то время, «когда во всех храмах раздастся могучее «православное» пение

как победный клич; когда не только в храмах, но и в домах своих, православные христиане запоют чудные, как по содержанию, так и по мелодиям, православные молитвы! Тогда, можно с уверенностью сказать, разобьются и все козни врагов церкви Христовой».³⁷

Отец Кирилл видел ещё одно преимущество в богослужбной практике инославных – в домашних молитвах верующих. Он отмечал, какое богатство молитв содержится в молитвословах иноверцев, там содержатся не только повседневные молитвы, молитвы на все случаи жизни, но и песнопения, «приспособленные ко всем главным праздникам»,³⁸ а потому иноверцы имеют возможность петь их в домах еще до праздника, приуготовляясь к нему. Как писал отец Кирилл, эти песнопения «все знают, а знают, потому что легко усваиваются, каждое слово понятно,

67

639
3H 1911г.

1

Во Витебское Отделение
Московского Археологического Институ-
та

W/3M

Полоужаго Старшіянаго
Противосектантскаго Мис-
сіонера Священника Кирил-
ла Зайца.

Прошение.

Имяго чести просит записать меня
слушателем Витебскаго Отделения
Московскаго Археологическаго Институ-
та. Послужной списокъ, двѣ фотогра-
фическія карточки и свидѣемый взносъ
денегъ будутъ представлены мною не
позже 3 ноября. Явится лично раньше
3 ноября, за виздомъ по дѣламъ службы,
не имѣю возможности.

Октября 27 дня 1911г.
№ 25.

Полоужій Старшіяний
Миссіонеръ Священникъ
Кирилл Зайца.

Документ за подписью отца Кирилла в адрес Витебского отделения
Московского археологического института от 27 октября 1911 г.

нет ни одного слова или выражения, которое бы требовало объяснения». В связи с этим о. Кирилл задается вопросом: «что мы можем дать своим православным, живущим между иноверцами и видящим все это?».³⁹ Он отмечает, что православное богослужение богаче, чем у инославных, но недоступно для мирян: «Это богатство привилегированное, оно не для народа. У нас нет ничего, что народ мог бы самостоятельно дома петь, что напомнило бы ему о приближающемся празднике, что помогло бы ему достойно встретить его».⁴⁰

Отец Кирилл Зайц обращал внимание и на то, что все родственники-католики при отходе ко Господу члена семьи могут читать молитвы и петь гимны, при которых внимание всех при исходе души обращено не на причитания в голос, которые можно услышать в православной семье, а на молитвенное сопровождение умирающего. В этом для инославных – большое утешение. Православный же, даже если желал помолиться над умирающим, не всегда мог прочитать молитвы, поскольку не так много верующих были грамотными и могли читать на церковнославянском языке. Местное население прихода о. Кирилла было, в основном, крестьянским, а потому люди часто не знали даже обычной грамоты.

Отец Кирилл отмечал, что православные молитвы требуют особого разъяснения. Он указывал на то, что странно, когда молитву необходимо разъяснять, «молитва должна быть свободным обращением ума и сердца к Богу, а потому молитва должна быть составлена так, чтобы одновременно с чтением слова ее, ум и сердце свободно могли с полным сознанием и ясным представлением просимого возвыситься к Богу».⁴¹ Он обращает внимание на то, что у католиков и лютеран, в отличие от православных, объяснений молитв не требуется, любая мать с детства сможет этой молитве научить своего ребенка. «Ни

в одном вероисповедании вы не встретите такого страшного искажения слов молитв, такого бессмысленного чтения молитв, как у православных»⁴², – с сожалением восклицал о. Кирилл. Он свидетельствовал, что ему самому не раз приходилось встречаться с этими искажениями. Отец Кирилл наблюдал, что православные в приходах со смешанным населением знают католические молитвы, а православных не знают, т.к. не могут понять их смысла. Потому-то, как утверждал о. Кирилл, там, где православные соприкасаются с инославием, происходит увлечение католичеством или лютеранством. «Православный человек видит, что у иноверцев как будто лучше, духовная жизнь их как будто полнее, и не только в великие христианские праздники, но и в обыденные дни. И наоборот иноверец не видит ровно ничего такого, чем бы могло увлечь его православие, поэтому о. Кирилл призывает обратить должное внимание на вопрос богослужений, видя в нём то, чем сильно инославие, и то, что необходимо народу. «Народ жаждет сознательно христианской жизни, почему и бросается во все исповедания, отыскивая пищи для утоления душевного голода, которой ему не дает из богатой своей сокровищницы Православие!».⁴³

Отдельное внимание Кирилл Зайц уделял вопросу проповеди. По предложению благочинного Люцинского уезда прот. Федора Никоновича^{xxxii}, съезд духовенства в ноябре 1906 г. постановил: «проповедь церковную и домашнюю при трудах стараться сделать жизненной и необходимой принадлежностью по возможности каж-

^{xxxii} Никонович Федор Иосифович, протоиерей (1853–1911). Родился в семье духовного сословия в Витебской губернии. В 1876 г. окончил обучение в Витебской духовной семинарии. С 1897 г. служил настоятелем Люцинского Свято-Успенского собора. Был избран делегатом 3-й Государственной Думы.

дого богослужения, независимо от числа слушателей, и касаться в ней не только вопросов догматических и нравственно-религиозных, но и текущей жизни»; «развивать общее народное хоровое пение»; «возможно чаще посещать своих прихожан и не по приглашению только с их последних...но и регулярно, при таких посещениях совершать вечерни и акафисты с общенародным церковным пением и вести беседы на темы религиозно-нравственного содержания». ⁴⁴ Эти рекомендации съезда активно воплощал в своей практике о. Кирилл Зайц.

Сам отец Кирилл за каждым богослужением произносил вдохновляющее слово. Он отмечал, что не во всех храмах звучит проповедь, а потому призывал верить в силу Слова Божьего, в действительность проповеди, чтобы проповедь не ослабевала, но, как пишет о. Кирилл, «усиливалась в той же мере, как усиливается враждебная деятельность неверия против веры». ⁴⁵ Свящ. Кирилл Зайц считал необходимым и то, чтобы содержание проповеди не касалось лишь только нравственных сторон жизни, а затрагивало догматические истины и даже выявляло внутреннюю связь этики и догматики, зависимость христианского учения о нравственности от догматов христианства.

В проповедях, на его взгляд, необходимо раскрывать всю полноту и красоту православия, особо это необходимо, как пишет о. Кирилл, «в наше время, когда, под влиянием того же растлевающего «духа времени» православие низводится в разряд других исповеданий и спасение гонимой Православной Церкви видится многими в слиянии с инославием». Проповедь, по мнению о. Кирилла, должна быть

- «устным живым словом», а не зачитываться с текста, соотносимой с реальной жизнью прихода;

- должна звучать за каждым богослужением, «всегда, когда пастырь-проповедник становится лицом к лицу с народом»;
- язык же проповеди должен быть простым и образным, «проповеди должны изобиловать библейскими и житейскими примерами, картинками, образами и сравнениями». ⁴⁶

Изучив проповеди о. Кирилла, мы можем отметить, что он был талантливым проповедником, умевшим просто и ясно донести слово Божье.

Деятельность о. Кирилла в вопросах богослужения не смогла остаться незамеченной. Протоиерей Кирилл Зайц был выбран на епархиальном собрании делегатом от Полоцко-Витебской епархии на Московский Поместный Собор 1917–1918 гг., где он принял активное участие в обсуждении вопросов богослужения, в том числе, таких тем, как язык молитвы, чтение Священного Писания и церковное пение.

Таким образом, взгляды прот. Кирилла Зайца на богослужение как форму миссии говорят о том, что он придавал определяющее значение языку богослужения, его доступности для мирян, необходимости совершения богослужения на местных языках, совместного участия мирян и клира в богослужении, в общем церковном пении, разработанности молитвословов для келейного домашнего чтения, важности проповеди, занимающей положенное ей место в храмовом богослужении. Всё это способствовало укоренению паствы в православной вере и сокращению случаев перехода православных христиан в другие конфессии и духовные течения.

Завершая этот небольшой рассказ о миссионерской деятельности протоиерея Кирилла Зайца, заметим, что многие проблемы, с которыми столкнулся этот миссионер, нисколько не потеряли своей актуальности. Многие приёмы и методы миссионерской практики отца Кирилла

и сегодня могут оказаться вполне эффективными, поскольку во главу угла своей деятельности он ставил любовь к Слову Божьему и почтительно благоговейное отношение к человеку, даже заблудшему и впадшему во мрак греха и суеверий.

Скептики могут возразить и усомниться в успешности миссионерских трудов прот. Кирилла, направленных на укрепление Православной Церкви. Ведь его усилия и самоотверженное служение не остановили в целом деструктивные процессы, захватившие и затем разрушившие Российскую империю. Труды миссионера в латвийский период не сохранили православную церковь от тех испытаний и потерь, которые она понесла после советизации страны и в период второй мировой войны. Жертвенность отца Кирилла, его приверженность евангельскому пути не смогли и его самого защитить от клеветы и преследований в 1930-е гг., а также унижений и репрессий в послевоенный период.

Изучая документы жизни отца Кирилла, которая изобиловала житейскими потрясе-

ниями и испытаниями его верности Богу, можно сделать вывод, что он чаще всего на своем поприще служения был одинок. Нет так часто оказывались рядом надёжные помощники и ученики. Это порой оборачивалось для отца Кирилла трагическими потрясениями и даже предательством. Кирилл Иванович Зайц не был застрахован от ошибок и человеческих немощей, как и всякий человек, в том числе выбравший христианский путь и живущий праведной жизнью. В тоже время многое он делал, полагаясь на свои силы и не теряя надежды на помощь Божию. Однако не будем забывать, что миссионерский путь – удел немногих, особо избранных христиан, готовых до конца подражать Христу, а их успехи никогда по-настоящему не измеряются в плоскости примитивной статистики. Семена их миссионерской проповеди могут дать всходы в неожиданных местах, в непредвиденный час и в моменты самых тяжелых испытаний для кого-то станут настоящим спасением от духовной гибели и отчаяния.

Summary

The article provides missionary educational aspects of father Kirill Zaits's service for our consideration. Father Kirill's works – articles, preaches served the main materials for this overview. It is especially important that being loyal to the Orthodox tradition and inextricably part of a synodal paradigm, the missionary Kirill Zaits refused to apply severe missionary methods and attract governmental institutions to reach superficial success. According to the Russian Empire laws, the latter were to protect the Orthodox faith interests until 1905. Instead, father Kirill Zaits put a premium on the dialogue between contradictory confessions, extra-liturgical Bible readings with his parish, missionary talks and sermons, including the ones published in the

eparchial press, developing general literacy and culture amongst peasantry. Thanks to such church ministers as father Kirill Zaits, new approaches to missionary work from unpeasable confrontation and antimission up to the dialogue and focusing basic efforts on his own flock's spiritual enlightening are being gradually elaborated at the beginning of the twentieth century. Father Kirill's missionary experience, that had been worked up at the end of the Constantine Era until 1917, had its own development in the Independent Latvia in 1920–1930. It bore rather significant spiritual fruit over the occupied Leningrad eparchy while the priest was leading the Pskov Orthodox Mission in 1941–1944.

Reference list

- 1 Kiprianovich G.J. Zhizn' Iosifa Semashki, mitropolita Litovskogo i Vilenskogo i vossoedinenie zapadnorusskikh uniатов s pravoslavnoju tserkovju v 1839 g. 2-e izd., ispr. i dop. Vil'na: tip. Bljumovicha, 1897. S. 4.
- 2 RGLA (Rossijskij Gosudarstvennyj Istoricheskij Arhiv). F.796. Op. 442. D.389. L. 32–33.
- 3 Zayts Kirill, svjashch. Zaboty Erzhepol'skogo Svjato-Pokrovskogo Pravoslavnogo Bratstva o narodnom prosveshchenii // Polotskie eparhial'nye vedomosti (PEV). 1905. №6. S.190.
- 4 Zayts Kirill, svjashch. V chyom sila katolitsizma? // Polotskie Eparhial'nye Vedomosti = PEV. 1905. №19. S. 391.
- 5 Zayts Kirill, svjashch. Sredi katolikov // PEV. 1904. №14. S.418.
- 6 Ibidem.
- 7 Dvinskij missionerskij pastyrskij s'ezd // PEV. 1908. №26. S. 573.
- 8 Zayts Kirill, svjashch. K voprosu o sobesedovanjah s ukлонivshimisia v katolichestvo // PEV. 1908. №23. S. 531.
- 9 Ibidem.
- 10 Ibidem.
- 11 Zayts Kirill, svjashch. Sredi katolikov // PEV. 1904. №9. S.448.
- 12 Zayts Kirill, svjashch. K voprosu o sobesedovanjah s ukлонivshimisia v katolichestvo // PEV. 1908. №23. S.534.
- 13 LGIA (Latvijskij Gosudarstvennyj Istoricheskij Arhiv). F. 232. Op.3. D.41. L.172.
- 14 LGIA. F. 232. Op.5. D.75. L.43.
- 15 LGIA. F. 232. Op.5. D.162. L.92.
- 16 Ibidem. L. 111.
- 17 Ibidem. L. 133.
- 18 Saharov S.P. Pravoslavnye tserkvi v Latgalii. Riga. 1939. S.37.
- 19 Zayts Kirill, svjashch. K voprosu o sobesedovanjah s ukлонivshimisia v katolichestvo // PEV. 1908. №23. S.535.
- 20 Ibidem. L.534.
- 21 Zayts Kirill, svjashch. Puti Gospodni // Vera i zhizn'. Duhovnyi zhurnal. 1928. №2. S.18.
- 22 Dribintsev Grigorij, prot. // Vera i zhizn'. Duhovnyi zhurnal. 1928. №10. S. 95.
- 23 Zayts Kirill, svjashch. Odin v pole – ne voin // Vera i zhizn'. Duhovnyi zhurnal. 1932. №4. S. 86.
- 24 Zayts Kirill, svjashch. Otnoshenie Pravoslavia k inoslavju i inoverju // Vera i zhizn'. Duhovnyi zhurnal. 1929. №5. S.114.
- 25 Slezkina O.V. Problemy dejatel'nosti missionerov sinodal'noj vnutrennej missii (po materialam zhurnala «Missionerskoe obozrenie» za 1896–1916 gg.) // Svet Hristov prosveshchaet vseh: Almanah Svjato-Filaretovskogo pravoslavno-hristianskogo institute. Vypusk 5. M.: Svjato-Filaretovskij pravoslavno-hristianskij institut, 2012. S.82.
- 26 Potehin Savva, svjashch. Kakoe mesto v tserkovnoj zhizni mogut i dolzhny imet' missionerskie sobesedovanija s narodom v nastojashchee vremja // Missionerskoe obozrenie. 1906. №2. S. 138.
- 27 Gavrilin A.V. Ljutsinskoe (Ludzenskoe) blagochinie vo vtoroi polovine XIX – kontse 30-h gg. XX v. Riga: Filokalija, 2004. S.44.
- 28 Zayts Kirill, svjashch. V chyom sila katolitsizma i ljuteranstva? // PEV. 1907. №10. S.333–340.
- 29 Ibidem. L.335.
- 30 Ibidem.
- 31 Ibidem.
- 32 Ibidem. L.336.
- 33 Ibidem.
- 34 Liepin' Petr, svjashch. Latyshskie stipendii pri duhovno-uchebnyh zavedenijah v svjazi s obruseniem latyshey // PEV. 1908. №18. S.394.
- 35 Zayts Kirill, svjashch. Poite Bogu nashemu, poite // PEV. 1912. №26. S. 478.
- 36 Ibidem. S. 480.
- 37 Ibidem. S.483.
- 38 Zayts Kirill, svjashch. V chyom sila katolitsizma i ljuteranstva? // PEV. 1907. №10. S.337.
- 39 Ibidem.
- 40 Ibidem.
- 41 Ibidem. S.339.
- 42 Ibidem. S.340.
- 43 Ibidem.
- 44 Gavrilin A.V. Ljutsinskoe (Ludzenskoe) blagochinie vo vtoroi polovine XIX – kontse 30-h gg. XX v. Riga: Filokalija, 2004. S.55.
- 45 Zayts Kirill, svjashch. Tserkovnoe propovednichestvo // Vera i zhizn'. Duhovnyi zhurnal. 1926. №2. S.8.
- 46 Ibidem.

Михаил Шкаровский (Россия)
Mikhail Shkarovsky (Russia)

Русские церкви в Финляндии в 1920-е–1945 гг.

Russian churches in Finland in the 1920s–1945

Вплоть до 1990-х гг. в Финляндии существовали только две русские церковные общины – Покровская и Никольская, каждая из которых имеет интересную историю.

Покровская община занимает особое, довольно значительное место в религиозной жизни страны в XX веке. Она была основана в декабре 1925 г. в г. Вийпури (Выборге) бывшей купчихой, а позднее монахиней Анной Дмитриевной Пугиной (1866–1950) после перехода Финляндской Православной Церкви на финский язык в богослужениях и григорианский церковный календарь, что вызвало неприятие многих русских эмигрантов. Первое время группа таких эмигрантов в Выборге, входившем тогда в состав Финляндии, тайно от властей собиралась на квартирах для совершения молитв по старому стилю. Затем эту группу поддержала А. Д. Пугина, которая при посещении в 1925 г. Коневского монастыря пришла к мысли об открытии в своем доме частной церкви.¹

Возглавлял Покровскую общину в качестве настоятеля в течение почти 23 лет, с момента основания до своей смерти 19 июля 1948 г., известный в Финляндии пастырь – протоиерей Григорий Евфимьевич Светловский (1872–1948), служивший в

1917–1925 гг. настоятелем церкви Казанской иконы Божией Матери в г. Терийоки (ныне г. Зеленогорск Ленинградской области). 7 декабря 1925 г. по распоряжению выборгского губернатора пастырь был выселен из Терийоки в Выборг за проведение весной того же года Пасхального богослужения по юлианскому календарю. В марте 1926 г. отец Григорий получил разрешение властей на проведение богослужений в течение 12 дней, в Страстную седмицу и на Пасху, но не было антиминса, а посланный за ним в Коневецкий монастырь к сосланному на покой архиепископу Финляндскому Серафиму (Лукьянову) член общины Стефан Хотенко из-за распутицы не успел к Пасхе. По другим сведениям, первая всенощная служба была совершена 11/24 апреля, в канун Вербной субботы. В мае члены общины представили требуемые по закону 20 подписей финляндских граждан под обращением к правительству с просьбой зарегистрировать общину. На Троицу гостем нового прихода был архиепископ Серафим (Лукьянов), однако он отказался взять на себя окормление общины.²

Известный в Финляндии историк – профессор Наталья Башмакова в своём исследовании «Из истории и быта рус-

Покровский храм в Хельсинки

ских в Финляндии 1917–1939» пишет об этих событиях так: «С 3 по 10 июля 1923 года прошли переговоры с Константинопольским патриархом Мелетием, в ходе которых была утверждена автономия Финляндской православной церкви в составе Вселенского патриархата с безоговорочным переходом на новый стиль начиная с 1924 года. Многие русские восприняли нововведение как отклонение от исконно православной веры. В 1926 г. в Выборге протоиереем отцом Григорием Светловским и некоторыми активными прихожанами была основана частная Покровская община, подлежащая экзарху западноевропейских православных церквей митрополиту Евлогию».³

Официальную регистрацию община получила постановлением Государственного Совета Финляндии в качестве частной религиозной организации 23 декабря 1926 г., что считается днем её рождения. Сразу же была послана телеграмма в Париж митрополиту Евлогию (Георгиевскому) с просьбой дать благословение на освящение храма. Через несколько дней пришёл ответ: «Благословляю протоиерея Светловского освятить храм в честь Покрова Божией Матери». В 1926–1939 гг. община собира-

лась на богослужения в Покровском домовом храме, устроенном в частном деревянном доме А. Д. Пугиной в Выборге и освященном о. Григорием Светловским перед Рождеством, 2 января 1927 г., в день памяти отца Иоанна Кронштадтского.⁴

Покровская община входила в состав русского Западно-Европейского экзархата под управлением митрополита Евлогия (Георгиевского), в 1931 г. перешедшего из юрисдикции Московского Патриархата в юрисдикцию Константинопольского Патриарха.

Сам Владыка Евлогий так прокомментировал её создание: «Этот акт имел значение отдушины, и новое, более либеральное, финляндское правительство с этим посчиталось и отнесло нашу организацию к линии «свободы совести». Согласно закону, приход был включен в реестр религиозных организаций с правом совершать богослужения».⁵ Митрополит писал и о негативной реакции на деятельность русской общины главы Финляндской Православной Церкви архиепископа Германа (Аава): «Он и его Управление начали травить наш Выборгский приход, главным образом нападая на меня (как на русификатора). О. Светловский решил на травлю не отвечать, чтобы не потонуть во взаимном анафематствовании».⁶

Каноническое подчинение Покровской и возникшей в 1927 г. в Хельсинки Никольской общины митрополиту Евлогию вызвало также недовольство Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей, который в том же 1927 г. обвинил Владыку в «водружении алтаря» на чужой канонической территории и во вмешательстве в дела автономной Финляндской епархии.⁷ В ответ на эти обвинения митрополит Евлогий писал в своем послании: «Я ду-

Свято-Никольский храм в Хельсинки

мал, что с приездом в Лондон Арх[иепископа] Серафима я поручу ему управление этой общиной – тем более, что он очень сочувствовал учреждению этой независимой от официальной Финляндской Церкви общины и даже выдал ей св. Антиминс (т.е. именно водрузил алтарь). Одновременно с этим я написал и управляющему Финляндской Церковью Арх[иепископу] Герману, прося его разрешить мне иметь упомянутую общину в качестве «метоха», и получил ответ, что Выборгская община вышла из состава Финляндской Церкви, и, что церковное управление этой Церкви не имеет к ней теперь никакого отношения. Вот и вся правда о моем «утверждении алтарей» и вмешательстве в дела Финляндской Церкви».⁸

В декабре 1935 г. Покровский приход посетил vicar митрополита Евлогия служивший в Праге епископ Бельский Сергей

(Королев), который по поручению Владыки объехал Швецию, Норвегию и Финляндию. По свидетельству митрополита Евлогия, приезд епископа в Выборг вызвал ликование. 29 декабря Владыка Сергей рукоположил во диакона члена Покровской общины Григория Сандина. С 28 ноября 1938 г. протоиерей Григорий Светловский был благочинным церковью русского Западно-Европейского экзархата в Финляндии. Численность членов, входивших в благочиние Покровской и Никольской общин, в это время доходила до полутора – двух тысяч человек, среди которых подавляющее большинство составляли русские эмигранты.⁹

После начала советско-финской войны 1939–1940 гг., когда стало ясно, что советские войска могут занять Выборг, произошла эвакуация. В декабре 1939 г. многие прихожане уехали в г. Кангасниemi, в 65

километрах от г. Миккели. Туда же переехали основательница общины А. Д. Пугина и протоиерей Г. Светловский. Затем о. Григорий с большим трудом добился у финляндских властей разрешения вновь посетить находящийся на осадном положении город, для того чтобы вывезти имущество церкви. Он выехал 27 января 1940 г. и в течение почти двух недель собирал и складывал иконы, священные сосуды, книги, облачения. 10 февраля, с 40 ящиками церковной утвари и имущества общины, протоиерей уехал в г. Кангасниemi, а 19 февраля в дом, в котором размещалась церковь, попала бомба и он был полностью разрушен.¹⁰

После окончания войны большинство прихожан переехало в Хельсинки, где о. Григорию удалось получить разрешение властей об открытии нового храма взамен утраченного. В середине июля 1940 г. был снят в аренду дом для проживания клира и проведения богослужений в районе Мейлахти, где уже в том же году возобновились богослужения. Хотя в июле 1941 г. в ходе Второй мировой войны финские войска вновь временно заняли Выборг, Покровская община осталась в Хельсинки. При советских бомбардировках её новый домовый храм не пострадал.¹¹ Позднее община выстроила себе новый каменный храм, существующий до настоящего времени.

В 1926 г. в Хельсинки группа русских эмигрантов создала и зарегистрировала братство святителя Николая Чудотворца с целью совершения регулярных богослужений по старому (юлианскому) стилю, так как Финляндская Православная Церковь перешла на григорианский календарь. Главной святыней братства была икона свт. Николая Чудотворца, которая сейчас находится в Никольском храме на аналое с правой стороны. В том же году основатели братства В. С. Синькевич, П. М. Мошкарев, А. К. Васильева посетили в Выборге

убежденного сторонника сохранения старого стиля – протоиерея Григория Светловского. Когда к концу 1926 г. окормляемая о. Григорием Покровская Выборгская русская община прошла официальную регистрацию (устав был уже утвержден правительством (сеймом) 23 декабря), Никольская община в Хельсинки также подала прошение и весной 1927 г. получила регистрацию от Государственного совета Финляндии в качестве частной религиозной организации и составной части Выборгской православной общины.

Сразу после регистрации Никольская и Покровская общины послали телеграмму в Париж экзарху Русской Православной Церкви в Западной Европе митрополиту Евлогию (Георгиевскому), с просьбой принять их под своё духовное окормление, на что получили согласие. Днём рождения прихода стал храмовый праздник – день перенесения мощей свт. Николая Чудотворца из Мир Ликийских в Бари – 9/22 мая 1927 г. В июле 1927 г. Никольский приход возглавил кронштадтский беженец – священник Николай Сильвестрович Щукин, до революции бывший военным инженером и рукоположенный в священный сан в Москве 14 декабря 1920 г. Первые богослужения в Финляндии он совершал за колючей проволокой форта Ино в беженском лагере, затем служил преподавателем в беженской школе в Перкъярви (ныне ст. Кирилловская).¹²

Никольский храм разместился сначала во временном помещении, арендованном в доме купца Ковина, в районе Хаканиеми. Первое богослужение было совершено 29 августа / 11 сентября 1927 г., на день Усекновения главы Иоанна Крестителя. Этот временный храм прихода просуществовал до 11 марта 1928 г., когда его пришлось закрыть из-за недоброжелательного отношения хозяина дома. Вскоре был арендован деревянный дом на 3-й линии

(Kolmas linja 18). В этом доме имелись три квартиры и большой зал с примыкающей комнатой, в котором и устроили домовый храм, располагавшийся там около 10 лет, до момента сноса здания осенью 1938 г. Община быстро росла и в конце 1930-х гг. насчитывала более 650 человек. Благодаря стараниям протоиерея Николая Шукина (возведенного в 1934 г. в сан протоиерея), которому помогал сын – бессменный пономарь и сторож Николай Николаевич Шукин, она превратилась в полноценный приход с хорошо налаженной богослужебной и общинной жизнью (псаломщицей была Е. В. Гребнер, а первым церковным старостой – Александр Гаврилович Васильев). В 1932–1939 гг. общиной ежегодно устраивались приходские детские лагеря.¹³

В 1938 г. городские власти передали общине в аренду на 40 лет участок на бывшем русском военном кладбище в районе Хиетаниemi (недалеко от железнодорожного вокзала Хельсинки), где до 1917 г. хоронили военнотружущих из гарнизонов, окружавших город, в частности – из крепости Свеаборг (Суоменлинна). В том же году началось сооружение новой каменной церкви по проекту местного инженера-строителя Нюберга. Строительные работы вели сами прихожане под руководством Нюберга.¹⁴ Храм был заложен 2 октября 1938 г. протоиереями Николаем Шукиным и Григорием Светловским, председателем строительной комиссии являлся Петр Иванович Столбов. Одноэтажная церковь с колокольной над входом напоминала финские лютеранские кирки, вход украсил небольшой портик с двумя дорическими колоннами. 10 декабря того же года храм был освящен настоятелем в честь свт. Николая Чудотворца.¹⁵

Отец Николай Шукин умер в Мариинской больнице в Хельсинки 21 декабря 1940 г. и 26 декабря был погребен на центральной аллее преобразованного в Никольское

православное приходское кладбище бывшего русского военного кладбища. После его смерти два старца – протоиерея: известный духовный писатель о. Сергей Четвериков и о. Виктор Крохин – несколько лет попеременно совершали богослужения в храме. В проведении богослужений им помогали иеродиакон Арсений (Конев) и диакон Григорий Сандин, в будущем – священник. Настоятельские функции, однако, исполнял уехавший из Выборга в связи с советско-финской войной протоиерей Григорий Светловский, он же и был председателем церковного совета. В декабре 1945 г. настоятелем был избран протоиерей Виктор Крохин, скончавшийся в декабре 1949 г. (погребен на приходском кладбище).¹⁶

Отец Сергей Четвериков был при Никольской церкви недолго и вынужденно, но оставил глубокий след в жизни прихода. Полюбив после первой своей поездки в 1930 г. Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, он в дальнейшем неоднократно ездил туда для литературной и духовной работы. В 1939 г., он, как обычно, отправился на Валаам, но не смог вернуться в Западную Европу из-за начавшейся советско-финской войны. В сочельник 1940 г. о. Сергей вместе с братией был эвакуирован в Финляндию и сначала жил во временном помещении монастыря, а потом, чтобы не обременять братию (ему было уже 73 года), переехал в Хельсинки, где и служил некоторое время в Никольском храме, после чего перебрался к своему сыну Феодосию Сергеевичу Четверикову в Братиславу (Словакия). Скончался он 29 апреля 1947 г. в Братиславе.

Летом 1945 г. состоялось временное воссоединение Западно-Европейского Экзархата, возглавляемого митрополитом Евлогием (Георгиевским), с Московским Патриархатом. 8 октября 1945 г. в Хельсинки прибыл митрополит Ленинградский и

Новгородский Григорий (Чуков), под руководством которого произошёл переход Покровской и Никольской общин в состав Русской Православной Церкви (акт воссо-

единения этих приходов был совершён 8 и 12 октября). В юрисдикции Московского Патриархата они остаются и в настоящее время.

Summary

Up to the 1990s in Finland, there were only two Russian Church community – Pokrovskaya and Nicol'skaya (of St. Nicholas). Both of them occupy quite a significant place in the religious life of the country in the XX century. Pokrovskaya Church community was founded by Russian immigrants in December, 1925 in the town of Vyborg and since 1940 is located in Helsinki. Nicol'skaya community

was immediately formed in 1926 in the capital of Finland. Only they, of all the Orthodox communities of the country were not in the jurisdiction of the Finnish Orthodox Church. Both communities were part of the Russian Exarchate of Western Europe, led by Metropolitan Evlogiy (Georgievskiy). In 1945, they moved to the jurisprudence of the Moscow Patriarchate, which still remains today.

Reference list

- 1 Musaev V.I. *Mezhdru Zapadom i Vostokom: Pravoslavie v avtonomnoj i nezavisimoj Finljandii (1890-e – 1930-e gg.)*. SPb., 2014. S. 490.
- 2 Niv'er A. *Pravoslavnye svjashhennosluzhiteli, bogoslovy i cerkovnye dejateli russkoj jemigracii v Zapadnoj i Central'noj Evrope. 1920–1995: Biograficheskiy spravocchnik. M.-Parizh, 2007. S. 414–415; Musaev V.I. Sovremennye konfessional'nye problemy regiona specializacii. Religija i cerkov' v stranah Severnoj Evropy: uchebnoe posobie. SPb., 2012. S. 219–220; Trohova I.V. *Cerkovnaja istorija Vyborga i ego okrestnostej. SPb., 2007. S. 163.**
- 3 Bashmakoff N., Lejnonen M. *Iz istorii i byta russkih v Finljandii // Studia Slavonica Finlandensia. T. VII. Helsinki, 1990. S. 57.*
- 4 Tam zhe. S. 56–57; Trohova I.V. *Ukaz. soch. S. 164.*
- 5 Evlogij (Georgievskij), mitropolit. *Pur' moej zhizni: Vospominanija mitropolita Evlogija (Georgievskogo), izlozhennye po ego rasskazam T. Manuhinoy. M., 1994. S. 499.*
- 6 Tam zhe. S. 500.
- 7 *Cerkovnye vedomosti. 1927. # 1–2. S. 4; Musaev V.I. Mezhdru Zapadom i Vostokom. S. 462.*
- 8 *Kostrjukov A.A. Russkaja Zarubezhnaja Cerkov' v 1925–1938 gg. Jurisdikcionnye konflikty i otnoshenija s moskovskoj cerkovnoj vlast'ju. M., 2011. S. 161–162.*
- 9 Evlogij (Georgievskij), mitropolit. *Ukaz. soch. S. 500; Pavinsky H. Russian Orthodox Parishes in Finland. // Orthodoxy in Finland. Past and present. Kuopio, 1984. P. 97–100; Baschmakoff N., Leinonen M. Russian Life in Finland 1917–1939: A Local and Oral History. Helsinki, 2001. P. 170.*
- 10 Sm.: Ljutik Viktor, protoierej. *Prihod Pokrova Presvjatoj Bogorodicy v Hel'sinki // Severnyj Blagovest. 2007. # 2 (11). S. 26–30.*
- 11 Zhavoronkova N. Pasha / Publ. i kommentarii V.Ju. Chernjaeva // *Nansenovskie chtenija 2010. SPb., 2012. S. 324.*
- 12 Sno V. *Krug zhizni / Publ. i kommentarii V.Ju. Chernjaeva // Nansenovskie chtenija 2010. SPb., 2012. S. 339–340, 368–369.*
- 13 *Severnyj Blagovest. Hel'sinki. 2005. # 2. S. 26–44, 2006. # 3. S. 17–20, 55–58. Risak N. Istorija Nikol'skogo prihoda g. Hel'sinki // Rossija za rubezhom. 2006. # 4.*
- 14 *Zhurnal Sodruzhestva. 1938. # 10–11. S. 30.*
- 15 *Voskobochnikov Nikolaj, protoierej. Prihod svjatitela Nikolaja Chudotvorca v gorode Hel'sinki. // Severnyj Blagovest. 2007. # 2 (11). S. 38–44.*
- 16 Tam zhe.

Сергей Мянник (Эстония)
Sergey Mannik (Estonia)

Митрополит Таллинский и всея Эстонии Корнилий (Якобс)

Metropolitan of Tallinn and All Estonia, Cornilius (Jakobs)

19 апреля 2018 года отошел ко Господу старейший по возрасту архипастырь Русской Православной Церкви митрополит Таллинский и всея Эстонии Корнилий. Владыка Корнилий, в миру Вячеслав Васильевич Якобс, родился в Таллине в 1924 году. В то время Эстония была самостоятельной республикой, и Таллинскую кафедру тогда возглавлял митрополит Александр (Паулуs)ⁱ, два раза переходивший из Московского Патриархата под омофор Константинопольского, а в 1944 году и во все покинувший свою паству вместе с отступающими немецкими войсками.

Отец будущего святителя, Василий Васильевич Якобс, дворянин, потомственный военный, полковник Белой армии, оказал-

ся в Эстонии с отступающими войсками генерала Юденича. Его родители имели собственный дом в Санкт-Петербурге. Дед владыки, генерал-майор Василий Христианович (Христофорович), бабушка и другие родственники отца похоронены на Петербургском Новодевичьем кладбище.

Мать, Татьяна Леонидовна, происходила из известной в Ревеле (Таллине) купеческой семьи Епинатьевых, потомственных почётных граждан Ревеля, прихожан Никольской церкви на улице Вене, считавшейся купеческой. Крестили младенца в честь благоверного князя Вячеслава Чешского.

Вячеслав Якобс учился в школе, принадлежавшей Дому русского ребёнка, размещавшейся в помещении бывшей Казанской приходской школы. Это была очень маленькая школа, с небольшим коллективом и малым количеством учеников. Заведующей школой была Татьяна Евгеньевна Дезенⁱⁱ, активный деятель Русского студен-

ⁱ Александр (Паулуs, 1872–1953), митрополит. Рукоположен во пресвитера в 1901 г., в сентябре 1920 г. избран архиепископом Таллинским и всея Эстонии. Хиротония была совершена 5 декабря 1920 г., в 1923 году перешел под омофор Константинопольского патриарха. В 1940–1941 гг. после покаяния в Московском Патриархате. С началом оккупации Эстонии немецкими войсками вышел из Московского Патриархата. В 1944 г. эмигрировал в Швецию.

ⁱⁱ Дезен Татьяна Евгеньевна (1901–1941). Активный участник РСХД, организатор и участник нескольких съездов движения как в Эстонии, так и в других странах. Арестована органами НКВД

ческого христианского движения (РСХД) в Таллине. Мученический конец её жизни стал свидетельством цельности этой натуры, оказавшей огромное влияние на учеников. Работа Татьяны Евгеньевны была сосредоточена на христианском просвещении молодёжи. Как она заявляла позже на допросе в НКВД, вся её деятельность была устремлена на то, чтобы воспитать людей в христианской вере и направить против материалистической идеологии.

Школа была рядом с Казанской церковью, и именно в ней начался церковный путь будущего святителя. Он начал там прислуживать, учиться петь, читать, звонить в колокола. Впоследствии юноша стал иподиаконом у епископа Нарвского Павла (Дмитровского)ⁱⁱⁱ.

Большое влияние на становление молодого человека оказали священники, служившие в те годы в Таллине. В первую очередь протоиерей Иоанн Богоявленский^{iv},

в Печерах в 1940 г. Расстреляна по приговору Военного Трибунала. Реабилитирована в 1990 г.

ⁱⁱⁱ Павел (Дмитровский Павел Григорьевич, 1872–1946), архиепископ. Рукоположен во пресвитера 6.05.1896. В 1915–1918 гг. судовой священник. С 1918 г. в Эстонии священник Нарвского Преображенского собора. 3.10.1937 г. рукоположен во епископа Нарвского и Изборского. 21.12.1942 г. возведен в сан архиепископа. 10.04.1945 г. назначен архиепископом Таллинским и Эстонским.

^{iv} Исидор (Богоявленский Иоанн Яковлевич, 1879–1949), епископ. В 1904 г. окончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию, кандидат богословия. В 1905 г. рукоположен во священника, с 1912 г. настоятель Павловского собора Гатчины. С 1915 г. магистр богословия. С 1919 г. в Эстонии служил в Таллине в Александро-Невском соборе и храме во имя Симеона и Анны. 1946–1947 гг. ректор Ленинградской духовной академии и семинарии. В 1947 г. рукоположен во епископа Таллинского и Эстонского.

священник Михаил Ридигер^v и, несомненно, протоиерей Валерий Поведский^{vi}.

Вячеслав Якобс сопровождал архиепископа Таллинского и Эстонского Павла в 1945 году на Поместный Собор Русской Православной Церкви и интронизацию Святейшего Патриарха Алексия. Позднее владыка Корнилий отмечал в своих воспоминаниях: «Я был поражен величием и мощью Церкви, ее силой, которая ощущалась, не смотря на тяжелое время».

15 июля 1945 Вячеслав Якобс обвенчался с Татьяной Петровной Соловьёвой, выпускницей Художественного училища. В день праздника Преображения Господня архиепископ Павел рукоположил молодого человека во диакона к храму Рождества Пресвятой Богородицы (Казанской церкви).

8 февраля 1948 года уже епископ Исидор (Богоявленский) рукоположил диакона Вячеслава во пресвитера, назначив на очень сложный смешанный эстонско-русский Марии-Магдалининский приход в городке Хаапсалу. Приход был не богатым, многое приходилось делать своими руками: чинить крышу, красить и приводить в порядок не только здание, но и ризницу, утварь и т.п. Служба шла на двух языках: церковно-славянском и эстонском. Но именно

^v Ридигер Михаил Александрович (1902–1962). Рукоположен во священника в 1941 г., клирик храма Симеона и Анны, в 1945–1946 гг. ключарь Александро-Невского собора. С 1946 года настоятель храма Рождества Богородицы (Казанская церковь). В 1958 г. возведен в сан протоиерея. Отец Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

^{vi} Поведский Валерий Владимирович (1901–1973), протоиерей. В 1929 г. окончил Высшее военно-технологическое училище (ныне МВТУ им. Баумана). В 1938 г. тайно рукоположен во диакона и пресвитера. Угнан во время войны с семьей из Орловской области в Эстонию. Настоятель подворья Пюхтицкого монастыря 1947–1959 гг. и Никольского храма на ул. Вене в Таллине с 1959 г. и до кончины.

В храме Рождества Богородицы (Казанская церковь)

Во время визита Св. Патриарха Алексия в Эстонию. 2003

опыт пастырского служения в Хаапсалу очень пригодился впоследствии.

В 1951 году из-за болезни Татьяны Петровны потребовалось переменить климат и уехать из Эстонии в Вологду. Семья поселилась в церковном доме недалеко от храма. При доме был большой земельный участок, на котором отец Вячеслав посадил яблони, кусты смородины, картошку и цветы. Необходимо отметить, что батюшка всегда отличался умением заниматься домашним хозяйством, помогая своей часто болеющей супруге.

Священник Вячеслав Якобс был клириком Богородской кафедральной церкви в Вологде, но по благословию правящего архиерея, епископа Гавриила^{vii} ему пришлось изъездить и исходить пешком почти всю Вологодскую епархию, где в то время оставалось всего 17 приходов. Это удивительный религиозный край, недаром названный «Северной Фиваидой». В этих поездках отец Вячеслав совершал практически все требы, начиная с крещений, а иногда крестились целой деревней, и заканчивая отпеваниями. Как вспоминал владыка: «Дом наш был открытым, приходило много молодёжи и ко мне, и к Татьяне Петровне. Мы беседовали не только на духовные темы, но говорили и о литературе, искусстве, музыке».

Семья Якобс привезла из Эстонии большую библиотеку, в которой помимо книг хранились и вырезки из различных газет и журналов духовного содержания. Почитать литературу давали всем желающим, не задумываясь о последствиях, чем и восполь-

зовались соответствующие органы. По воспоминаниям Никиты Кривошеина^{viii}, отбывавшего впоследствии срок вместе с о. Вячеславом, «на приходе в Вологде, проповедовал проникновенно, раздал несколько бердяевских книжек молодым людям, устраивал музыкальные вечера. Было в нём такое сильное «не наше», что долго ждать лагерного срока ему не пришлось». 27 февраля 1957 года священник Вячеслав Якобс был арестован КГБ по Вологодской области и отправлен во внутреннюю тюрьму при управлении КГБ, где около четырёх месяцев провёл под следствием.

При обыске просматривали каждую книгу и вырезку из газет, где на обратной стороне интересной статьи могла быть какая-нибудь антисоветская статья без начала и конца. Ничего существенного не нашли. Но всё это инкриминировалось как антисоветская агитация. В следственном деле из книг фигурировали «Христианство и классовая борьба» Бердяева, «Былина о Микуле Буяновиче» и ещё пара книг, содержание которых можно было истолковать как антисоветское.

Начались допросы. Был собран материал. Без конца на допросы вызывали разных свидетелей, в том числе – всех близких к батюшке, тех, кто часто бывал в гостях у священника. Иногда устраивались очные ставки и задавались провокационные вопросы.

Наконец состоялся суд. Обвинение было предъявлено по статье 58.10 «Хранение и распространение антисоветской литературы и клевета на советскую действительность», причём по второй её части, которая предусматривала 25 лет лишения свободы. Рассматривая дело, суд конста-

^{vii} Гавриил (Огородников Дмитрий Иванович, 1890–1971), архиепископ. В 1931 г. пострижен в монашество и рукоположен во иеродиакона. С 1933 г. иеромонах, служил в Китае. В 1948 г. хиротонисан во епископа Хабаровского и Владивостокского. В 1949–1959 гг. на Вологодской кафедре. С 1960 г. архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский.

^{viii} Кривошеин Никита Игоревич. Родился в 1934 г. в Париже. Общественный деятель, переводчик, писатель. В 1946–1971 гг. проживал в СССР. В 1957–1960 гг. был в заключении в Мордовских лагерях.

В мордовской деревне. 2007

тировал нарушение двух пунктов, которое адвокат опровергла, и их не смогли включить в обвинение. Суд переqualificировал обвинение со второй части на первую, и священника Вячеслава Якобса приговорили к десяти годам лишения свободы. После суда он был этапирован через московскую пересылочную тюрьму «Красная Пресня» в мордовские лагеря «Дубровка».

Отец Вячеслав отбывал заключение в сравнительно лёгкое время: не было ни пыток, ни избиений, ни изнурительных работ и голода. Все происходило в рамках законности. В бараках, где работали заключённые, было тепло, отсутствовали решётки на окнах, двери не запирались. Но заключение есть заключение – священник был лишён возможности быть среди род-

ных и близких. Матушка отца Вячеслава, Татьяна Петровна, нашла хорошего адвоката, который добился пересмотра дела, и срок сократили с 10 до 5 лет.

12 сентября 1960 года закончился срок заключения, и отец Вячеслав уехал к родным в Таллин, где был назначен настоятелем храма во имя Иоанна Предтечи. Он энергично взялся за дело. Предтеченский храм постепенно ветшал и к 1960 году был в плохом состоянии. Назрела необходимость сделать и внешний, и внутренний ремонт. Средств не было, поэтому церковь приводили в порядок постепенно. К концу 60-х годов ремонты закончили, но началась серия поджогов – всего храм поджигали четыре раза. Два поджога вылились в настоящие большие пожары. В первый раз, в

В одной из колоний Мордовии. Беседа с заключенными. 2007

1970 году, разбили стекло в алтаре, бросили четыре бутылки с бензином, подожгли. В алтаре сгорело все, кроме престола, все иконы, кроме одной – «Всех скорбящих радости». Эта икона сорвалась со стены, упала вниз ликом и, когда её подняли, оказалась совершенно неповреждённой. Из алтаря огонь начал перебираться в храм, но из идущей мимо электрички заметили пожар и вызвали пожарных. Второй пожар был в 1972 году. Разбили окно на лестничную клетку, ведущую на хоры и колокольню, из 10-литровой лейки вылили бензин и подожгли. Сила огня была такова, что стоявшая под лестницей купель для крещения, сделанная из очень толстого металла, расплавилась – осталась одна ножка. Огонь проник на хоры, а с хоров перешёл в храм. Алтарь на этот раз сохранился, но внутри храм выгорел сильно. Следующий пожар произошёл вскоре после окончания

наружного ремонта. Церковная касса была пуста, но горячо откликнулись верующие: немалую сумму собрали прихожане, жертвовали из других храмов, средства выделила Московская Патриархия, на просьбы о помощи откликнулись Пюхтицкий и Печерский монастыри. Были пожертвования из Троице-Сергиевой лавры.

В 1974 году во время астматического приступа скоропостижно скончалась матушка отца Вячеслава Татьяна Петровна. Здоровье её было подорвано ещё во время войны, когда она вместе с другими прихожанами таллинской Симеоновской церкви была арестована немцами за помощь русским военнопленным и отправлена в тюрьму^{ix}.

^{ix} 30 марта 1943 года немецкими оккупационными властями были арестованы протоиереи Иоанн Богоявленский и Георгий Алексеев, а также Валентина Русанова, София Серко, Александра

В 1990 году скончался Святейший Патриарх Пимен, а на его место был избран митрополит Таллинский и Эстонский Алексей. Вскоре после интронизации Святейший Патриарх приехал в Эстонию и предложил протоиерею Вячеславу Якобсу принять Эстонскую епархию.

Монашеский постриг отца Вячеслава, с именем Корнилий, был совершен в Псково-Печерском монастыре архимандритом Павлом (Пономаревым)^x, а восприемником стал архимандрит Иоанн (Крестьянкин).

15 сентября 1990 года состоялась хиротония архимандрита Корнилия во епископа Таллинского, которую совершили Патриарх Московский и всея Руси Алексей II, митрополит Гельсингфоргский Тихон^{xi}, епископ Тамбовский и Мичуринский Евге-

Часкина, Александра Рогозина, Лидия Тоомсалу, Пелагея Прохорова, Евдокия Егорова, Зинаида и Татьяна Соловьевы. Все они были обвинены в том, что 18 и 19 января 1943 года в Ревеле (Таллине) умышленно нарушали правила общения с военнопленными, утвержденные 11.03.1940 г. Протоиереи Иоанн Богоявленский и Георгий Алексеев были оправданы судом. А. Тоомсалу, как организатор сбора помощи пленным, была приговорена к четырём месяцам тюремного заключения. К двум месяцам заключения была приговорена З. Соловьева, остальных прихожан приговорили к денежным штрафам.

^x Павел (Понаморов Георгий Васильевич), митрополит. Родился в 1952 г. Окончил Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия. В 1978 г. пострижен в монашество и рукоположен во иеромонаха. В 1992 г. хиротонисан во епископа Зарайского, управляющего приходами в США и Канаде. 2003–2013 гг. на Рязанской кафедре. В 2011 г. возведён в сан митрополита. 25 декабря 2013 года назначен митрополитом Минским и Слуцким, Патриаршим экзархом всея Белоруссии.

^{xi} Тихон (Вейко Тайяка, 1928–2000), митрополит. В 1954 г. окончил семинарию и был рукоположен во священника. В 1962 г. окончил Сергиевский богословский институт в Париже. В 1984 г. рукоположен во епископа Йюэнсууйского, викария Карельской епархии Финляндской церкви.

ний^{xii}, епископ Новгородский и Старорусский Лев^{xiii} и епископ Тапаский Виктор^{xiv}. Время архиерейского служения владыки Корнилия пришлось на очень сложный исторический период. Распался Советский Союз. Эстония первой заявила о выходе из СССР и желании быть самостоятельным государством. Возникали совершенно новые проблемы. Перестраивалась вся жизнь, появились новые тенденции.

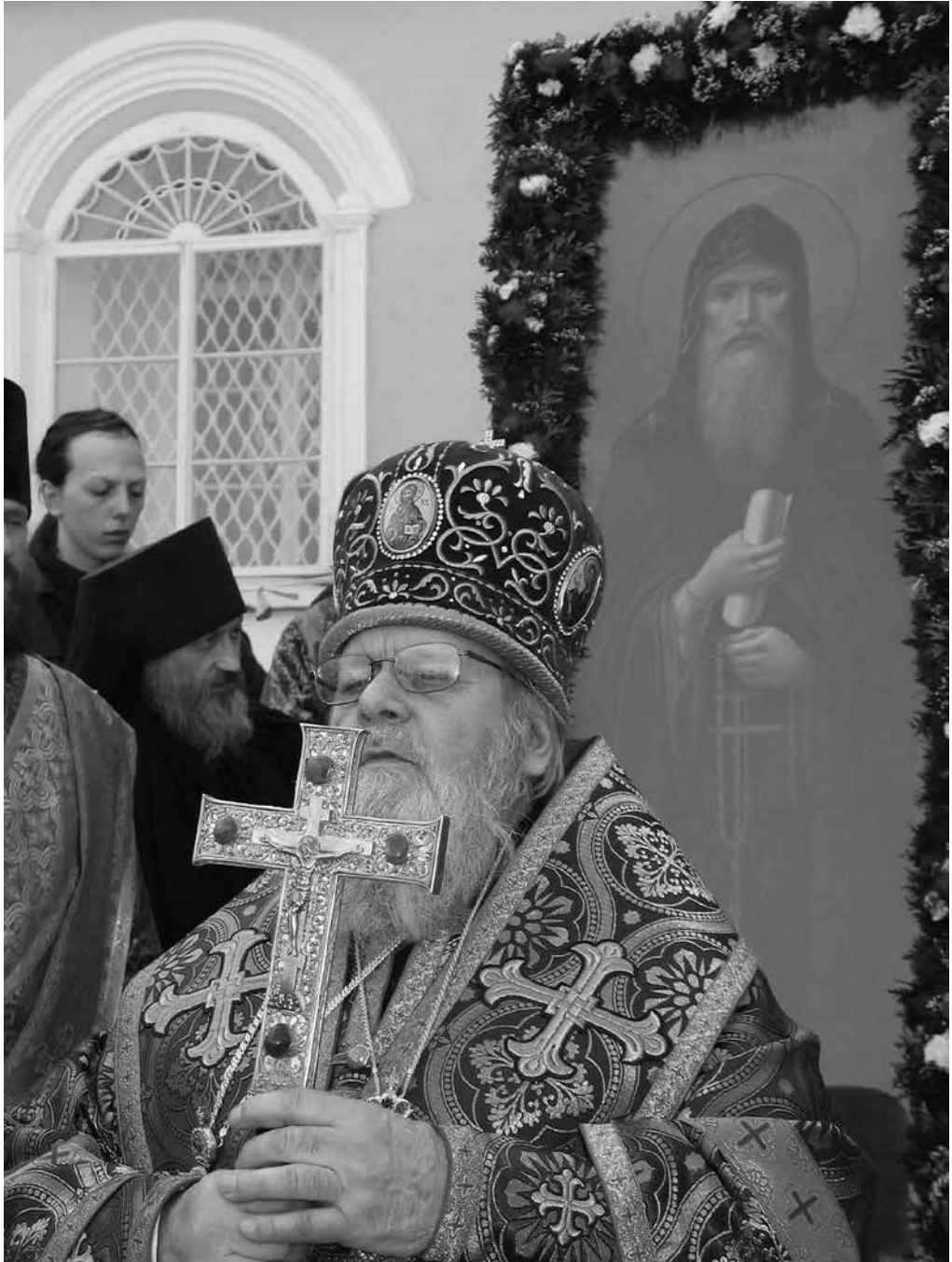
Эстонская Православная Церковь получила право самоуправления ещё Томосом Святейшего Патриарха Тихона в 1920 году, что было подтверждено Томосом Святейшего Патриарха Алексия в 1993 году. Но в том же 1993 году часть приходов, возглавляемых священниками-эстонцами, признала власть так называемого «Стокгольмского» Синода, а другая часть, преимущественно русские пастыри, сохранила верность Московскому патриархату, пребывая почти десять лет, по мнению властей, как нелегальная структура. Потребовались два Крестных хода, в 1995 и в 1996 годах, многочисленные обращения к различным

1988–1996 гг. митрополит Хельсинский. С 1996 г. на покое.

^{xii} Евгений (Ждан Евгений Борисович, 1942–2002), архиепископ. Окончил Ленинградскую духовную академию в 1976 г., кандидат богословия. В 1977 г. рукоположен во пресвитера, в 1985 г. пострижен в монашество. В 1987 г. рукоположен во епископа Тамбовского и Мичуринского. В 1991 г. возведен в сан архиепископа.

^{xiii} Лев (Николай Львович Церпицкий), митрополит. Родился в 1946 г. В 1971 г. пострижен в монашество и рукоположен в сан иеромонаха. В 1975 г. окончил Ленинградскую духовную академию, кандидат богословия. 1.10.1987 г. хиротонисан во епископа Ташкентского и Среднеазиатского. В 1990 г. переведен на Новгородскую кафедру. В 2012 г. возведён в сан митрополита.

^{xiv} Виктор (Пьянков Виктор Владимирович), епископ. Родился в 1944 г. в 1971 г. пострижен в монашество и рукоположен во иеромонаха. В 1977 г. окончил Московскую духовную академию. В 1990 г. хиротонисан во епископа Тапаского, викария Таллинской епархии. С 1999 г. на покое.

Во Псково-Печерском монастыре. 2008

государственным и общественным структурам. В конце концов своим необыкновенным героизмом и стойкостью владыка изменил отношение к Православной Церкви в государстве. С его словом стали считаться, и в 2002 году устав Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата был зарегистрирован.

Несмотря на все трудности, Церковь развивалась и строилась под руководством владыки Корнилия. Он был возведён в сан архиепископа в 1995 году, а в 2000 года митрополита Таллинского и всея Эстонии. Под его руководством были построены и освящены храмы в Нарве, Силламяэ, Маарду, Палдиски, Азери и Таллине. Были организованы воскресные школы для детей и взрослых при всех православных храмах Эстонии. Для детей был организован летний лагерь в поселке Нина, пользовавшийся особой любовью и покровительством митрополита Корнилия. Даже в своём завещании он просил не приносить ему на погребение никаких венков, а средства передать для организации летнего лагеря. Митрополит всегда сам сопровождал детей на отдых, ехал вместе с ними в автобусе: 40 ребятишек и архипастырь.

Владыка Корнилий не оставлял своего монашеского молитвенного правила до самых последних дней. Когда ему уже было тяжело читать, находил того, кто ему прочитает, но неопустительны были три канона и малое повечерие с канонами дня. Он всегда очень сосредоточенно молился за литургией. Если за вечерним богослужением он ещё мог дать какое-то распоряжение, решая неотложные дела, то за литургией

Пасха. 2018

никогда. Это отмечали многие гости, которые сослужили митрополиту: «Владыка молится и дает молиться другим».

Не смотря на все трудности, связанные с возрастом, владыка Корнилий до конца своих дней руководил Церковью. За час до своей кончины он беседовал по телефону с одним из членов Синода ЭПЦ МП и планировал вопросы, которые надо было обсудить на следующий день.

Божественную литургию и чин отпевания новопреставленного митрополита Корнилия в Александро-Невском кафедральном соборе Таллина совершили митрополит Волоколамский Иларион,

архиепископ Верейский Евгений, епископ Нарский и Причудский Лазарь, епископ Елгавский Иоанн и епископ Маардуский Сергей. Преосвященным архипастырям сослужило духовенство Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата, а также клирики, прибывшие из других стран. За богослужением молились Эстонской Апостольской Православной Церкви (Константинопольский Патриархат) митрополит Стефанос, епископ Илия (Константинопольский Патриархат), глава Эстонской Евангелическо-Лютеранской Церкви архиепископ Урмас Виильм, архиепископ-эмеритус Андрес Пыдер, настоятельница Пюхтицкого Успенского женского монастыря игумения Филарета.

Summary

Metropolitan of Tallinn and All Estonia, Cornilius (Jakobs), the oldest Archbishop of Russian Orthodox Church, passed away in spring 2018. He headed Estonian Orthodox Church of Moscow Patriarchate for more than 25 years, guiding it through the hardships of the collapse of the Soviet Union and restoration of independence of the Republic of Es-

В храме присутствовали представители Совета Церквей Эстонии, дипломаты ряда посольств, аккредитованных в Эстонии.

Митрополит Корнилий был похоронен на Александро-Невском кладбище Таллина, рядом с другими почившими архипастырями Эстонской Православной Церкви.

Отошел ко Господу виднейший иерарх Русской Православной Церкви. Видный именно своей жизнью во Христе, любовью к богослужению, молитвенным деланием, исповедническим подвигом в годину гонений на Церковь. Во многом именно под его влиянием сформировался дух современной Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата.

tonia. Under his leadership old churches were reconstructed and new ones built, Sunday schools for adults and children were opened. All his long life Metropolitan Cornilius dedicated to Church. During the Soviet period he was arrested and spent some time in prison, retaining pep, supporting other prisoners in those difficult conditions.

Татьяна Шор (Эстония)
Tatjana Shor (Estonia)

Архив бывших воспитанников Рижской духовной семинарии в Эстонии

Archive of former students of the Riga Orthodox Seminary in Estonia

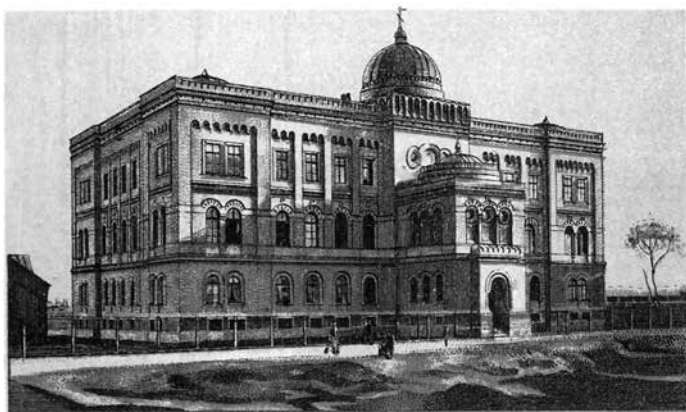
В центре внимания автора статьи – коллекция документов и воспоминаний бывших воспитанников Рижской духовной семинарии, хранящихся в Культурно-историческом архиве в Литературном музее Эстонии. Уникальность архива заключается в том, что он сформирован на основе личных материалов бывших семинаристов и включает переписку создателей фонда, их мемуары, историю училища, документы Клуба бывших семинаристов в Эстонии, их автобиографии и биографии. Из отдела «Воспоминания» рассмотрены материалы фондообразователей А. Хярма, Я. Кукк, А. Курвитс, А. Рянгель, И. Соль и Я. Юмарик.

В 1998 году Эстонский Литературный музей выпустил книгу доцента Тартуского университета Ану Раудсепп «Рижская духовная семинария 1846–1918»¹. В трёх основных главах говорилось об общей истории российских духовных учебных заведений, истории Рижского духовного училища и семинарии, а также о роли бывших семинаристов в формировании эстонской интеллигенции и их вкладе в развитие

культуры Эстонии. В первом приложении к текстам опубликовано 12 таблиц, в которых указано количество воспитанников-эстонцев в Рижской духовной семинарии по уездам с 1847 по 1918 гг. и количество семинаристов, продолживших образование в высших и средних учебных заведениях (эстонцев и русских), а также их социальный состав. Второе приложение представляет собой список воспитанников училища и семинарии с 1846 по 1918 гг. с краткими биографическими справками, собранными в фонде². В. Паатси, в обширной рецензии на монографию, подчёркивал востребованность и актуальность именно второго приложения монографии, хотя и отмечал неполноту источниковедческой базы при составлении биографических справок,

¹ В список включены сведения о 932 учениках, причем Виктор Шмидт упомянут дважды. В. Паатси обращает внимание на неполноту списка, в который, по крайней мере, не вошли ещё 33 воспитанника. По утверждению, в целом эстоноземельцев было около 1000. См.: Paatsi, Vello (2000). Riia vaimuliku seminari radadel, lk. 1092–1093.

А. Курвитс, А. Рянгель, И. Соль, Я. Юмарик), варианты истории семинарии нескольких авторов (А. Бирк, А. Элиазер, П. Веэво, М. Вильбасте), материалы Клуба рижских семинаристов 1930-х гг., в том числе Устав³, а также списки и алфавит учащихся-эстонцев⁴. Значительную часть архива занимают биографические данные воспитанников Рижского духовного училища

SEMINAR.

Здание Рижской духовной семинарии. 1900

и семинарии, собранные в разное время А. Бирком, А. Кальюкоском, Я. Кукком, П. Веэво (всего ок. 3000 листов), коллекция фотографий и вырезок из газет⁵.

Кратко остановимся на собрании воспоминаний, составляющих значительный блок архива.

Двухтомные машинописные мемуары Антона Хярма насчитывают 1008 страниц и называются «Tuled sudus» (Загорятся огни)⁶. Антон Хярма (до 1936 года Герман, 1896–1979) – представитель последних выпусков Рижской духовной семинарии⁷. Он родился в семье сельского причетника-учителя Антона Германа. О высоком уровне преподавания в Рижской духовной семинарии, которую Антон Хярма окончил в 1917 году, свидетельствует тот факт, что автор ещё до поступления в Тартуский университет издал учебник латинского языка⁸. С 1921 года он учился на философском, а в 1928 году успешно закончил юридический факультет университета. В дальнейшем Хярма/Герман посвятил всю жизнь педагогической деятельности: работал дирек-

тором Пайдеской гимназии (1932–1938), Вильяндиской 2-й средней школы (1940–1949), руководил торговой школой в Вильянди. В период Первой Эстонской Республики А. Хярма избирался в 4-й состав эстонского парламента (Рийгикогу), был автором-составителем нескольких латинских учебников, словарей, писал пьесы для детей. В 1949 году он был переведён на работу в Таллинн в школу для трудных детей. Выйдя на пенсию в 1963 году, Хярма принял активное участие в сборе материалов по истории Рижской духовной семинарии и о её бывших воспитанниках. В это же время он обратился к написанию воспоминаний о детстве в эстонской деревне, учебе в Риге, о жизни в самостоятельной Эстонии.

Любопытно, что в заметке, посвящённой 20-летию педагогической деятельности А. Хярма «20 лет на ниве просвещения» в 1938 году⁹, его учеба в Рижской духовной семинарии вообще не упоминается, а уж тем более об этом нельзя было писать в советский период^{iv} или иметь надежду на публикацию. К счастью, эти воспоминания

пенсии занялся историей Рижского духовного училища и семинарии. – Rahvusarhiiv. F. ERA.33, n. 2, s. 2807; F. EAA.2100_ n. 1_ s. 6134; Raudsepp, Anu (1998) Riia vaimulik seminar, lk. 111.

^{iv} В автобиографии от 6 апр. 1945 года А. Хярма не упоминает о своей учёбе в Рижской духовной семинарии. См. : Rahvusarhiiv. F. ERAF.19, n. 9, f. 60. A.7–7p.

Епископ Рижский и Митавский Серафим (Протопопов), 1874–1877

Епископ Рижский и Митавский Филарет (Филаретов), 1878–1882

Ректоры РДС Епископ Рижский и Митавский Вениамин (Карелин), 1866–1874

Смотритель РДС Рупперт Адриан Иванович (1837–1907)

Карп Тийзик (1843–1922), преподаватель эстонского языка, пения и философии, 1866–1872

Архимандрит Герасим (Яред), 1882

Михаил Суйгусаар (1842–1916), преподаватель эстонского языка, 1868–1897

Якоб Линденберг (1840–1898), лектор русского языка и литературы в РДС, 1864–1865

не пропали и ждут своего комментатора и публикатора.

Кроме двух тетрадей воспоминаний уже упомянутого выше Яна Кукка¹⁰, следует отметить мемуары Александра Курвитса (1896–1958), эмигрировавшего в 1944 году в Германию и с 1948 года жившего в Канаде¹¹. Его мемуары интересны тем, что он вместе с Рижской духовной семинарией в июне 1915 года был эвакуирован в Новгородскую губернию. Окончив 5-й класс семинарии, в 1917 году он до оптации в Эстонию сдал гимназические экзамены, учился на высших курсах и даже один год в университете. В дальнейшем работал старшим конторщиком Лычковской лесной разработки, проживая в эстонском поселке Кневицы¹². Поскольку отец его был лютеранином, а мать православной, то семинария была лишь ступенькой к получению среднего образования, и вся его дальнейшая жизнь никак не связана с православной церковью. После окончания юридического факультета Тартуского университета в 1926 году Курвитс работал в Министерстве просвещения и был ответственным секретарём издаваемых при министерстве известий. В эмиграции крестьянствовал, работал садовником, а с 1951 г. до смерти был служителем в школе в Торонто¹³.

Самыми объёмными являются 9-томные (более 2000 стр.) воспоминания Александра Рянгеля (1891–1985)¹⁴, прожившего долгую и интересную жизнь¹⁵. Он принадлежит к чуть более старшему поколению эстонских воспитанников-семинаристов, хотя годы учебы в семинарии все же падают на начало XX века¹⁶. Окончив в 1909 году 4 класса Рижской духовной семинарии, до революции он успел окончить Юрьевский ветеринарный институт и пару лет проучился на медицинском факультете императорского Юрьевского университета. В Эстонской Республике Рянгель работал по второй специальности, будучи ассистентом

Терапевтической клиники (1918–1919), ветеринарным врачом эстонской армии, доцентом ветеринарного отделения Тартуского университета (1920–1934) и редактором журнала «*Agrooomia*». Его авторству принадлежит несколько книг по уходу за лошадьми и их лечению. Кроме того, он являлся составителем популярных ежегодных сельскохозяйственных календарей (1923–1943). В советское время, будучи инвалидом 2-й группы, в 1948 году А. Рянгель вышел из рядов ЭКП (б)¹⁷, получил персональную пенсию и писал мемуары.

Иоганнес Соль (1886–1981), в отличие от предыдущих авторов, в 1918 г. окончил Рижскую духовную семинарию, но не закончил Тартуский университет, в котором с перерывами учился на юридическом факультете в 1931–32 и в 1935 годах¹⁸. В 1920-е гг. учительствовал в сельских школах, с 1930 г. преподавал эстонский язык в Тарту, выйдя на пенсию в 1957 году, написал мемуары¹⁹. Небольшая глава, посвящённая учебе до получения гимназического аттестата, стала причиной помещения воспоминаний И. Соля в фонд «Рижское духовное училище и Рижская духовная семинария».

Наконец, уже после формирования основного архива, в Литературный музей поступили воспоминания Яака (Яков Иванович) Юмарика «Несколько странствий по дорогам родины и вне ее по всему миру»²⁰. Яков Иванович Юмарик (1891–1981) прожил долгую и интересную жизнь. Он был единственным из перечисленных выше мемуаристов, кто после окончания РДС в 1912 году служил причетником в Рижской духовной консистории, так как это давало освобождение от армии^v. В следующем году

^v Его старший брат Иоганнес Юмарик (1888–1984) в семинарии не учился, но сдал дьяконский экзамен при Рижской консистории. Был дьяконом, священником (1920), затем протоиереем (1962) в Таллинне, Пярну и других православных церквях Эстонии. Несмотря на депрессию,

Яан Йыгевеер (1860–1924), окончил РДС в 1883, филолог, журналист, цензор, лектор эстонского языка в Тартуском / Юрьевском университете, профессор, 1919–1924

Андрей Рамуль (1842–1926), выпускник РДС, протоиерей, духовный композитор, настоятель Таллиннского Преображенского храма

Николай Лейсман (1862–1947), окончил РДС в 1883, епископ Николай, настоятель Печерского монастыря (1932–1940)

Николай Лусик (1860–1921), окончил РДС в 1884, член общества пения «Иманта»

Антоний Оргусаар (1862–1930), окончил РДС в 1884, протоиерей, благочинный в Вирумса

Карл Хеллат (1862–1935), юрист, председатель петербургского Общества эстонских студентов

Денис Варес (1859–1925),
вышел из семинарии
в 1882, окончил
Петербургский
университет, юрист

Священномученик
Николай Симо, пресвитер
Кронштадтский (1875–1931),
выпускник РДС 1894 года,
настоятель эстонского
Крестовоздвиженского
прихода в Кронштадте

Священномученик
Платон, епископ
Ревельский (1869–1919),
окончил РДС в 1896 г.

он поступил на агрономический факультет Киевского политехникума, получив в 1915 году стипендию Бергмана²¹. Затем работал агрономом в Таллинне, в годы гражданской войны оказался в Сибири, откуда в 1919 году на поезде и корабле, обогнув вокруг света, вернулся в Эстонию. На родине он руководил Харьюским народным университетом, работал в министерстве сельского хозяйства, в 1940–1944 пережил советскую и немецкую оккупации, работая, где придётся. После окончания Второй мировой войны Юмарик работал в Научно-опытном институте Академии Наук ЭССР в Куузику, откуда угодил в бессрочную ссылку в Сибирь. Вернувшись в Эстонию из ссылки, вновь работал агрономом и написал историю своей непростой жизни. Воспоминания об учёбе в Рижской Духовной семинарии занимают чуть более 40 страниц машинописного

он, вернувшись из ссылки в 1956 году, продолжил священнослужение. См.: Sõtšov, Andrei (2008). Eesti Õigeusu Piiskopkond Nõukogude religioonipoliitika mõjuväljas 1954–1964. Tartu: TÜK, lk. 193

текста²², написаны они занимательно и с большой симпатией. Автор рассказывает о своём первом вступительном экзамене, останавливается на истории училища и семинарии, перечисляет учебные предметы, которые преподавались будущим служителям церкви. Интерес представляют главы о досуге семинаристов, о книгах и журналах, которые читались в её стенах. Владелец прекрасного голоса, Юмарик особо акцентирует внимание на преподавании музыки и пения. Он отмечает, что воспитанники семинарии занимались не только зубрежкой, но и учились вести дискуссии и споры. Для развлечения можно было посещать театры, концерты, ставить любительские спектакли. Большое впечатление на юношу Юмарика произвели гастроли в Риге московского Никитского театра оперетты Е. В. Потопчиной, о которых он вспоминал даже много-много лет спустя²³.

Мемуарист пишет, что помимо всего прочего в программе семинарии были предусмотрены и занятия спортом. По сравнению с бедной жизнью дома, здесь у воспитанников «был и стол и дом», и,

по словам автора, если сравнивать современную форму учащихся от государства в профучилищах, то одежда семинаристов была не в пример лучше²⁴. Карманные деньги водились, если удавалось разжиться частными уроками. Газеты и журналы, выписываемые семинарской библиотекой, читали все, наряду с этим процветали игра в карты и курение. Разумеется, несмотря на запреты, учащиеся интересовались политикой, споры о ней помогали формированию характера и развивали самостоятельное мышление. Юмарик особо отмечает заслугу семинарии в изучении эстонского и латышского языков и предоставления возможности чтения литературы на родном языке. Автор резонно замечает, что те, кто имел склонность к пению, каллиграфии и развитию духовных интересов, имели воз-

можность в стенах семинарии углубленно заниматься этими предметами под наблюдением квалифицированных наставников.

В январе 1912 года вместе с Яковом Юмариком семинарию закончили эстонцы К. Тинтс, Н. Окас, латыши – Аболин, Денкнис, Ротберг, Шмидт, русские – Смирнов, Саблинский и И. Шахов. Из них Тинтс стал протоиереем (1936), а рано скончавшийся Окас до смерти в 1923 году служил причетником и учителем в приходе Пенуя²⁵.

В заключение скажем: все воспоминания написаны на эстонском языке, но при составлении в будущем научной истории Рижского духовного училища и Рижской духовной семинарии они, без сомнения, должны быть приняты во внимание.

Summary

The article reviews the collection of documents and memoirs of Riga Orthodox seminary students from the funds of the Cultural and Historical Archive of the Estonian Literary Museum. The uniqueness of the archive lies in the fact that it is formed on the basis of personal materials collected by former seminarians and includes correspondence,

memoirs, history of the school, materials of the Club of former seminarians in Estonia, their autobiography and biography. From the part of the archive «Memories» reviewed the materials of the founders Anton Härma, Jaan Kukk, Alexander Kurvits, Alexander Rängel, Johannes Soll and Jaak Ümarik.

Reference list

- 1 Raudsepp, Anu (1998). Riia vaimulik seminar 1846–1918. Tartu, 158 s.
- 2 Kirjandusmuuseumi Eesti Kultuurilooline Arhiiv = КМ ЕКЛА f. 296 Riia Vaimulik Kool ja Riia Vaimulik Seminar, 1903–1980. 55 s.; Raudsepp, Anu (1998). Riia vaimulik seminar. Lk. 9–12.
- 3 КМ ЕКЛА f. 296, s. 21: 1 Riia seminaristide klubi põhikiri 5 lk.
- 4 КМ ЕКЛА f. 296, s. 21: 2 Riia seminaristide nimekirjad 1924–1925, 1953, 1965, 1973 15 lk.; s. 21: 3 Kasvandike tähestik – 41 lk.; s. 21:4 RVK ja RVS kasvandike õppeedukuse järgu-nimekirjad; s. 28: 2 Veevo, Peeter. RVK ja RVS-I kasvandike nimekiri. 152 lk., 1968.
- 5 КМ ЕКЛА f. 296, s. 21: 6 Pildimaterjal (ajalehtedest). 56 lk.
- 6 КМ ЕКЛА f. 296, s. 3: 1 Härma, Anton. Tuled sudus (Mälestused I), masinakiri. 384 lk. s.; 4: 1 Härma, Anton. Tuled sudus (Mälestused II), masinakiri. 624 lk.
- 7 Rahvusrarhiiv, F. EAA.2100, n. 1, s. 2792; F. EAA.2100, n. 1a, s. 62; Raudsepp, Anu (1998). Riia vaimulik seminar. Lk. 102; Luik, Tiiu (2006). Anton Härma oli pedagoog ja humanist // Sakala, 8. juuni.
- 8 Herman, Anton (1919). Lectiones. Viljandi: T. Huntis, 100 p. (Lingua Latina)

- 9 Anton Härma 20 aastat koolipõllul // Järva Teataja (1938). 28. veebr. Nr. 25.
- 10 KM EKLA F. 296, s. 5: 1 Kukk, Jaan. Mälestused I. 243 lk. 2). Kukk, Jaan. Mälestused II. 62 lk.
- 11 KM EKLA F. 296, s. 6: 1 Kurvits, Aleksander. Memuaarid. 208 lk.
- 12 Rahvuaarhiiv, F. ERA.28, n. 2, s. 7223 Aleksander Jaagu p. Kurvits.
- 13 Rahvuaarhiiv, F. EAA.2100, n. 1, s. 6395 Kurvits, Aleksander (matrikli nr. 2452); Raudsepp, Anu (1998). Riia vaimulik seminar. Lk.112.
- 14 KM EKLA F 296, s. 6: 2 Rängel Aleksander. Mälestused I. 169 lk.; s. 7: Rängel Aleksander. Mälestused II. 190 lk. 2) Rängel Aleksander. Mälestused III. 142 lk.; s. 8: Rängel Aleksander. Mälestused IV. 213 lk.; s. 9: Rängel Aleksander. Mälestused V. 279 lk.; s. 10: Rängel Aleksander. Mälestused VI. 414 lk.; s. 11: Rängel Aleksander. Mälestused VII. 285 lk.; s. 12: Rängel Aleksander. Mälestused VIII. 209 lk.; s. 13: Rängel Aleksander. Mälestused IX. 303 lk.
- 15 Rahvuaarhiiv, F. EAA.404, n. 1, s. 3190 Rjangel', Aleksandr Vasil'evich; F. EAA. 384, n. 1, s. 3409 Rjangel' Aleksandr Vasil'evich, assistent kliniki Jur'evskogo Veterinarnogo instituta, 1915–1917; F. EAA.2100, op. 2b, d. 71 Rängel, Aleksander 1919–1934, 1950, 1957; F. EAA.2100, n. 3, s. 478 Rängel, Aleksander 1918–1919; Ridala Vassil (1971). Aleksander Rängel kaheksakümnene // Edasi, 23. mai; Ridala (1981), V. Aleksander Rängel 90 // Edasi, 23. mai; Raudsepp, Anu (1998). Riia vaimulik seminar, l.134.
- 16 Coja, Sergej (2018). Pravoslavnye duhovnye uchebnye zavedenija Rizhskoj eparhii v nachale XX veka. Rizhskaja duhovnaja seminarija // Latvijskij pravoslavnyj hronograf. Vyp. 3. Riga: Sinod LPC, p. 20–47.
- 17 Rahvuaarhiiv, F. ERAF.12, n.12, s.1731 Personaltoimik Rängel Aleksander Villemi pg. 1948.
- 18 Rahvuaarhiiv, F. EAA.2100, n. 1, s. 14881 (matrikli nr.11638); Raudsepp, Anu (1998). Riia vaimulik seminar. Lk.138.
- 19 KM EKLA f 296, s. 14: Soll Johannes. Mälestused. 89 lk.
- 20 KM EKLA f 296, s. 22: 1 Ümarik, Jaak. Paar sammukest rändamise teed mööda kodumaa välju ja maailma radu. Mälestused. Masinakirja. 354 lk
- 21 Rahvuaarhiiv, F. EAA.2105, n. 1, s. 1015. Ümarik Jakob Juhani pg. Kiievi polütehnikumi üliõpilane.
- 22 KM EKLA f 296, s. 22: 1. Lk. 26–70.
- 23 Ibid. Lk. 42.
- 24 Ibid. Lk. 51.
- 25 Ibid. Lk. 69–70; Raudsepp, Anu. Riia vaimulik seminar (1998). Lk.123, 139, 142.

Мемуары

Memoirs

Немного воспоминаний о Рижской духовной семинарииⁱ

Some memories of the Riga Orthodox Seminary

СТАРЫЙ СЕМИНАРИСТ

Всё никак не затихают тенденциозные утверждения, что якобы православные священники были в своё время проводниками русификации и православные школы осуществляли эту политику. В 8 – 9 номере журнала «Uus Elu» (Новая жизнь)ⁱⁱ за этот год появился по этому поводу сильный, абсолютно правдивый и обоснованный про-

тестующий ответ. Это напомнило кое-что о бывшей Рижской семинарии, которая, конечно же, считается главным рассадником русификации.

Рижское духовное училище было открыто по императорскому указу 1 сентября 1847 года; с 1851 оно стало называться семинарией. Ни в указе об открытии, ни в более поздних законодательных постановлениях и руководствах касательно школы нигде нет ни слова, что она среди прочего должна заниматься русификацией. Везде выражалось одно и то же, что здесь воспитываются свои священники для православной паствы края. Слово «русская» в названии семинарии не содержится. В актах именуется «Рижским эсто-латышским училищем»ⁱⁱⁱ, и это название соответствовало тому, что было в этой школе, так как в неё принимались 2/3 эстонцев и латышей, и, между прочим, обучали всех, в том числе и русских (1/3), латышскому и эстонскому языкам, учитывая интересы местного простого крестьянства.

ⁱ Предлагаемые воспоминания анонимного автора хранятся в архиве воспитанников Рижской духовной семинарии из Эстонии в Эстонском литературном музее в виде вырезки из журнала «Uus Elu» (Новая жизнь; Kirjandusmuuseumi Eesti Kultuurilooline Arhiiv = KM EKLA F. 296 Riia Vaimulik Kool ja Riia Vaimulik Seminar). В оригинале: Mõned mälestused Riia waim. Seminarist (1928) // Uus Elu, nr. 12, lk. 4–8. Перевод с эстонского и комментарии Т.К. Шор.

ⁱⁱ Речь идет об опубликованной в журнале «Uus Elu» редакционной статье «Waimulikudest wahekordades (Об отношениях между духовенством), в которой затрагивается вопрос о взаимоотношениях преобладающей в Эстонской Республике лютеранской церкви и автономной с 1924 года ЭАПЦ, которую до сих пор в эстонской печати именовали Русской церковью. (Uus Elu. 1928. Nr. 8/9. Lk. 2–7). Журнал «Uus Elu» как орган Эстонской апостольской православной церкви выходил с 1918 по 1933 гг. До 1928 года бессменным ответственным редактором был выпускник РДС Антон Лаар (1885–1933). Постоянными корреспондентами журнала были митрополит Александр, протоиерей Николай Пятс. С 1929 года издание переместилось в Валгу.

ⁱⁱⁱ Указ об основании Рижского духовного русско-латышско-эстского училища был подписан 11.02.1846 г., занятия начались 1 сентября 1947, днём основания семинарии считается 1 (14) октября 1851 года – праздник Покрова Пресвятой Богородицы. См.: Цоя, Сергей. Православные духовные учебные заведения Рижской епархии в начале XX века. Рижская духовная семинария // Латвийский православный хронограф. Вып. 3. Рига: Синод ЛПЦ, 2018. С. 20.

Историю России уже давно выкинули из программ первых классов, а когда она преподавалась, то делался акцент на местной истории исконного народонаселения. Предмет внесли в программу по предложению ректора Петербургской духовной академии епископа Иоанна^{iv} для того, «чтобы приходские священники, живя среди эстов и латышей лучше могли развить их национальное чувство». Эти слова характерны для епископа Иоанна, с этим согласилось и его начальство. Одновременно с этим предложением епископ Иоанн подчеркнул значение изучения в училище эстонского и латышского языков.

Сразу же с первого класса изучался немецкий язык, который в программе обозначался как язык власти края.

Местные власти всё же выступали против училища и, смотрите, как родилось совершенно невероятное положение. Подбор учеников поначалу был в компетенции орднунгсгерихтов^v, и с этим было связано большинство слухов о том, что училище – это военное заведение, что в Лифляндии едва ли найдётся и десяток человек, кто хотел бы за казённый счет отдать своих детей в такую школу. Рижский судья орднунгсгерихта нашёл всего одного мальчика, да и тот был глухой. Но через некоторое время право посылать детей в училище получили священники, и интерес народа к школе сразу же возрос.

В 1870 году училище разделили на духовное училище – начальную школу и духовную семинарию – среднюю школу.

Через некоторое время в программе семинарии, поначалу согласованной с про-

граммами других духовных семинарий, наметились расхождения с тем, чтобы дать возможность окончившим семинарию получать высшее образование.

Все-таки уже ранее наиболее одарённых выпускников посылали продолжать образование в духовные академии, после окончания которых они возвращались обратно в свою семинарию, где их назначали руководителями и педагогами. Но большинство семинаристов шли из семинарии на церковные должности в гущу народа. Из старших семинаристов и воспитанников академии, кто остался в духовном звании, я знаю протоиереев М. Суйгусаара, К. Тийзика, Я. Линденберга, А. Рамуля, а также священников братьев Н. и К. Пранц, Е. Кюппара и А. Сооме, которые всегда были друзьями и защитниками народа^{vi}.

Я учился в Риге в 1873–1883 годах. Во время моей учёбы к преподавателям-уроженцам края принадлежали: заведующий духовным училищем латыш А. Рупперт^{vii}, ректор семинарии латыш магистр

^{vi} С 1847 по 1884 гг. в РДС работало 34 учителя, из них 11 эстонцев. Суйгусаар Михаил (1842–1916) окончил Московскую духовную академию в 1868 г., цензор, священник, протоиерей. Тийзик Карп (1843–1922) окончил Московскую духовную академию в 1870 г., священник, проф. теологии Тартуского университета 1919–1922 гг. Линденберг Якоб (1840–1898) окончил Московскую духовную академию в 1864 г., преподаватель русского языка и литературы в РДС, цензор. Рамуль Андрей (1842–1926) окончил РДС в 1869 г., протоиерей таллиннского Преображенского храма. Священники: Пранц Николай (1845–1899), Пранц Каллиник (1843–1901), Кюппар Ефим (1837–1894), Сооме Андрес (1834–1919). Здесь не упомянуты Дионисий Тамм, Петер Михкельсон, Георг Тоотс. Подр.: Raudsepp, Anu. Riia vaimulik seminar. Lk. 29–30.

^{vii} Рупперт Адриан Иванович (1837–1907) окончил РДС и Московскую духовную семинарию, преподаватель русского языка и литературы в РДС (1864–1972), смотритель РДС (1872–1899), цензор. См.: Сидяков Ю. (2004). А.И. Рупперт // Покровское кладбище. Слава и забвение / Сост.

^{iv} Архиепископ Иоанникий (Иван Семенович Горский, 1810–1877), и.д. ректора СПб духовной академии 1950–1854 гг.

^v Ordnungsgericht – местные сословные расправные суды, действовавшие в Лифляндской губернии в Риге и в Дерпте (Тарту) до судебной реформы 1889 года.

М. Дрекслер^{viii} и инспектор эстонцев магистр П. Михкельсон^{ix}, а также М. Суйгу-саар, П. Метс и Ю. Рийс^x – все с академическим образованием. Мы чувствовали чуть ли не родство с ними, они, по-видимому, тоже за нами наблюдали, как за своими. Два преподавателя С. Смельский и Н. Полетаев^{xi} – русские – были воспитанниками нашей семинарии, так же, как и ректор – хороший и кроткий епископ Вениамин^{xii}, который, кажется, школьными делами занимался немного.

В первом классе духовного училища у нас сначала случались щекотливые истории. Было трудно с русским языком пре-

С. Видякина. С. Ковальчук. Рига: Multicentrs, с. 85–86.

^{viii} Дрекслер Михаил Михайлович (1840–1885) начал работу в семинарии с 1862 года, ректор РДС 1870–1881 гг., ректор в Псковской духовной семинарии с 17.08.1881 г. См.: Видякина С. (2004). М.М. Декслер, ректор Духовной семинарии // Покровское кладбище. Слава и забвение, 47–48.

^{ix} Михкельсон Петр Мартынович (Mihkelson Peeter, 1842–1914) окончил Ст.-Петербургскую духовную академию в 1867 г., магистр богословия 1871 г. Член педагогического правления и инспектор РДС до выхода на пенсию. Издатель богослужебных книг на эстонском языке, автор азбуки для эстонцев.

^x Метс Петр (Mets Peeter, 1843–1902) окончил Ст.-Петербургскую духовную академию в 1873 г., сдал магистерский экзамен, но не представил к защите диссертацию. Преподавал историю церкви, библейскую историю, греческий и эстонский языки с 1873 г. Помощник цензора эстонской литературы 1879–1902 гг. Георгий Рийс (Riis Jüri, 1843–1883) окончил ПДА в 1870 г., был инспектором и преподавателем философии в РДС. См.: Raudsepp, Anu (1998). Riia vaimulik seminar, lk. 119, 133.

^{xi} Смельский Сергей (ум. ок. 1882) окончил РДС, преподавал литературу в 1870–1877 гг. Полетаев Николай (1846–1888) окончил Ст.-Петербургскую духовную академию в 1871 г., лектор РДС в 1871–1879 гг.

^{xii} Вениамин (Василий Матвеевич Карелин, 1824–1874), епископ Ревельский в 1866–1870 гг., епископ Рижский и Митавский в 1870–1874 гг.

подавания, но особенно неприятным это представлялось для слабых учеников. Сильные и старшие воспитанники справлялись с этим просто. Воспитанники, познакомившись, образовывали национальные группировки. Русские в нашем классе были слабее, как по силе, так и в учебе, они держались в сторонке. Большинство эстонцев и латышей входили в главенствующие группы. Но между ними бывало также что-то закипало, вызывая предъявление старых счетов, которые, как известно, достались нам ещё от наших предков. Больше всего чувствовалось это в крови у эстонцев, но они не были заводилами. Латыши, да, были заносчивыми, чувствуя себя дома хозяевами по отношению к пришедшим чужакам, высмеивали и задирали эстонцев. Приходилось иногда серьёзно выяснять отношения. Помню борьбу, которая в нашем классе навсегда установила равновесие.

Среди эстонцев нашёлся сильный воспитанник, которого прозвали слонем. Своей силой он никогда не пользовался в дурных целях. Однажды стая латышей начала над ним насмехаться. Силач крепился до последнего. В конце концов он не выдержал: вышел из-за стола, снял ремень и начал размахивать им над насмешниками. Некоторые из них получили серьёзный урок. Случилось, что одному пряхка угодила точно в лоб и надолго оставила круглую отметину как напоминание о драке. Вся стая разбежалась, и с этого времени эстонцы в классе стали верховодить. Эта мальчишеская драка вряд ли подходит для серьёзной статьи, но она сама собой всплыла в памяти, потому что именно тогда вид справедливого наказания обидчиков повлиял на пробуждение национального чувства. В дальнейшем вспышки в национальных отношениях поутихли и все жили одной семьёй.

В семинарии юноши осознали, что детство прошло и вдруг начался новый серьёз-

ный жизненный этап. Здесь мы жили достаточно свободно. Уроками не докучали. Оставалось много свободного времени. Под влиянием преподавателей и побуждаемые родителями мы его посвящали, в основном, чтению и наукам, духовным и насущным проблемам, которые обсуждали в своей среде.

В школе было две библиотеки, но список «обязательно рекомендованных книг» никак не устраивал. Мы жаждали того, чего в семинарских библиотеках не было, а не рекомендованных книг, которые либо считались трудными для нашего понимания, либо ещё по каким-то иным причинам. Для этого нам нужны были деньги. Но где их взять? В 1879 году наш класс нашёл выход. Среди воспитанников было много курильщиков. Для покупки курева одним старшеклассником была образована «курительная рентерай» (нем. *Renterei* – казна – *Т.Ш.*). На этом он прилично заработал и на доходах от кассы очень любил побаловаться сладким чаем с сахаром, из-за чего получил прозвище «Самовар». Мы объявили бойкот семинарскому Самовару и образовали курительную монополию, чьи все доходы шли на покупку книг в тайную библиотеку. Монополия удалась и библиотека была основана. Она росла и немало способствовала самостоятельному развитию воспитанников в течение десятков лет.

В это же время в семинарии произошли значительные изменения. После епископа Вениамина начальником семинарии был такой же спокойный епископ Серафим^{xiii*}, которого переместили в Самару, а вместо него в Ригу назначили ректора Киевской духовной академии епископа Филаре-

та II^{xiv*}. С новым ректором в семинарию пришли новые веяния. Все местные преподаватели и вообще местные из семинарских воспитанников попали под подозрение. Ректора Дресслера отправили во Псков. Суйгусаара назначили к Пярнуской церкви. Полетаева отправили священником к Суйслепской церкви. Только инспектор Михкельсон остался преподавателем. Рийс и Смельский сами отправились в мир иной. Вместо них назначили, кроме ректора Герасима^{xv}, всех русских из России.

Воспитанники поняли, куда ветер дует, и выказали некоторым из них своё отчуждение, а некоторым просто враждебность. В семинарии назревали беспорядки. В связи с этим был назначен новый ректор [Герасим – *Т.Ш.*] и перемещён инспектор. Инспектор Брондеров^{xvi} был на самом деле очень неудовлетворительной, беспомощной личностью, но ректор был добродушным и справедливым руководителем, который пытался сблизиться с воспитанниками, заботясь об их пропитании и вообще о содержании. Все же семинаристы его не приняли за то, что именно он был назначен вместо Дресслера.

Позже мне стало известно о его письмах обер-прокурору Синода, которые он писал из Сирии, куда был избран Селевкийским митрополитом, о том, что он сам, чтя свою

^{xiii} Серафим (Семен Иванович Протопопов, 1818–1891), епископ Рижский и Митавский в 1874–1877 гг. См.: Сахаров С.П. (1937). Рижские православные архипастыри за сто лет (1836–1936). Краслава, с. 27–30.

^{xiv} Филарет (Михаил Прокопьевич Филаретов, 1824–1882), ректор и профессор Киевской духовной академии в 1860–1877 гг., епископ Рижский и Митавский в 1878–1882 гг., как глава епархии возглавлял РДС.

^{xv} Ректором РДС вместо Дресслера в 1881 году был назначен выпускник Ст.-Петербургской духовной академии, бывший ректор Псковской духовной семинарии, архимандрит Герасим (Яред, 1840–1899), араб по национальности. В следствии конфликта с Филаретом он подал в отставку и в 1882 году покинул Ригу. Вместо него 28.02.1883 г. ректором был назначен Николай Иванович Дмитриевский.

^{xvi} Брондеров Николай Иванович, инспектор РДС 27.01.1882–1883.

национальность, уважает и чувства других национальностей. Стремления к русификации мы в нём не заметили.

Всё же среди новых преподавателей возникла группа, которым дух местных семинаристов не нравился. Они начали действовать привычным в этом направлении способом: писать и представлять рапорты начальству. Да и в печати появились кое-какие писания. Я не знаю, как это подействовало на начальство, но, кажется, в том смысле, чтобы бывших своих семинаристов сюда больше учителями не назначать. Во всяком случае нам об этом ничего не известно. Может быть, так оно и было, впрочем, воспитанники жили своей жизнью и действовали самостоятельно. Наоборот, могу сам засвидетельствовать, что именно из-за возникшего положения, национальное чувство, разбуженное в это время К. Р. Якобсоном с его «Сакала»^{xvii}, дало толчок тому, что у эстонцев-семинаристов резко стало возрастать национальное самосознание. Это подтверждает следующая история.

Именно в этот период в стенах семинарии зазвучали эстонские народные песни. Эстонцы основали для себя маленькую эстоноязычную библиотеку, стали заказывать эстонскую периодику, а главное – «Сакала», куда мы сами время от времени посылали сообщения и стихи. Некоторые переводили с русского те или иные важные художественные произведения или публиковали свои собственные, как, например, Я. Йыгевер (профессор), который на школьной скамье написал свой роман «Время пробуждения» (Ärkamisel)^{xviii}. Я

помню, как мы вдвоем ходили в типографию Шнакенбурга, предлагая напечатать наши писания. Один из нас запросил 3, а другой 5 рублей. Не приняли! Наверное, мы выглядели слишком по-мальчишески. Позже эти работы всё же увидели свет в печати^{xix}.*

Когда возникли партии в Эстонском литературном обществе^{xx} и первая волна вопросов ударила по председателю, семинаристы из своих скудных средств платили членские взносы и отдавали свои голоса за К. Якобсона. Имена семинаристов в течение нескольких лет отмечались в списке членов общества.

журналист. Лектор эстонского языка в императорском Юрьевском университете в 1909–1918 гг., проф. эстонского языка Тартуского университета в 1919–1924 гг.

^{xix} Действительно, упомянутая мемуаристом книга была опубликована позже: Jõegever, Jaan. Ärkamisel: Jutt Eesti rahwa lähemast minewikust. Jürjev: K. Sööt, 1899. 112 с.

^{xx} Имеется в виду кризис и раскол в Эстонском литературном обществе между членами «русской» и «немецкой» ориентации. После смерти Якобсона председателем правления Эстонского литературного общества (Eesti Kirjameeste Selts, 1871–1892) до 1886 г. был известный эстонский филолог, лектор эстонского языка в Дерптском университете Михкель Веске (1843–1890), с 1887 г. – основатель и директор первого частного эстонского училища Хуго Трефнер (Treffner Hugo Hermann Früchtgott, 1845–1912), в 1890–1891 гг. лектор эстонского языка Дерптского университета Карл-Август Герман (Hermann Karl August, 1851–1909), наконец, последним председателем общества был придворный художник, проживавший почти всё время в Петербурге, Иоганн Кёлер (Johann Köler, 1826–1899). Позднейшие баталии вокруг места председателя и нестроения внутри общества, в которых приняли участие выпускники РДС, цензоры – Ю. Трусман в Ревеле и Я. Йыгевер в Дерпте, закончились его официальным закрытием в 1892 году. Окончательная ликвидация дел общества состоялась в 1908 г. См.: Tuglas. Kogutud teosed. Kõide 13. Eesti Kirjameeste Selts. Tallinn: Underi ja Tuglase Kirjanduskeskus, 2009. Lk. 278–297.

^{xvii} Карл Роберт Якобсон (Carl Robert Jakobson, 1841–1882), деятель эстонского национально-го движения, основатель и редактор газеты «Sakala» (1878–1882), президент Эстонского литературного общества.

^{xviii} Йыгевер (Егевер) Иван Алексеевич окончил РДС в 1882 г., в Дерптском университете изучал славянскую филологию, цензор в 1891–1902 гг.,

Мы восхищались Якобсоном. Однажды он приехал в Ригу на какой-то съезд. Днём прибыл на собрание. Помню, втроём мы пошли делегацией к его гостинице, чтобы поздно вечером его поприветствовать.

Выдающимся выражением национального самосознания следовало бы признать и то, что семинаристы пытались наладить связь с рижскими эстонцами, чтобы объединиться. Музыкальное общество «Иманта» родилось из этой идеи. Основа общества – хор – принадлежал ему. В составлении устава принял участие семинарист Т. Варес (министр финансов Эстонской Республики и директор Эстонского Банка, ныне покойный)^{xxi}. Перед открытием общества и после праздника семинаристы держали речи о науках и отечестве на общих собраниях. Для подтверждения своих слов приведу имена семинаристов: Й. Эленд (руководитель хора, благочинный православных приходов на Сааремаа, ныне покойный)^{xxii}, А. Вярят (позже стал протоиереем), Н. Лусик (руководитель хора, благочинный православных приходов Вильяндимаа, ныне покойный)^{xxiii}, Я.

^{xxi} Варес Денис (Vares, Tõnis, 1859–1925), одноклассник мемуариста. Окончил РДС в 1882 г., экстерном сдал гимназический экзамен и поступил на юридический факультет Петербургского университета. Член совета российского министерства финансов в 1914–1917 гг., помощник министра и министр финансов ЭР в 1919–1920, 1922–1924 гг.; директор эстонского банка в 1924–1925 гг.

^{xxii} Элендт Иван Иванович (Elendt, Johannes) окончил курс РДС в 1883 году. Священствовал в Вяндра, Мыннусте и Курессааре до 1919 г.

^{xxiii} Вярят Александр Мартынович (Värat Aleksander, 1858–1931) окончил РДС в 1881 г., был священником, дослужился до сана протоиерея. Окончил художественную школу «Паллас», редактор журналов «Vaimulik Sõnumitooja» (Духовный посланник) и «Usk ja Elu» (Вера и жизнь). Лусик Николай Георгиевич (Lusik Nikolai, 1860–1921), окончил РДС в 1884 г., член общества «Иманта» в Риге, незадолго до смерти возведён в сан протоиерея, благочинный церкви Вильяндимаа.

Йыгвер (профессор, ныне покойный), А. Оргуссаар (протоиерей), А. Эриксон (учитель), Н. Лейсман, М. Засс^{xxiv} и другие.

Особо привлекательно для семинаристов было хоровое исполнение песен. С ними они выступали на летних каникулах и в родных городах: Курессааре, Хаапсалу, Таллинне.

Достоинно упоминания и то, что в Кургья в первый год после смерти Якобсона в собрании по установлению памятника на могиле этого великого человека приняли участие семинаристы.

После окончания семинарии часть воспитанников пошли в народные учителя, часть стали священниками или трудились на других должностях. Непонятно, каким образом этих взрослых сформировавшихся людей можно было окрасить в цвет русификаторов.

Часть семинаристов поступили в университеты. Я учился в Петербургском университете. И до этого, и затем позже, там учились некоторые из воспитанников семинарии. Казалось, что мы должны были бы здесь окупиться в море русификации. Но нет. А ведь тогда на студентов были устремлены острые глаза некоторых политических учреждений. Но мы, студенты-эстонцы, все равно старались сплотиться, собирались вместе и углублялись в насущ-

^{xxiv} Оргуссаар Антон Георгиевич (Orgussaar Antoni, 1862–1930) окончил РДС в 1884 г., служил в сане священника в Пюхалепа, Синди и Йыхви, протоиерей 1924, благочинный церковью Вирумаа. Эриксон Андрей Яковлевич (Erikson Andres, 1861–?), окончил РДС в 1883 г., Петербургский историко-филологический институт в 1887 г., служил школьным инспектором народных школ в Варшаве. Лейсман Николай Андреевич (Leisman, Nikolai, 1862–1947), епископ Печерский Николай. Засс Михаил Иванович (Sass Mihhail, 1856–1923), окончил РДС в 1879 г., Петербургскую духовную академию в 1883, преподаватель в Рижском духовном училище в 1888–1900 гг., инспектор народных школ, член Эстонского литературного общества.

ные национальные проблемы своего народа. Мы образовали своё землячество, из которого позже возникло Эстонское студенческое общество в Петербурге. Сначала нас было 10: пять студентов из университета, 3 из историко-филологического института и двое из духовной академии, из них семеро – бывшие семинаристы: Т. Варес, Й. Ханзен, А. Эриксон, А. Пырк, В. Кууль, Н. Лейсман и М. Пауль^{xxv}. Председателем общества был пламенный эст К. Хеллат^{xxvi}. Во время собраний занимались тем, чем обычно принято среди земляков. Читали отечественные журналы. Мне в качестве гонимых от «Вирулане»^{xxvii} присылались из редакции все номера.

^{xxv} Ханзен Яан (Hansen Jaan, Ганзен Иван Антонович 1860–1950) окончил РДС в 1881 г., учился на юридическом факультете Петербургского университета. Инспектор школ в Тарту, член Эстонского литературного общества и петербургского Общества эстонских студентов. Пырк Александр Антонович (Põrk Aleksander, 1873–1933) окончил РДС в 1894 г., учился на физико-математическом факультете Петербургского университета в 1895–1897 гг., в Юрьевском университете на историко-филологическом факультете в 1897–1900 гг., окончил кандидатом филологии в 1902 г. и историей в 1903 г. Работал консерватором в кабинете искусств Московского университета в 1903–1912 гг. и учителем в московских школах. Опирился в Эстонию в 1920 г. Преподаватель гимназии, член петербургского Общества эстонских студентов. См.: Eesti kooli biograafiline leksikon. Tallinn: EEK, 1998. Lk. 190–190. Пауль Мирон (Paul Miron, 1863–1921), окончил РДС в 1885 г., Петербургскую духовную академию в 1889 г., член петербургского Общества эстонских студентов. Служил в эстляндском губернском правлении, раплаский комиссар по крестьянским делам.

^{xxvi} Хеллат Карл (Hellat Karl, 1862–1935) учился юридическом факультете Петербургского университета в 1884–1889 гг., кандидат юриспруденции. Депутат Первой российской Думы, постоянный член Таллиннско-Хаапсалуского мирового суда в 1922–1926 гг., директор земельного банка ЭР.

^{xxvii} Газета «Virulane» выходила в Таллинне в 1882–1889 годах, редактор Яак Ярве, тираж доходил до 6000 экземпляров.

Многие из нас были прекрасными певцами. Мы ходили в хор Петербургского эстонского общества, которым руководил господин Томсон. Будучи на последнем курсе, я задумал собрать сведения о всех разбросанных то здесь, то там православных студентах-эстонцах в Петербурге. Посещал приморские острова вдоль Невы. В 10 верстах на носу Крестовского острова я нашёл православного островитянина, который очень помог в моих поисках. В списке оказалось около 150 имён. Я послал его в Гатчину к священнику Сиймо^{xxviii}, а тот передал его Кульбушу (Эстонский еп. Платон)^{xxix}, который однажды смог создать эстонский православный приход с церковью и школой, а также квартирами для причта, которые ещё нужно построить.

В настоящей короткой статье я коснулся тех аспектов, о которых бы мог рассказать и дополнить гораздо больше. Но уже из этого понятно, какова цена русификации. Наши лучшие и святые чувства подсказывают нам, что обвинения в русификации – это глупость или целенаправленная фальсификация и клевета. Почему? Думайте сами.

^{xxviii} Симо Николай Адамович (Siimo, Nikolai, 1875–1931), учился в РДС до 1894 г., перевёлся в Петербургскую семинарию, которую окончил в 1897 г. Настоятель эстонского Крестовоздвиженского прихода в Кронштадте в 1902–1921 гг., дважды арестовывался НКВД, расстрелян 21 апреля 1931 г. Канонизирован РПЦ как священномученик Николай Симо, пресвитер Кронштадтский. Подр.: Иеромонах Нестор (Кумыш) (2003). Новомученики Санкт-Петербургской епархии. Санкт-Петербург: Сати Держава, с. 127–144.

^{xxix} Епископ Ревельский Платон (Кульбуш, 1869–1919), первый эстонский епископ. Окончил РДС в 1896 г., обучался в Петербургской духовной академии, кандидат теологии с 1894 г.. Настоятель эстонского прихода в Ст. Петербурге в 1894–1917 гг. Канонизирован РПЦ как священномученик Платон, епископ Ревельский. См.: Иеромонах Нестор (Кумыш) (2003). Новомученики Санкт-Петербургской епархии, с. 89–117.

Семинаристов можно обвинить лишь в том, что порабощённый эстонский народ, по их мнению, мог получить свободу из-под палки господствующих правителей только из рук российской власти, но в этом же обвиняли и великого мужа К.Р. Якобсона.

Что касается веры, то из церковной и общей истории видно, что православная церковь в Эстонии так же мало похожа на русскую православную церковь, как местная лютеранская на немецкую.

Я писал здесь, в основном, о времени своей учебы. Тогда в семинарии было вообще мало эстонцев. Последующие курсы были в этом отношении гораздо богаче, поэтому теперь мы находим бывших семинаристов на многих ответственных должностях, на высшем и низшем уровнях.

Старый семинарист

Перевод с эстонского языка, публикация, предисловие и комментарии Татьяны Шор.

Summary

Translation of the first publication of memoirs of a former student of Riga Orthodox Seminary from the Estonian magazine "Uus Elu" (New Life, 1928, 8/9). An anonymous author writes about the foundation and edu-

cational process at a seminary in the second half of the 19th century. The publication is accompanied by historical commentary of Tatjana Shor.

Публикация документов

Document publications

Документы о замещении Ревельского викариатства Рижской епархии в 1917–1918 гг.

Documents about the bishop's appointment in the Reval suffragan diocese of the Riga diocese in 1917–1918

Публикуемые документы из Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург) представлены определениями Святейшего Синода, официальными постановлениями и отношениями Епархиального съезда представителей клира и мирян Рижской епархии, Рижского Временного Епархиального Совета и церковных деятелей, а также коллективными и персональными обращениями и прошениями по вопросу о восстановлении кафедры Ревельского викариатского епископа для эстонских приходов Рижской епархии. При публикации документы расположены в хронологическом порядке. Текст документов воспроизводится по современным правилам правописания с сохранением стилистических и языковых особенностей подлинника, причем при публикации со-

храняется написание прописной и строчной букв, дающее дополнительную характеристику как официального, так и личного (авторов отдельных документов) отношения к положению церкви в государстве и обществе, а также как к существовавшим уже ранее, так и возникшим в сложных, меняющихся условиях рассматриваемого времени, проблемам церковных организаций. При публикации отражены и часто встречающиеся в публикуемых документах подчеркивания, сделанные от руки в процессе чтения и говорящие нам о том, насколько активной была работа с этими документами в то время. Общепринятые и общепонятные сокращения (например, Св. Синод), как правило, не раскрываются, сокращения раскрываются в случае, когда это может вызвать затруднение при чтении текста.

Рапорт архиепископа Рижского и Митавского Иоанна 10 июля
1917 г. об открытии в Рижской епархии кафедр двух викарных
епископов для латышских и эстонских приходов

№ 7933

21 июля 1917ⁱ

Святейшему Правительствующему Синоду.

Иоанна, Архиепископа Рижского и Митавскогоⁱⁱ,
рапорт.

Православная церковь Прибалтийского края, состоящая преимущественно (до 75%) из местных жителей, эстов и латышей, всегда требовала самого внимательного отношения со стороны церковных властей к своим насущным нуждам. Принявшие православие еще недавно (в Лифляндии около 70 лет тому назад, а в Эстляндии – около 30 лет) православные эсты и латыши составляют не более 1/8 части всего населения. В силу исторических условий православные, за малыми исключениями, представляют беднейший элемент края. Православные приходы распланы на десятки и сотни квадратных верст и как бы вкраплены в сплошную массу инославия. Отношение со стороны господствующего в крае инославного населения, во главе с немецким дворянством, в христианском отношении всегда оставляло желать весьма многого. Беспристрастные повествования местных официальных документов о судьбах Православия в Прибалтийском крае производят самое тяжелое впечатление. К этому надо прибавить еще два враждебных для церкви и все усиливающиеся течения социализма и сектантства. И если всегда Православная Прибалтийская Церковь могла жаловаться только на свои многочисленные нужды: церковные, школьные, миссионерские и т. п., то теперь, в силу изменившихся обстоятельств, предстоит вопрос о самом существовании Прибалтийской Православной Церкви, когда этой молодой, неукрепившейся еще организации, в последнее время предоставленной своей печальной судьбе, при таких исключительно неблагоприятных условиях приходится перестраиваться на совершенно иных началах, что составляет нелегкую задачу и для коренных православных областей.

(Но несмотря на все печальное положение Православия в Прибалтике, остается еще одна радость для деятелей Церкви: бедные и немногочисленные чада Прибалтийской Церкви остаются верными ей, еще находятся ревнители о вере, имеющие особую заботу о церкви и от всей души желающие ей добра. Это отрадное настроение особенно ярко выразилосьⁱⁱⁱ на последнем Чрезвычайном Епархиальном Съезде (25–26 мая сего года), (где ревнители Православия всеми силами искали пути и способы к возрождению и к

ⁱ Номер и дата – позднейшая рукописная канцелярская помета. Документ датируется 10 июля 1917 г. по машинописной дате в конце текста.

ⁱⁱ Архиепископ Иоанн (Иван Ксенофонтович Смирнов; 1844–1919) – в 1902–1904 гг. епископ Чебоксарский, 1904–1910 гг. – епископ Полтавский и Переяславский, 1910–1917 гг. архиепископ Рижский и Митавский. В 1915 г., когда Рига стала прифронтовым городом, эвакуировался в Юрьев (совр. Тарту), куда были эвакуированы церковные учреждения и церковное имущество, а также и многие губернские учреждения. В августе 1917 г. для участия в Поместном Соборе в Москве покинул епархию. 20 ноября 1917 г. переведен на освободившуюся кафедру в Рязани. В 1917–1919 гг. – архиепископ Рязанский и Зарайский.

ⁱⁱⁱ Круглые скобки добавлены в ходе рукописной правки.

дальнейшему процветанию в крае дорогой всем матери – Православной Церкви. И, прежде всего,) ^{iv} было признано насущнейшею потребностью православия в крае открытие при Рижской Епископской кафедре еще 2 кафедры епископов для эстов и для латышей. (Епископ — глава церковного тела, и посему особо желательно,) ^v чтобы (теперь) ^{vi} как эстонские, так и латышские приходы объединились вокруг своих епископов для организации церковной жизни на новых началах, что здесь, в силу особенных местных условий, сугубо тяжело.

(Местные епископы лучше всего собрали бы все немногочисленные силы своих паств в стройные организации, которые затем, как и доселе, шли бы рука об руку, возглавляемые уже не одним епископом, а собором из 3 епископов. Вопрос этот поднимался уже давно, особенно в эстонской части, где издавна существовал ревельский викариат^{vii}; поднимался и на Епархиальном соборике в 1905 году, а также после этого. Теперь же настало самое последнее время для удовлетворения этой насущной нужды Рижской Епархии. Поэтому, основываясь на 1) на постановлении последнего Епархиального Съезда о том, чтобы эстонские и латышские приходы края были выделены в особые епархиальные организации с отдельными епископами, управляющими этими приходами на правах самостоятельных архиереев, и во 2) на заключение)^{viii} Временного Епархиального Совета^{ix}, признавшего, что в виду более и более выясняющегося угрожающего^x положения для Православия в крае этою мерой более нельзя медлить и что надо теперь же в срочном порядке ходатайствовать о замещении ревельского эстонского викариатства и об открытии такового и для латышей с тем, чтобы кандидаты на эти викариатства были избраны уже на предстоящем предсоборном епархиальном съезде, и чтобы (по смыслу вышеприведенного постановления Епархиального Съезда)^{xi} все эстонские и латышские приходы были выделены в ведение этих викариев с представлением им прав самостоятельных архиереев, с оставлением русских приходов в ведении нынешнего архиепископа Рижского и Митавского.

Вследствие изложенного, долг имею благопокорнейше просить Святейший Синод о восстановлении ревельского викариатства для эстонских приходов и открытии такового же для латышских приходов епархии, 2)^{xii} с представлением викариям управления эстонскими и латышскими приходами епархии и на правах самостоятельных архиереев и 3)^{xiii} за полным же^{xiv} отсутствием местных средств, возбудить ходатайство пред Временным

^{iv} Круглые скобки добавлены в ходе рукописной правки.

^v Круглые скобки добавлены в ходе рукописной правки.

^{vi} Круглые скобки добавлены в ходе рукописной правки.

^{vii} 13 июля 1817 года было учреждено Ревельское викариатство Санкт-Петербургской епархии. С 6 мая 1865 года Ревельское викариатство Санкт-Петербургской епархии было переподчинено Рижской епархии. Ревельское викариатство Рижской епархии: Вениамин Каверин (29 мая 1866 — 2 марта 1870); Николай Касаткин (30 марта 1880 — 24 марта 1906); Платон Кульбуш (31/18 декабря 1917 — 27 января 1919). Ср. со справкой по истории Рижской епархии в публикуемом ниже определении Св. Синода от 1 августа 1917 г.

^{viii} Круглые скобки добавлены в ходе рукописной правки.

^{ix} Исправлено на «Временный Епархиальный Совет». Рукописная правка частично не вычитывается.

^x В тексте машинописи «угрожающего».

^{xi} Круглые скобки добавлены в ходе рукописной правки.

^{xii} В ходе рукописной правки точка с запятой исправлена на запятую и цифра «2)» зачеркнута.

^{xiii} В ходе рукописной правки союз «и» и цифра «3)» зачеркнуты.

^{xiv} Частица «же» добавлена от руки над строчкой.

Правительством об отпуске необходимых средств как на восстановление ревельского викариатства, так и на открытие латышского викариатства, о чем одновременно с сим делается представление Временному Правительству Г. Эстляндским губернским Комиссаром И(ваном)^{xv} И(вановичем)^{xvi} Поска^{xvii}, признающим со своей стороны неотложность разрешения этого вопроса с гражданской точки зрения. –

Вашего Святейшства
нижайший^{xviii} послушник
Иоанн Архиепископ Рижский и Митавский

№ 408

Июля 10 дня 1917 года.

Об открытии в Рижской епархии
кафедр двух викарных епископов
для латышских и эстонских
приходов епархии.

РГИА. Ф. 796. Оп. 204. Отд. 2. Стол 2. Д. 332. Лл. 1-2.

Подлинник. Машинопись, содержит рукописную правку. Подпись – автограф архиепископа Иоанна, Архиепископа Рижского и Митавского.

Докладная записка членов Временного Рижского Епархиального
Совета Обер-прокурору Святейшего Синода 19 июля 1917 г.

213290^{xix}

1665

24 ИЮЛЯ 1917 Г.

Его Высокопревосходительству, Господину Обер-прокурору Святейшего Синода^{xx}.
Членов Временного Рижского Епархиального Совета
докладная записка.

В дополнение к представлению в Святейший Синод Архиепископа Рижского и Митавского о восстановлении ревельского викариата для эстонских приходов епархии и об

^{xv} Круглые скобки добавлены в ходе рукописной правки.

^{xvi} Круглые скобки добавлены в ходе рукописной правки.

^{xvii} Поска Иван Иванович (эст. Jaan Poska; 1866–1920) – эстонский юрист и государственный деятель. В марте 1917 г. назначен комиссаром Временного Правительства России в Эстляндской губернии. Был руководителем эстонской делегации на мирных переговорах с Советской Россией завершившихся 2 февраля 1920 г. Тартуским мирным договором, по которому Советская Россия признала независимость Эстонской Республики.

^{xviii} Начиная со слова «нижайший» – автограф Иоанна, архиепископа Рижского и Митавского.

^{xix} Номер и дата – позднейшая рукописная канцелярская помета. Документ датируется 19 июля 1917 г. по дате в конце текста.

^{xx} Далее следует неразборчивая канцелярская помета и делопроизводственное указание на полях: «Дело очень серьезное и заслуживающее внимания. К докладу во вторник 25 июля».

открытии такового же для латышских приходов, имеем честь доложить Вашему Высокопревосходительству нижеследующее.

Православная церковь Прибалтийского края заслуживает особого внимания Правительственной власти. Благодаря своему положению на окраине, Православие здесь составляет главную и, можно сказать, единственную основу русской государственности, так как только через общую религию можно достигнуть единения местных народов с Россией. Ни для кого не секрет, что в Прибалтике, под видом лютеранства и православия, борются за преобладание, собственно говоря, две культуры: германская и славянская. По крайней мере сами немцы не считают нужным скрывать это и вполне определенно говорят, что лютеранство есть самая сильная твердыня германского влияния не только в Прибалтике, но и во всех протестантских странах. Так берлинский профессор Т. Шиман в своей книге *Handbuch des Deutschtums im Auslande*. Berlin, 1913, на стр. 129–130 говорит буквально следующее: «Лютеранская церковь есть наиболее могучая крепость немецкой мощи не только в Прибалтийском крае, но и во всей России», так как «она является сильнейшим оплотом против смешанных браков лютеран с православными и других развращающих влияний русского духа, а также и наилучшим средством укрепления духовного и политического господства немцев над латышами, эстонцами, финнами и другими лютер. народностями». Всякому, кто хоть сколько-нибудь знаком с истинным положением вещей в крае, ясно, что соответственно с этим и русская культура, и русская государственность в крае мыслимы только при существовании православия среди местных народов – эстов и латышей. Понятно, что вожди политической жизни края, взоры и симпатии коих, под влиянием лютеранства, всегда были обращены на запад, терпеть не могут Православия. Систематическая травля Православия ведется с первого дня его существования в крае. Сперва это делалось пасторами при помощи баронов, которые не продавали православным земли и через это превратили почти всех православных жителей края в безземельных бобылей. Немцы и не скрывали своих целей. Так, напр., уже в 1870 году лифляндский выходец В. ф. Бокк, в одном из своих «Лифляндских вкладов» открыто пишет, что «Прибалтийский край – северовосточная колония Германии, он передовой пост немецества и протестантизма». А другой немец, Веррен, напечатал в Гамбурге свои «Балтийские письма», где говорит, что назначение Прибалтийского края – это служить «германской пограничной стражей евангельской веры против азиатского варварства и византийской поповщины» (см. книгу Г. И. Виграб «Прибалтийские немцы», стр. 101 и 103). В последние десятилетия эту же роль пасторы с успехом выполняют при помощи духовнонемецкой местной интеллигенции ультранационального направления. Теперь, как определенно выяснилось, Православие известными кругами окончательно признано опасным элементом для национальной обособленности местных народов, а сообразно с этим решено принять все меры к его искоренению, что будет особенно легко при помощи самоуправления края, в котором почти все дело будет находиться в руках лютеранского большинства. Имея в виду превосходную организацию протестантского большинства и его умение систематично и планомерно действовать в своих целях (достаточно указать хоть на то, как эстонские газеты из года в год печатают про Православие только одни печальные факты, намеренно замалчивая все хорошее), надо весьма серьезно считаться с этой возможностью. Опасность для Православия увеличивается еще больше благодаря нашей собственной слабости и неорганизованности. Сильно приучены мы при старом режиме жить на готовом и действовать только по указке. Инициатива и самостоятельность,

если где и проявлялись, признавались, если не всегда за крамолу, то всяком случае за признак неблагонадежности. Наконец, сама государственная власть многократно меняла свою политику по отношению к здешней церкви. Так в первую пору правительственные войска совершали карательные экспедиции для наказания шпицрутенами присоединившихся к Православию, а первый Рижский епископ^{xxi} был выслан из края под конвоем. Под такую же угрозою жили и его преемники. Затем правительство, очевидно верно оценив значение Православия в крае, решило щедрою рукою его поддерживать. Были выстроены церкви и школы, было ассигновано достаточное содержание духовенству. Этим положение Православия тогда укрепилось в крае и получило ту устойчивость, которая сказывается до сего времени. Далее, в пору усиленной русификации, государственная власть стала беззастенчиво пользоваться в этих же целях Православием и этим нанесла всеми делу существенный ущерб, подорвав к Православию доверие народа. Наконец, за последние 20 с лишком лет Правительство, находясь по этому вопросу под очевидным влиянием здешних баронов, предоставило православные церкви и школы своей судьбе, нисколько не интересуясь их печальным положением. В результате, за необеспеченностью наших приходов, в последнее время ощущается такой недостаток в приходских деятелях, что уже возникает мысль о закрытии некоторых приходов, где хоть есть еще прихожане, но положительно некому работать.

В таком печальном положении находится наше православное дело теперь, когда всей Русской Церкви предстоит коренным образом переустроиться. Поневоле возникает вопрос о том: быть или не быть Православию в здешнем крае. И если мы высказываем пожелание о том, чтобы Православие здесь процветало, то в этом нельзя усматривать только наш инстинкт самосохранения, но и нашу глубокую уверенность в том, что гибель православного дела на Прибалтийской окраине равняется полному банкротству здесь и русской государственности. И если правительство хоть столько-нибудь заинтересовано ростом русской государственности в Прибалтике, то оно уже по природе вещей должно опираться на Православное дело и всячески его поддерживать. В этом заключаются не наши личные интересы, ибо служба Православию здесь была и будет сплошным подвигом, но это интерес великой России, которую мы, православные эсты и латыши, искренне любим.

Мы, учитывая нынешний момент, далеки от мысли строить свои планы будущего исключительно на надежды на правительственную поддержку (на которой мы до сих пор основывались и без которой, в виду малочисленности и бедности православных, мы еще так скоро обойтись не сможем), а решили прежде всего мобилизовать все местные православные силы к самодеятельности в пользу своей веры, как великого фактора культуры и просвещения народа в духе евангельской любви к меньшей братии. Естественно, что все это культурное дело должно начаться с самого народа, для чего теперь уже начата спешная организация приходов. Но этого мало: для успеха дела нужна еще и тесная сплоченность этих приходских сил, сообразно их национальным и местным особенностям, вокруг единого центра – своих епископов, знакомых с языком и бытом своей паствы и могу-

^{xxi} Архиепископ Иринарх (Яков Дмитриевич Попов; 1790–1877) – в 1836–1841 г. епископ Рижский, викарий Псковской епархии; 1841–1842 – епископ Острогжский, викарий Воронежской епархии; 1842–1844 – епископ Вологодский; с 1844 г. – епископ Кишиневский, в 1845 г. возведен в сан архиепископа; 1858 г. перемещен на кафедру Каменец-Подольскую, в 1863 г. на Рязанскую кафедру.

щих, благодаря этому, быть настоящими духовными вождями народа. В этом, особенно в настоящее время, усматривается главный залог спасения православного дела в крае.

Поэтому вопрос о спешном открытии в Рижской епархии двух вакансий vicарных епископов с правами самостоятельных архиереев для эстонских и латышских приходов приобретает особенно важное значение и нуждается в скорейшем благоприятном решении как со стороны Св. Синода, так и Временного Правительства.

Юрьев, 18 июля 1917.

Члены Временного Рижского Епархиального Совета:

Священник Антоний Лаар^{xxii}.

От мирян латышей кандидат истории Иван Иванович Берзин.

Псаломщик Виктор Петрович Педосон. От мирян эстонцев Викентий Пацляр.

РГИА. Ф. 796. Оп. 204. Отд. 2. Стол 2. 332. Л. 3–4.

Подлинник. Рукописный текст с рукописными же канцелярскими пометами. Подписи – автографы.

Докладная записка членов Временного Рижского Епархиального
Совета от эстонского населения епархии Товарищу Обер-
Прокурору Святейшего Синода 22 июля 1917 г.

23992/1666

24 июля 1917 г.^{xxiii}

Его Высокопревосходительству,
Господину Товарищу Обер-Прокурора
Святейшего Синода.

Членов Временного Рижского Епархиального Совета
от эстонского населения епархии
докладная записка.

В дополнение к записке от 18 июля с. г., по поводу представления Архиепископа Рижского и Митавского об открытии кафедры vicарных епископов для эстонских и латышских приходов Рижской епархии, мы, как уполномоченные представители эстонских приходов названной епархии, относительно вопроса о средствах на открытие этих кафедр – имеем честь доложить нижеследующее.

1) Для ускорения дела, что столь важно в настоящий момент, мы покорнейше просим Святейший Синод восстановить ревельскую кафедру vicарного епископа для эстонских приходов Рижской епархии, впредь до отпуска на это казенных средств, сначала на мест-

^{xxii} Лаар Антоний Дионисиевич (эст. Anton Laar; 1885–1933) – священник, первый настоятель Александро-Невской церкви в Юрьеве, активный церковный деятель.

^{xxiii} Номер и дата – позднейшая рукописная канцелярская помета. Документ датируется 22 июля 1917 г. по дате в конце текста.

ные средства от приходов будущего викариатства. Но так как средства эти, по бедности приходов, весьма скудны, то покорнейше просим Святейший Синод: а) не отказать теперь, в виду важности этого дела для Православной Церкви, в дополнение к местным средствам, отпустить на содержание ревельского викарного епископа Синодальное пособие в размере 2000 (двух тысяч) рублей ежегодно, – б) возбудить пред Правительством ходатайство об отнесении всего этого расхода на счет казны при первой возможности.

2) В связи с таким разрешением вопроса о средствах на открытие викарной кафедры для эстонцев, мы, не имея полномочий делать какие-либо заявления относительно латышей, просим по этому вопросу о викарном епископе для эстонских приходов отделить от такового же для латышских приходов до особого о том ходатайства со стороны представителей латышей, по предварительном решении ими вопроса о средствах на это.

Наконец, в 3), имея в виду, что благовременное разрешение вопроса о восстановлении в г. Ревеле кафедры викарного епископа для эстонских приходов Рижской епархии имеет исключительно важное значение для дальнейших судеб Православия среди эстонцев, особенно при нынешних обстоятельствах (подробнее изложенных в первой записке, от 18 июля с. г.), мы еще раз убедительнейше просим Святейший Синод разрешить этот вопрос теперь же, так, чтобы избрание кандидата на эту кафедру, согласно представлению Архиепископа Рижского и Митавского Иоанна, могло состояться уже на местном предсоборном епархиальном Съезде.

Петроград,
22 июля, 1917 года.

Члены Временного Рижского Епархиального Совета от
эстонского населения епархии:
Юрьевской Александро-Невской церкви,
священник Антоний Лаар.
От мирян Викентий Паляяр.

РГИА. Ф. 796. Оп. 204. Отд. 2. Стол 2. 332. Л. 5.
Подлинник. Автограф.

Определение Св. Синода от 1 августа 1917 г.

Копия

№ 4859

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СВЯТЕЙШЕГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕГО СИНОДА.

1917 года Августа «^{xxiv}» дня. Святейший Правительствующий Синод Российской Православной Церкви слушали: 1) рапорт Преосвященного Рижского, от 10 июля 1917 года за № 408, об образовании в Рижской епархии двух новых епископских кафедр, 2) докладную записку Членов Временного Рижского Епархиального Совета, от 18 сего же июля

^{xxiv} Здесь в тексте документа пропуск, число в кавычках не указано. Документ датируется 1 августа 1917 г. по дате в конце текста.

по тому же делу, 3) таковую же записку Членов Временного Рижского Епархиального Совета от эстонского населения епархии, от 22 июля сего года^{xxv} и 4) заключение по сему делу Хозяйственного при Святейшем Синоде Управления, от 26 июля 1917 г. за № 20547.

Справка:^{xxvi} В Рижской епархии 5 Августа 1817 г. учреждена была кафедра викарного епископа с наименованием его Ревельским. До 22 Марта 1880 г. кафедра эта не замещалась, а с этого времени и до 24 Марта 1906 г. на ней числился Начальник Японской миссии, Епископ Ревельский Николай. С 24 Марта 1906 г. и до настоящего времени кафедра снова остается свободной.

ПРИКАЗАЛИ: Преосвященный Рижский объясняет: если всегда Православная Прибалтийская Церковь могла жаловаться только на свои многочисленные нужды: церковные, школьные, миссионерские и т. п., то теперь, в силу изменившихся обстоятельств, предстоит вопрос о самом существовании Прибалтийской Православной Церкви, когда этой молодой, неукрепившейся еще организации, в последнее время предоставленной своей печальной судьбе, при таких исключительно неблагоприятных условиях приходится перестраиваться на совершенно иных началах, что составляет нелегкую задачу и для коренных православных областей^{xxvii}. Для спасения положения, на последнем чрезвычайном Епархиальном Съезде (25–26 мая сего года), было признано насущнейшею потребностью православия в крае открытие при Рижской Епископской кафедре еще двух епископов для эстов и для латышей, чтобы как эстонские, так и латышские приходы объединились вокруг своих епископов для организации церковной жизни на новых началах, что здесь, в силу особенных местных условий, сугубо тяжело. Временный Епархиальный Совет, со своей стороны признал, что в виду все более и более выясняющегося угрожающего положения для Православия в крае открытием в нем двух новых епископских кафедр медлить более нельзя при чем, по мнению Совета, необходимо, чтобы все эстонские и латышские приходы были выделены во ведение этих викариев с предоставлением им права самостоятельных архиереев, с оставлением русских приходов в ведении нынешнего Архиепископа Рижского. Вследствие изложенного, Преосвященный Рижский просит Святейший Синод о восстановлении ревельского викариатства для эстонских приходов и об открытии такового же для латышских приходов епархии, с предоставлением этим викариям управления эстонскими и латышскими приходами епархии на правах самостоятельных архиереев; за полным же отсутствием местных средств, Преосвященный просит возбудить ходатайство пред Временным Правительством об отпуске необходимых средств как на восстановление ревельского викариатства, так и на открытие латышского викариатства, о чем одновременно с сим делается представление Временному Правительству Г. Эстляндским губернским Комиссаром И. И. Поска^{xxviii}, признающим со своей стороны неотложность разрешения этого вопроса с гражданской точки зрения. В дополнение к изложенному ходатайству Преосвященного Рижского, Члены Временного Рижского Епархиального Совета от эстонского населения^{xxix} со своей стороны просят^{xxx} Святейший Синод о восстановлении кафедры ревельского викарного

^{xxv} См. предыдущий документ.

^{xxvi} Уточненные данные по истории Ревельского викариатства см. ссылку vii.

^{xxvii} Напечатано «облатсей», буква «т» от руки исправлена на «с», а «с» - соответственно на «т».

^{xxviii} Поска Иван Иванович – см. ссылку xvii.

^{xxix} См. предыдущий документ.

^{xxx} Далее до слова «ревельского» текст впечатан над строкой.

епископа для эстонских приходов, – с отпуском на это, в дополнение к местным скудным средствам, впредь до ассигнования нужных средств из казны 2000 руб. из Синодальных средств. Обсудив изложенное и со своей стороны разделяя высказанные Рижским Епархиальным Начальством соображения относительно необходимости образования в Рижской епархии новых епископских кафедр, но не усматривая необходимости в предоставлении этим кафедрам самостоятельности, а также считаясь с недостатком потребных для открытия новых кафедр средств, Святейший Синод определяет: 1) восстановить существовавшую ранее в Рижской епархии кафедру викарного епископа с наименованием его Ревельским, поручив Преосвященному Рижскому выработать и представить в Святейший Синод на утверждение инструкции для сего викария и 2) впредь до разрешения вопроса об отпуске средств из казны на содержание Епископа Ревельского, отпускать на сей предмет, в дополнение к местным средствам, согласно заключению Хозяйственного Управления, по 2 тыс. руб. в год из ожидаемых поступлений от процентного обложения монастырских доходов на общецерковные нужды, с позаимствованием ныне указанной суммы из капитала духовенства Западного края (Отд. 3 спец. сметы Св. Синода). О чем Преосвященному Рижскому послать указ, а в Хозяйственное Управление и Синодальный контроль передать выписки из сего определения.

Подлинное определение, подписанное О. о. Членами Святейшего Синода к исполнению пропущено 1 Августа 1917 г.

Протоколист

Исполнено Августа «4» дня 1917 года.

Указ Пр[еосвященно]му №8294

Выписки в Хоз. Упр. и Контроль за №4859.

О восстановлении Ревельского викариатства.

РГИА. Ф. 796. Оп. 204. Отд. 2. Стол 2. 332. Л. 7–8.

Копия. Машинопись на официальном бланке Св. Синода.

Акт о выдвижении 10-го августа 1917 г. Епархиальным Съездом представителей клира и мирян Рижской епархии протоиерея Петроградской Исидоровской Православной эстонской Церкви Павла Кульбуша кандидатом на должность Ревельского викарного епископа для эстонских приходов Рижской епархии

Копия

Акт^{xxxі}

10-го августа 1917 года в гор. Юрьеве^{xxxі}, в здании высшего начального училища, общий Епархиальный Съезд в составе 187 представителей клира и мирян Рижской епархии

^{xxxі} Текст копии акта расположен на листе в два столбца, из которых левый на русском и правый на эстонском языках. Эстонский текст в настоящую публикацию не включается.

^{xxxіі} В уездный город Лифлянской губернии Юрьев были эвакуированы губернские учреждения и управление губернией после германского наступления 1915 г. и превращения Риги в прифронтовой город. Это положение сохранилось и после того, как 30 марта 1917 г. Временное Правительство передало населенные

по предложению и под руководством Высокопреосвященного Иоанна, Архиепископа Рижского и Митавского, обсуждал вопрос о назначении кандидата на новоучрежденную должность Ревельского викарного епископа для Эстонских приходов епархии и, по выслушании единогласного мнения эстонской секции Съезда, как русская, так и латышская секции Съезда, т. е. весь Епархиальный Съезд пришел к единогласному мнению, что достоинейшим кандидатом на означенную должность является протоиерей Петроградской Исидоровской Эстонской церкви магистрант богословия Павел Петрович Кульбуш^{xxxiii}, 48 лет, в чем и составлен настоящий акт за подписями присутствующих на Съезде и с приложением Архиерейской печати.

Место печати^{xxxiv}.

Подлинник подписали:

Архиепископ Иоанн.

[и далее 121 подпись на русском и эстонском языках]

С подлинным верно. Юрьев, 5 октября, 1917 г.

Член Рижского Временного Епархиального Совета,

Священник Юрьевской *Александро-Н[евской]* церкви^{xxxv} Антоний Лаар.^{xxxvi}

[Оттиск печати]: П[ечать] Юрьевской *Александро-Невской* церкви^{xxxvii}

РГА. Ф. 796. Оп. 204. Отд. 1. Стол 5. Д. 518. Л. 4–5.

Рукописная копия. Подпись члена Рижского Временного Епархиального Совета Антония Лаара – автограф.

эстонцами северные уезды Лифляндской губернии, в том числе и Юрьевский уезд, в состав Эстляндской губернии.

^{xxxiii} Епископ Платон (Павел Петрович Кульбуш; 1869–1919) – епископ Ревельский, священномученик. С 1894 г. настоятель эстонского православного прихода в Петербурге. Инициатор строительства в Петербурге освященной в 1907 г. эстонской православной церкви во имя священномученика Исидора Юрьевского. В 1917–1919 гг. епископ Ревельский. 14 января 1919 г. зверски убит большевиками в Юрьеве вместе с настоятелем Успенского собора Михаилом Блейве и настоятелем Георгиевской церкви Николаем Бежаницким. Канонизирован в лике священномученика с включением в Собор новомучеников и исповедников Российских. См. также статью И. Пярт в настоящем номере «Православия в Балтии».

^{xxxiv} Здесь в копии указано место оттиска архиерейской печати.

^{xxxv} Курсивом дан текст штампа.

^{xxxvi} См. ссылку хх.

^{xxxvii} Курсивом дана легенда удостоверяющей копию печати Александро-Невской церкви в г. Юрьеве, основателем прихода которой был о. Антоний Лаар.

Прошение Святейшему Синоду от православных
жителей города Пернова^{xxxviii} 29 октября 1917 г.

№^o 2547

28 ноября 1917 г.^{xxxix}

В Святейший Правительствующий Синод.

Православных жителей города Пернова
прошение.

26 июля с. г. Св. Синод внял насущнейшей духовной нужде нашего края и, согласно ходатайству нашего Архиепископа Высокопреосвященнейшаго Иоанна, ввиду все более и более угрожающего положения для Православия в крае, восстановил кафедру Ревельского викарного епископа для эстонских приходов рижской епархии.

10 августа с. г. II^{cl} Чрезвычайный Епархиальный Съезд рижской епархии, на своем пленарном заседании русских, эстонских и латышских депутатов, с согласия Его Высокопреосвященства Архиепископа Иоанна, единогласно наметил кандидатом на эту кафедру настоятеля Петроградской Эстонской Св. Исидоровской церкви протоиерея Павла Петровича Кульбуш. С трепетным сердцем вся Православная Эстонская паства стала ожидать прибытия нового архипастыря. Чем тревожнее и тяжелее становилась жизнь в крае, тем напряженнее ожидали верующие люди того радостного дня, когда православные приходы Эстонии, обуреваемые теперь разными невзгодами, будут объединены вокруг нового ревельского викарного епископа. Это и понятно, так как положение Православия в крае всегда было непрочно, особенно теперь; и будет тем хуже, чем меньше останется на месте православных деятелей. Уже теперь при начинающейся эвакуации, инославные с насмешкой указывают на уходящих православных пастырей, как на наемников. И, надо сознаться, они правы, так как заповедь Христа не делает для пастыря ни малейшего послабления его человеческой немощи, требуя от доброго пастыря, чтобы он и душу полагал за овцы^{xli}. К сему надо заметить, что лютеранская консистория, генерал-суперинтендент и все пасторы остаются на местах. В таком случае историческим вопросом для дальнейших судеб Православия в Прибалтийском крае становится вопрос о немедленном прибытии к остающейся в вихре военных событий пастве епископа, который мог бы объединить остающихся пастырей, организовать их деятельность сообразно грозным требованиям времени и быть законным представителем не только духовенства, но и всего православного населения. В крайнем случае, если бы враги на это отважились, то как пастыри, так и пасомые хотя бы своими страданиями укрепили православную веру, как она укреплялась и украшалась мученической кровью в первые века христианства.

В силу железной необходимости почти вся паства остается на месте. И если вообще никогда пастырь не мыслим вне своей паствы, то особенно он нужен пастве в дни страшных испытаний, чтобы поддержать дух ослабевающих, утешить страждущих, а в

^{xxxviii} Пернов – совр. г. Пярну.

^{xxxix} Номер и дата – позднейшая рукописная канцелярская помета. Документ датируется 29 октября 1917 г. по дате в конце текста.

^{xl} Второй Чрезвычайный Епархиальный Съезд Рижской Епархии.

^{xli} «Пастырь добрый полагает жизнь свою за овец» (Иоан. 10:11).

крайнем случае своими страданиями показать пример христианского мужества. И когда Св. Первоверховные Апостолы Петр и Павел, столь нужные Св. Церкви в начавшуюся эпоху жестоких гонений на нее, бестрепетно шли вместе с верующими на смерть, когда для этого наступил час воли Божией, то не может быть сомнений, что и теперь, когда Православной пастве угрожают невиданные беды, нужно, чтобы этот крест понесли и пастыри, а среди них и архипастырь.

Зная положение православия в крае, мы долг имеем определенно заявить, что если теперь, в дни тягчайшей скорби, не будут приняты все меры, чтобы спасти положение православия, то после будет уже поздно. И к этим неотложным мерам мы уже на первом Чрезвычайном Епархиальном Съезде 25–26 мая в первую очередь отнесли вопрос о епископе, который теперь здесь сугубо необходим. После же, уже, наверное, и нужды не будет в епископе, если теперь народу воочию будет доказано, что православные пастыри готовы делить с паствою только светлые дни, а в черные дни скорби, когда они наиболее нужны, удаляются, оставляя паству на произвол судьбы.

Поэтому мы, нижеподписавшиеся представители православного населения города Пернова, до которых дошла из Москвы весть о том, будто Св. Синод сейчас, ввиду тревожного времени и возможности занятия края врагом, и не намерен отпустить к нам епископа, осмеливаемся убедительнейше просить Ваше Святейшество внять нашей духовной нужде и возможно скорее решить в утвердительном смысле вопрос о хиротонии ревельского викарного епископа, каковым общее желание как нашего Архиепископа, так и всей, без исключения, паствы, наметило о. протоиерея Павла Петровича Кульбуш. Мы верим, что он, выросший в нашем крае сыном сельского псаломщика, живого свидетеля мук рожденья Прибалтийской православной церкви и с детства сам будучи знаком с жизнью православных эстонцев, не откажется прибыть к нам для духовной поддержки своей паствы в печальные дни всевозможных горестей. Верим и тому, что Св. Синод, в отеческой любви к страждущей православной пастве эстонской, услышит наше моление, посылаемое к нему не из праздной суетливости, а от глубины страждущей души под громом пушек и под витающим над головами дыханием смерти и примет все меры, чтобы отпустить к нам архипастыря пока еще не поздно и можно надеяться с Божиею помощью спасти положение Православия, хотя бы ценою великих жертв.

гор. Пернов. 29 октябр[я] 1917 года.
Церковный староста Алексей Кюнг.
[101 подпись]

РГИА. Ф. 796. Оп. 204. Отд. 1. Стол 5. Д. 518. Лл. 13–15.

Подлинник. Рукописный текст с рукописными же канцелярскими пометами.

Подписи – автографы.

Рапорт представителей православного духовенства эстонской части Рижской епархии Высокопреосвященнейшему Иоанну, архиепископу Рижскому и Митавскому от 29 октября 1917 г.

14 нояб. 1917 г.^{xiii}

Его Высокопреосвященству,
Высокопреосвященнейшему Иоанну, Архиепископу Рижскому и Митавскому
представителей православного духовенства
Эстонской части Рижской епархии
рапорт.

Имеем честь доложить Вашему Высокопреосвященству нижеследующее.

Недавно получены нами из Москвы частные сведения, что Члены Святейшего Синода не находят возможным в настоящее время решить вопрос о замещении недавно восстановленной кафедры Ревельского викарного епископа из-за тревожного положения эстонского края вследствие близости к фронту и возможности дальнейшего наступления германцев^{xliii}.

Эти известия повергли нас в глубочайшую печаль, ибо когда нам стало ясно, что Вашему Высокопреосвященству невозможно разделить возможный плен большинства остающегося^{xliv} на месте эстонской паствы, то было естественно предположить, что к нам в эти грозные времена прибудет новопоставленный Ревельский викарный епископ, которому, к тому же, и поручено заботиться преимущественно об эстонских приходах края. Думали, что Сам Бог столь премудро устрояет положение Рижской паствы, когда и остающиеся в угнетении и находящиеся в рассеянии не будут лишены Архипастырского руководства и утешения. Но тут постигла нас тяжкая печаль в виде отрицательного отношения Членов Святейшего Синода к посылке нам Архипастыря теперь же, когда на местную паству уже ниспослано огненное испытание. Мы никак не можем уяснить себе причин такого отношения к этому важному вопросу и поэтому позволяем себе в сыновней преданности прибегнуть к отеческому благосердию Вашего Высокопреосвященства с сердечной просьбой: услышьте наш скорбный глас и не откажитесь еще раз предстать пред Святейшим Синодом с убедительнейшей мольбой Вашей тяжело испытуемой паствы о том, чтобы не лишиться нам благодатного руководства Архипастырского, особенно необходимого в виду возможного пленения большинства паствы — как мирян, так и духовенства. Мы уже неоднократно доказывали необходимость укрепления тяжелого положения Православия в крае разными мерами, а прежде всего открытием викарных кафедр епископов для эстонской и латышской частей епархии. Наиболее ярко эта необходимость была очерчена в последнем представлении Вашего Высокопреосвященства Святейшему Синоду об открытии упомянутых кафедр викарных епископов. Эта часть представления вошла и в

^{xiii} Рукописная дата, проставленная в ходе канцелярской обработки документа. Документ датируется 29 октября 1917 г. по дате в конце текста.

^{xliii} В результате Моонзундской операции в октябре 1917 г. германские войска заняли Моонзундский архипелаг и возникла непосредственная опасность высадки десанта и германской оккупации Эстляндской губернии.

^{xliv} Так в тексте.

текст Указа Св. Синода от 4 августа сего года за №8294^{xlv}, о восстановлении для эстонской части епархии кафедры Ревельского викария. Необходимость эта весьма авторитетно была доказана 5 Всероссийским Миссионерским Съездом (25 июля 5 августа с. г. в Бизюковом монастыре), каковой Съезд открытие кафедр эстонского и латышского викариев в Рижской епархии признал важнейшим миссионерским средством для поддержания Православия в крае. И тем не менее, в виду вышеупомянутого отрицательного отношения к этому вопросу со стороны Членов Святейшего Синода в данный момент^{xlvi}, мы еще раз попытаемся высказать свои опасения и тревоги, чтобы в худшем случае хоть на нас не было ответственности за возможную катастрофу православного дела в Прибалтике.

Тяжела была жизнь православной паствы Прибалтийского края с самого начала существования Рижской епархии. Православие и православные были терпимы, как зло. Ибо теперь инославная печать определенно говорит, что Россия погибает из-за своих вековых устоев – Православия и самодержавия. А на общеземском съезде учителей одним из пасторов еще определеннее было сказано, что русские погромы и анархия – это плод Православия: у нас, мол, протестантов, – и погромов нет. Значит, что уже сейчас нам объявлена беспощадная война, цель которой полное уничтожение Православия в крае. И если все это делается, когда наш край еще принадлежит России, то легко себе представить, что будет тогда, когда краем завладеют, хоть временно, жесточайшие враги Православия – германцы. Нет сомнения, что они всеми мерами будут стремиться к тому, чтобы вызвать массовое движение народа в протестантство и тем уничтожить наши и так уже слабые приходы, из которых половина даже не приходы, в полном смысле этого слова, а миссионерские станы для разбросанных на десятки и сотни квадратных верст 300–400 душ православных. Конечно, можно указать, что плетью обуха не перешибешь и все равно, ничего уже сделать нельзя; а посему будут бесполезны и хлопоты и бесцельны приносимые жертвы. Но мы свято верим словам св. Князя Александра Невского, что не в силе Бог, а в правде. Мы видим, как православная паства, несмотря на все ужасы, которыми стращают в случае германского пленения «культурные» лютеране, поголовно остается верною своей вере. Всегда прибегая к пастырям в самых трудных обстоятельствах своей жизни, православные и теперь с тревогою спрашивают: останутся ли при нас священники. И, получая утвердительный ответ, успокаиваются. Но в противном случае понятно, что православные переживают самые мучительные дни: мало того, что их высмеивают лютеране за «веру наемников», как недавно выразился один пастор, им уже не к кому толкнуться, хотя бы за добрым словом, равно и не могут они понять, что заставляет пастыря уходить ранее всякой опасности, как это теперь случилось после взятия Риги и Эзеля^{xlvii}, когда более десяти священников, вне всякой опасности, оставили свои приходы, и когда в большинстве, по полученным^{xlviii} сведениям, несомненно преобладает направление уходящее. А в этом именно и кроется корень гибели дела. Ибо пока на месте священники – нечего

^{xlv} См. также выше «Определение Св. Синода от 1 августа 1917 г.».

^{xlvi} О формальной причине задержки восстановления кафедры Ревельского викария – задержки хиротонии протоиерея Петроградской Исидоровской Православной Эстонской Церкви Павла Кульбуша из-за незавершенности процесса развода см. в нижепубликуемом рапорте последнего от 14 декабря 1917 г., а также статью И. Пярт в настоящем номере «Православия в Балтии».

^{xlvii} Рига была занята германскими войсками 3 сентября 1917 г., острова Эзель (совр. Сааремаа) и Даго (совр. Хийумаа) – в ходе Моонзундской операции (12–20 октября 1917 г.).

^{xlviii} В тексте слово «полученным» дано как «полученным».

бояться за приходы. Как бы германцы не поступили со священниками, народ будет утешен в сознании: наш отец с нами остался и за нас страдает. И чем больше скорбь, тем теснее сольется паства с пастырем, тем прочнее утвердится она в Православии. Но горе, когда пастырь покидает паству: рухнет последняя основа нашего дела. Народ, поставленный пред ужасами огненного испытания, в понятной тоске мятется душою и никогда не простит малодушия тех, которые должны своим примером поддерживать бодрость в людях. Ясно, что в случае ухода большинства пастырей, от Рижской епархии останутся жалкие крохи, и этим мы сами наилучшим образом поможем врагу в искоренении Православия. Теперь можно задавать вопрос: почему паства остается на местах? Ответим: она должна остаться, ибо при нынешних условиях отсюда некуда бежать народу, когда и единицам трудно пробраться, и в 56 внутренних губерний беженцам въезд запрещен. Наконец, можно спросить: почему же среди большинства духовенства не наблюдается достаточной твердости, несмотря на очевидную гибель православия от их ухода, особенно преждевременного. Но и это легко можно объяснить: безглавное тело, как-бы оно велико и сильно не было, все же погибнет. Епископ – глава церковного тела. Без него духовенство – сирота. Привыкшее в нашей немногочисленной епархии во всем, даже в незначительных вопросах, обращаться за разрешением к Архипастырю, духовенство сейчас, застигнутое невиданною и неслыханною бурей и, не имея с собой на месте Архипастырского авторитета^{xlix}, так теперь нужного, совсем теряется. Многие и не могут себе представить, как жить и действовать тогда, когда наступит последнее испытание, когда к Архипастырю и письменного доступа не будет, а кругом будут одни только враги. Вследствие этого и падает мужество. А страшные кровавые картины разрушения от бомбардировок одолевают последнюю смелость. Человеку не на кого опереться – вот он и падает духом и, безумея от ужаса, уходит. Таким образом выясняется, что в Епископе, который бы решился остаться здесь и в грозу, и сосредоточен сейчас вопрос: быть или не быть в Эстонии Православию. Останется Епископ, несомненно останется и духовенство, если не все, то все же большинство, ибо пастыри почувствуют, что есть человек, облеченный высшею благодатью священства, к кому можно обратиться за советом, помощью и, в случае нужды, за заступничеством; есть центр, который все духовенство объединит и может авторитетно руководить церковным кораблем в бурю. Сохранится организация, останутся на месте деятели и – положение Православия будет спасено. Народ не удивится, если останутся пасторы, единоверные германцам; но если останутся священники и с ними Епископ, то этим народу дано будет высшее доказательство, что Православие, действительно, есть вера истинная, за которую люди всем жертвуют, все отдают. В этом смысле не страшны посягательства германцев и на самую жизнь пастырей: чем сильнее гнали язычники христиан, тем более свет Христов распространялся, ибо зерно пшеничное не оживет, если не умрет^l. И в такое страшное время, когда разрушается полмира, гибнут царства и престолы, убиты и искалечены миллионы лучших на земле людей, что трепетать православному пастырю, когда без воли Божией волос с головы не упадет^{li}. Ведь мы остаемся на страже десятков тысяч душ, искупленных кровью и смертью Самого Христа. И как-бы сильно не было по человечеству стремление уйти от бури в тихое место, в наш век общего повсюду разрушения, поневоле

^{xlix} Архиепископ Рижский и Митавский Иоанн покинул епархию в августе 1917 г. для участия в Поместном Соборе. См. ссылку ii.

^l Иоан. 12:24.

^{li} Мф. 10:29; Лук. 12:7.

вспоминаются слова Христа: «что пользы человеку, если он мир весь приобретет, душу же свою погубит»^{lii}. Ведь мы теперь ежечасно можем стать пред Страшным Его судищем, поэтому нужно же подумать и об ответе.

В виду всего этого мы, когда выяснилось, что большинство нашей паствы остается на местах, и решили постоять с Божьею помощью за величайшее Его к нам благодеяние – за святую Православную веру – до конца. Поэтому и умоляем чрез Ваше Высокопреосвященство как Святейший Правительствующий Синод, так и Освященный Всероссийский Собор благословить нас и послать к нам живого носителя Апостольского благословения – Епископа. Ибо мы не можем допустить мысли, чтобы с благословения Вашего Высокопреосвященства намеченный всею паствою единогласно кандидат в Ревельского Епископа отец Протоиерей Павел Кульбуш отказался идти к нам, если на то будет непременное изволение Святейшего Синода и Освященного Собора и когда нужда в нем здесь так велика.

Итак, еще раз умоляем Вас, Владыко, не оставьте нашей сердечной просьбы и умолите Святейший Синод, а если нужно, то Освященный Собор благословить к нам Архипастыря возможно скорее, пока над нами еще не захлопнулась вражеская крышка. Сам Господь благословит Вас за внимание к слезам изнывающей в смертной тоске паствы Вашей и поэтому усиленно ищущей спасения в молитве и теснейшем общении с пастырями, которые в свою очередь, под страшным бременем исторической ответственности за Православную веру в нашем крае, смущаются духом и, в сознании своей слабости, ищут опоры в авторитете Архипастыря, как высшего носителя Божественной благодати, немощная врачующей и оскудевающая восполняющей.

Вашего Высокопреосвященства

Всепокорнейшие слуги и смиренные просители:

Делегат Собора, Верроский Благодичный, Священник Н. Пятс^{liii}.

Член Временного Епархиального Совета от священников эстонской части Рижской епархии и заместитель делегата Всероссийского Собора от духовенства той же епархии, Юрьевской Александро-Невской церкви Священник Антоний Лаар.

Епархиальный миссионер священник Иоанн Павел.

Благочинный Юрьевского 2 окр[уга] Священник Михаил Блейве^{liv}.

№ 712

Гор. Юрьев, Эстляндской губ.

Октября, 29 дня, 1917 года.

РГИА. Ф. 796. Оп. 204. Отд. 1. Стол 5. Д. 518. Лл. 7–9.

Подлинник. Машинопись. Подписи – автографы.

^{lii} Мф. 16:26.

^{liii} Николай Яковлевич Пятс (эст. Nikolai Päts; 1871–1940) - священник; в 1914–1918 гг. Верроский (совр. г. Выру) благочинный; участник Поместного Собора Православной российской церкви в 1917–1918 гг.; в 1919–1931 заместитель председателя, в 1935–1940 - председатель Синода Эстонской Апостольской Православной Церкви. Брат эстонского государственного деятеля Константина Гятса (1874–1956), первого президента Эстонии.

^{liv} Блейве Михаила Иванович (эст. Mihhail (Mihkel) Bleive; 1873–1919) – священномученик, настоятель Успенского собора в г. Юрьеве. 14 января 1919 г. зверски убит большевиками в Юрьеве вместе епископом Ревельским Платоном и настоятелем Георгиевской церкви Николаем Бежаницким. Канонизирован в лике священномученика с включением в Собор новомучеников и исповедников Российских.

Представление протоиерея Петроградской Исидоровской
Православной Эстонской Церкви Павла Кульбуша кандидатом
для занятия кафедры викарного епископа 8 ноября 1917 г.

№3138 9 ноября 1917 г.^{lv}

Святейшему Правительствующему Синоду

Иоанна Архиепископа Рижского и Митавского

Представление

Определением Святейшего Синода 4-го авг. сего года постановлено восстановить в Рижской епархии Ревельское викариатство. На общепархиальном Съезде духовенства и мирян Рижской епархии, происходившем 10-го авг в г. Юрьев единственно желательным кандидатом для занятия кафедры викарного епископа признан единодушно протоиерей Петроградской Исидоровской Прав. Эстонской Церкви Павел Кульбуш^{lvi}, как эстонец по происхождению, сердечно преданный делу укрепления православия в родном крае, могущий своим авторитетом и религиозно-нравственным влиянием с особенным успехом содействовать привлечению эстонцев к церкви Православной и укреплению их в преданности церкви. Протоиерей Кульбуш со своей стороны со всею готовностью отозвался на призыв родичей послужить Церкви Божией в родном крае в звании викарного епископа при предварительном принятии на себя монашества. После развода, когда [неразб.]^{lvii}.

Представляя сие на благовоззрение Свят[ейшего] Правительствующего Синода, поставляю долгом благопочтительнейше выразить, что я со своей стороны признаю прот[оиерея] Кульбуша вполне достойным кандидатом для занятия кафедры викарного епископа и желательным сотрудником в деле благоустройства Православной Церкви в Прибалтийском крае.

Материальное содержание викарного епископа обеспечивается ассигнованием из сумм Св. Синода, 2000 р. согласно состоявшемуся о том определению в августе месяце текущего года, и из местных средств в размере до 3000 руб. по постановлению Эстонской секции Епархиального Съезда духовенства и мирян 9 и 10 авг. в г. Юрьеве.

Копия сего постановления при сем прилагается.

При сем же прилагается копия акта^{lviii}, составленного на Епархиальном Съезде, утверждающего единогласное на съезде признание Прот[оиерея] Кульбуша достойнейшим кандидатом для занятия кафедры Ревельского епископа в звании викария Рижского.

Вашего Святейшества
нижайший послушник

^{lv} Дата проставлена в ходе канцелярской обработки документа. Документ датируется 8 ноября 1917 г. по дате в конце текста.

^{lvi} См. ссылку xxxiii.

^{lvii} Дополнено на полях.

^{lviii} См. публикуемый выше «Акт о выдвижении 10-го августа 1917 г. Епархиальным Съездом представителей клира и мирян Рижской епархии протоиерея Петроградской Исидоровской Православной эстонской Церкви Павла Кульбуша кандидатом на должность Ревельского викарного епископа для эстонских приходов епархии».

Иоанн Архиепископ Рижский и Митавский

[но]ября 8 дня 1917 г.

РГИА. Ф. 796. Оп. 204. Отд. 1. Стол 5. Д. 518. Лл. 1–2.

Подлинник. Автограф.

Протокол экстренного заседания Рижского Временного
Епархиального Совета 22-го ноября 1917 г.

Копия

Протокол экстренного заседания
Рижского Временного Епархиального Совета 22-го ноября 1917 г.

Присутствовали: Председательствующий, протоиерей Н. А. Перехвальский^{lix}, члены: священники И. [?]. Павел, М. И. Блейве, А. Д. Лаар, И. И. Берзин и В. С. Паляр; кроме того, в собрании участвовали о.о. благочинные: Юрьевский I округа, свящ. К. Я. Савви, Гапсальский^{lx}, свящ. Б. В. Бжаницкий и Венденский^{lxi}, свящ. К. Витол, протодиакон К. А. Дорин и члены Юрьевского благочин. Совета А. А. Цимброт.

Был заслушан доклад делопроизводителя Совета священника А. Лаар о том, что согласно полученным из Москвы от членов Всероссийского Церковного Собора по Рижской Епархии, сообщениям, в ближайшем будущем предполагается перевод ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВА Архиепископа Иоанна из Рижской Епархии в Рязанскую и что на рижскую кафедру предполагается Преосвященный Епископ Макарий, бывший Орловский.

По всестороннем обсуждении этого весьма важного и чреватого последствиями для будущих судеб Православия в Прибалтике вопроса, Временный Рижский Епархиальный Совет, как единственный представитель православных приходов в епархии, усиленный в настоящем заседании участием 3-х о.о. благочинных, на основании нынешнего положения Православия в Прибалтийском крае единогласно постановил:

1) В настоящее время когда Рижская Епархия, помимо бедствий от усиливающегося междоусобия, безжалостно попирается врагом, когда часть паствы в рассеянии, часть во вражеском плену, а остальные, в ожидании всевозможных бедствий, вплоть до часа смертного, томятся душою и требуют особой духовной поддержки, – уход Архипастыря, которому Богом суждено доселе разделить небывалую скорбь своей паствы, признать безусловно несвоевременным и убедительнейше просить ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВО, на основании голоса Рижской паствы, представляемой Епархиальным Со-

^{lix} Перехвальский Николай Андреевич (1873–1966) – протоиерей Русской православной церкви. С 1899 г. священник Александро-Невской церкви в Риге. В 1905 г. являлся депутатом первого в истории Рижской епархии Епархиального собора. Во время Первой мировой войны в эвакуации в Ярославле. В 1918 г. избран настоятелем Александро-Невской церкви в Риге, должность занял в 1921 г. после возвращения из эвакуации. В 1932 г. избран благочинным Рижских приходов; после 1944 г. в Германии, США.

^{lx} Гапсаль – совр. Хаапсалу.

^{lxi} Венден – совр. Цесис.

ветом, найти возможность предупредить проектируемый переход и не отказать довести эту просьбу до сведения Св. Синода.

2) Если же тем не менее означенный переход Рижского Архипастыря почему-либо уже не может быть отменен, то Временный Епархиальный Совет полагает, что замещение рижской кафедры, как важнейшей передовой позиции православной Российской Церкви, всегда окруженной многочисленными и сильными духовными врагами Православия, а теперь подвергнутой кроме этого жестоким ударам мирского врага, дело первостепенной важности и никоим образом не может быть решено помимо самой паствы. Если соборное выборное начало предоставлено паствам внутренних епархий, то наиболее заслуживает этого канонического права прибалтийская паства, которой с особенною силою приходится отстаивать Православие от систематических нападков на нее вдесятеро сильнейшей массы инославия и где борцом за святое дело является каждый священник, каждый псаломщик, каждый мирянин. Чтобы отстоять дорогое всем нам достояние, Св. Православие, в это общее для всей Церкви скорбное время, но особенно страшное на окраине, нужно теснейшее соборное единение пастырей с пасомыми, основанное на взаимной любви и на близком знании особенных условий духовного делания в Прибалтийском крае. А поэтому вполне естественно, что достойнейшим кандидатом на рижскую кафедру явится лишь тот святитель, на которого укажет Собор Рижской Епархии. Отсюда ясно, что не может возникнуть и вопроса о замещении рижской кафедры помимо паствы в такое время, когда православному делу в крае грозит сильнейшая опасность, когда нужно напрячь все усилия к сохранению здесь Православия. При этом Епархиальному Совету и смеем уверить, всей рижской пастве, совершенно непонятны мотивы выставления на рижскую кафедру таких кандидатов, служение которых Св. Церкви, как видно из печального опыта, не могло продолжаться за очевидным отсутствием апостольского условия – блюсти единение духа в союзе мира.

3) Однако, принимая во внимание, что театр военных действий захватил и Рижскую Епархию, что кафедральный город занят врагом и вообще вся Епархия в нынешнее время из-за военных обстоятельств находится в весьма неблагоприятных условиях, препятствующих пастве собраться на Собор для выбора нового Архипастыря, то совет полагает, что замещение рижской кафедры должно быть отложено до окончания войны, когда выяснится будущее Прибалтийского края, сейчас наполовину занятого врагом, и когда вся Рижская паства получит опять возможность собраться для устройства своих церковных дел.

4) Но так как в настоящее скорбное время рижская паства особенно нуждается в духовном руководительстве и непременно присутствии Архипастыря в крае, где сейчас уже решается вопрос о будущем существовании Православия, о чем более подробно было доложено в рапорте представителей духовенства эстонской части Епархии от 29 октября с. г.^{lxxii}, то Совет убедительнейше просит об ускорении хиротонии единогласно избранного всею Рижской Епархией в ревельского викарного Епископа, отца протоиерея П. П. Кульбуша, путем облечения ему дела развода^{lxxiii} и о поручении ему, как знакомому с положением и нуждами Православия в крае, на законном основании в качестве викар-

^{lxxii} См. выше «Рапорт представителей православного духовенства эстонской части Рижской епархии Высокопреосвященнейшему Иоанну, архиепископу Рижскому и Митавскому от 29 октября 1917 г.».

^{lxxiii} См. ниже «Рапорт протоиерея Петроградской Исидоровской Православной эстонской Церкви Павла Кульбуша». См. также статью И. Пярт в настоящем номере «Православия в Балтии».

ного Епископа Епархии временного управления всею Рижскою Епархией до окончания войны и наступления нормальных условий жизни в крае.

5) Протокол с вышеизложенными постановлениями Епархиального Совета препроводить ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕСТВУ с всепокорнейшею просьбою о внимании к голосу Рижской паствы, в лице Временного Епархиального Совета, и о доведении содержания протокола и до сведения Св. Синода, а копию с протокола послать членам Священного Всероссийского Собора от Рижской Епархии с уполномочием войти от себя в Св. Синод и к ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВУ, ПАТРИАРХУ ТИХОНУ с ходатайством сообразно содержанию сего протокола.

И[сполняющий] об[язанности] Председателя Совета, Прот. Н. Перехвальский
Благочинный Юрьевского II окр[уга] Священник Михаил Блейве
Гапсальский благочинный священник Борис Бежаницкий
Венденский благочинный священник К. Витол
Член Совета Иван Иванович Берзин
Викентий Самуилов Пакляр
Андрей Андреевич Цимброт
Делопроизводитель Совета, священник А. Лаар
Протодиакон К. Дорин

*РГИА. Ф. 796. Оп. 204. Отд. 1. Стол 5. Д. 518. Лл. 23–24.
Подлинник. Машинопись. Подписи – автографы.*

Прошение Святейшему Синоду от участника Поместного собора
Православной Российской Церкви, представителя православных
эстонцев Александра Каэласа от 10 ноября 1917 г.

№ 2548

28 ноября 1917^{lxiv}

В Святейший Синод

представителя в Собор Православных эстонцев

приват-доцента Александра Каэлас^{lxv}

прошение.

Православная церковь с самого начала была предметом ненависти и гонения в Прибалтийском крае. Возникнув вопреки воле немцев и среди прочно утвердившегося в крае лютеранства, она сохраняла свое существование лишь при поддержке центральной власти. Начавшееся с 1895 г. сокращение казенного пособия и акт о веротерпимости 1905 г. поставили дело Православия в крайне тяжелое положение. В совсем уже невозможное, прямо убийственное положение попала Православная Церковь Прибалтики в нынешнем году вследствие совершившегося в России переворота и связанного с этим крайне печального развития военных событий на фронте. Православные приходы разрушаются и гибнут; пасомые и даже пастыри местами разбегаются. Вера в будущее Православной церкви падает и теряется; а надежды очень воинственно настроенных лютеран на полное вытеснение Православия из края ежечасно растут и нередко высказываются прямо открыто и вслух православным.

Такое ужасное положение Православной церкви в крае не может не волновать сердце преданных ее сынов. Особенно волнуются православные эстонцы, среди которых православие сделало наибольшие успехи и у которых еще не совсем погибла вера в дело^{lxvi} сохранение Православия в крае. Стремясь сделать все возможное, православные деятели из эстонцев на своих совещаниях пришли к убеждению, что в Эстонии за Православие можно бороться успешно с лютеранами и с тяжелыми внешними условиями только при условии объединения всех православных эстонцев вокруг знающего эстонский язык архипастыря, способного защищать нашу веру и словесно, и в литературе. Высокопреосвященнейший Иоанн, архиепископ Рижский и Митавский, страдая душой за чад своих духовных и живо сознавая эту неотложную их нужду, всемерно поддержал мнение и предположения эстонских деятелей. По его представлению и ходатайству Святейший Синод 26 июля с. г. восстановил кафедру Ревельского викарного епископа с тем, чтобы на эту кафедру было избрано лицо, знающее эстонский язык. Основыва-

^{lxiv} Номер и дата – позднейшая рукописная канцелярская помета. Документ датируется 10 ноября 1917 г. по дате в конце текста.

^{lxv} Каэлас (Каелас) Александр Ананиевич (1880–1920) – эстонский теолог, философ, психолог. В 1905 г. окончил московскую Духовную Академию. В 1914–1919 гг. приват-доцент, в 1919–1920 гг. профессор Московского университета. Как представитель православных эстонцев участвовал в Поместном Соборе 1917–1918 г. На первом Соборе Эстонской Православной Церкви в 1919 г. в Таллине при единодушном одобрении собравшихся клириков и мирян заочно был избран кандидатом на кафедру правящего архиерея. Кафедру не занял из-за внезапной смерти в Иркутске в апреле 1920 г.

^{lxvi} Слово «дело» зачеркнуто.

ясь на этом, чрезвычайный съезд Рижской епархии 10 авг. с. г. избрал кандидатом на названную кафедру протоиерея Павла Петровича Кульбуш^{lxvii}. Все были уверены, что избранник их немедленно будет утвержден и в самом скором времени явится в их среду для объединения вокруг себя православных эстонцев и спасения из дела Православия того, что еще спасти можно.

Но вот уже три месяца, как состоялись эти выборы, а Ревель и вся Эстония православная все еще тоскуют желанного архипастыря. Такая затяжка страшно беспокоит православных эстонцев, а со дня новых успехов германцев в Прибалтике (взятие Эзеля, Даго и всего Рижского залива^{lxviii}), стала повергать многих в уныние и отчаяние. Уже ли для Святейшего Синода совсем не дороги судьбы Православия в Прибалтийском крае? Кровью обливается сердце, когда смотришь на это непостижимое пренебрежение мольбами и просьбами измученных страхами и надеждами эстонцев. Меня, как представителя православных эстонцев на Соборе, сперва запрашивали письменно о времени прибытия нового архипастыря, а теперь, когда выяснилось, что он даже не утвержден еще, оставаясь пока просто кандидатом, совершенно уже закидывают требованиями узнать – отчего происходит такая роковая задержка. Вместе с тем, идут сообщения, что в приходах решено снова и усиленно просить Святейший Синод о возможном скором утверждении о. Кульбуша епископом Ревельским и о совершении над ним хиротонии. Прошения в таком смысле пишутся и подписываются в разных местах, а одно подобное из г. Пернова^{lxix}, подписанное многими прихожанами, на днях прислано ко мне для передачи в Свят. Синод.

Препровождая при этом названное прошение и испрашивая разрешения препроводить и другие, если они будут присланы ко мне, со своей стороны от всей души присоединяюсь к мольбам представляемых мною православных эстонцев и горячо молю Свят. Синод снизить к ним и дать им желанного архипастыря. Препятствий никаких нет. Правда, мы очень желали бы, чтобы от о. Кульбуша пред хиротонией не требовали бы^{lxx} принятия иноческого чина: как известно, это запрещено прямо Канонами (2 прав. собора в храме Премудрости, ср. 12 прав. 6 Всел. собора), а особенно это нежелательно в виду особых условий служения в Прибалтийском крае (среди лютеран). Однако, если Святейшему Синоду угодно твердо настаивать на бывшей до сих пор практике Русской церкви, не согласной с канонами, и никак иначе нам архипастыря он давать не намерен, то все мы, т. е. и верующие православные эстонцы, и сам о. Кульбуш, готовы согласиться и на это тяжелое условие, дабы спасти большее и самое дорогое – православие в Прибалтийском крае. Содержание новому епископу нами определено, и он этим вполне удовлетворяется. Что же касается оставления о. Кульбушем супружеской жизни, то официально он этого не может начать и провести (в виду интересов детей), пока не будет утверждено его избрание епископом Ревельским. Чтобы выйти из этого круга, я усердно просил бы Святейший Синод вынести решение в том смысле, что о. Кульбуш

^{lxvii} См. выше «Решение Епархиального съезда представителей клира и мирян Рижской епархии от 10 августа 1917 г.»

^{lxviii} См. ссылке xliii.

^{lxix} См. выше «Прошение православных жителей г. Пернова. См. также ниже «Прошение Святейшему Синоду от православных жителей города Ревеля от 27 ноября 1917 г.».

^{lxx} Частица «бы» зачеркнута.

утверждается согласно избранию епископом Ревельским, но с тем, чтобы до хиротонии он развелся с супругой и (если это требуется) принял иноческий чин.
Москва, 10 ноября 1917 года.

Член Всероссийского церковного Собора,
представитель православных эстонцев Рижской епархии
приват-доцент Московского Университета
Александр Каэлас.

РГИА. Ф. 796. Оп. 204. Отд. 1. Стол 5. Д. 518. Лл. 16–17.
Подлинник. Автограф.

Прошение Святейшему Синоду от православных
жителей города Ревеля от 27 ноября 1917 г.

1 декабря 1917 г. № 2461^{lxxi}

В Святейший Правительствующий Синод

Православных жителей
города Ревеля

Прошение.

Вследствие ухода Архиепископа Иоанна в Рязань кафедра епископа Рижской епархии освободилась и представляется возможным удовлетворить сердечное желание православных эстонцев и латышей иметь своих архипастырей, которые знали бы местные языки и могли бы говорить с народом на понятном ему языке.

Ввиду вышесказанного мы нижеподписавшиеся представители Православного населения города Ревеля, осмеливаемся убедительнейше просить Ваше Святейшество взять духовной нужде православных Эстонцев и выделить из Рижской епархии Эстонскую часть ее, основать самостоятельную Ревельскую епархию и назначить самостоятельным епископом на эту кафедру о. протоиерея Павла Петровича Кульбуша, который был назначен нашими представителями на епархиальном съезде духовенства и мирян в городе Юрьеве, и с согласия архиепископа Иоанна, кандидатом на кафедру Ревельского викарного епископа.

Гор. Ревель, 27 ноября 1917 года.

[73 подписи]

РГИА. Ф. 796. Оп. 204. Отд. 1. Стол 5. Д. 518. Л. 19.
Подлинник. Автограф.

^{lxxi} Номер и дата – позднейшая рукописная канцелярская помета. Документ датируется 27 ноября 1917 г. по дате в конце текста.

Прошение Членов Поместного Церковного Собора СВЯТЕЙШЕМУ ТИХОНУ,
ПАТРИАРХУ МОСКОВСКОМУ И ВСЕЯ РОССИИ от 7 декабря 1917 г.

№ 3475. 16 декабря 1917 г.^{lxxii}

ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВУ
СВЯТЕЙШЕМУ ТИХОНУ, ПАТРИАРХУ МОСКОВСКОМУ И
ВСЕЯ РОССИИ.

Членов Поместного Церковного Собора,
депутатов Рижской епархии,
священника Иоанна Намнека,
учителя Петра Маршана, приват-доцента
Московского Университета Александра Ананиевича Каэласа и
помощника смотрителя Рижского Духовного
Училища Сергея Александровича Осипова

ПРОШЕНИЕ.

В связи с переводом Его Высокопреосвященства, Архиепископа Иоанна из Рижской епархии в Рязанскую мы, нижеподписавшиеся, имели честь 22-го Ноября сего года передать Вам, Ваше Святейшество, ходатайство относительно замещения ставшей вакантной Рижской кафедры^{lxxiii}. Ныне нами получена копия протокола экстренного заседания Рижского временного епархиального Совета^{lxxiv}, заседавшего, как оказывается, в тот же день и вынесшего решение по существу совпадающее с нашим ходатайством. Решения епархиального Совета в том же протоколе нам, как представителям епархии, вменяется в обязательность довести до сведения Святейшего Синода.

Исполняя эту свою обязанность, честь имеем покорнейше просить Вас, Ваше Святейшество, принять от нас означенную копию протокола, как дополнение к нашему ходатайству от 22 Ноября сего года. Вместе с тем соответственно решению епархиального Совета осмеливаемся еще раз утруждать Вас, Ваше Святейшество, и просим войти в Святейший Синод с предложением, чтобы по вопросу о замещении вакантной ныне кафедры Рижской сделаны были следующие постановления:

- 1) Замещение Рижской кафедры постоянным архипастырем, а также выборы такового отложить до конца войны, и именно – до освобождения части Рижской паствы от врага и окончательного выяснения пределов епархии;
- 2) временное управление Рижской епархией до поставления в Ревеле викарного епископа сохранить в руках бывшего нашего Владыки Архиепископа Иоанна, прекрасно

^{lxxii} Номер и дата – позднейшая рукописная канцелярская помета. Документ датируется 7 декабря 1917 г. по дате в конце текста. Слева на полях неразборчивая канцелярская помета, а также отдельно текст: «К делу – пока» и дата «12/ХП».

^{lxxiii} См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 204. Отд. 1. Стол 5. Д. 518. Л. 32.

^{lxxiv} См. публикуемый выше «Протокол экстренного заседания Рижского Временного Епархиального Совета 22-го ноября 1917».

знающего нужды края в данный момент, или же поручить викарию Тверской епархии Епископу Иоанну (Поммеру)^{lxxv} и

3) после хиротонии в Ревельского викария о. Павла Петровича Кульбуш поручить ему временное управление всеми делами Рижской епархии^{lxxvi} впредь до избрания и прибытия на Рижскую кафедру нового постоянного архипастыря.

О последующем решении Синода просим поставить нас в известность по адресу: г. Москва, Духовная Семинария П. Маршана, ст. 33.

Члены Собора: Священник И. Намнек.
Учитель Петр Маршан.
Прив-доц. Моск. Ун. Ал. Казлас.
Сергей Осипов

Декабря «7» дня 1917 г.
г. Москва.

РГИА. Ф. 796. Оп. 204. Отд. 1. Стол 5. Д. 518. Л. 33.
Подлинник. Машинопись. Подписи – автограф.

Рапорт протоиерея Петроградской Исидоровской Православной
Эстонской Церкви Павла Кульбуша от 12 декабря 1917 г.

№ 3418 14 дек. 1917 г.^{lxxvii}
14 дек. 1917 г. [неразб.]^{lxxviii}

Его Святейшеству,
Святейшему Тихону, Патриарху Московскому и Всея России

Петроградской прав. Эстонской Исидоровской ц.
Протоиерея Павла Кульбуша
рапорт.

В дополнение к поданному мною чрез Высокопреосвященного Архиепископа Иоанна, бывшего Рижского, рапорту, по делу об избрании моей худости в викарного епископа Ревельского, – при сем долг имею представить мой послужной список за №5542^{lxxix} и

^{lxxv} Архиепископ Иоанн (Священномученик Иоанн Рижский, в миру Иван Андреевич Поммер, латыш. Jānis Rombergs; 1876–1934) – епископ русской Православной Церкви, архиепископ Рижский и Латвийский, председатель Латвийской Православной церкви.

1912–1913 – епископ Слуцкий, викарий Минской епархии; 1913–1917 – епископ Таганрогский и Приазовский, викарий Екатеринославской Епархии; 1917–1918 – епископ Старицкий, викарий Тверской епархии; 1918–1921 – архиепископ Пензенский и Саранский; 1921–1934 – архиепископ Рижский и всея Латвии.

^{lxxvi} В тексте – «епархией».

^{lxxvii} Номер и дата – позднейшая рукописная канцелярская помета. Документ датируется 12 декабря 1917 г. по дате в конце текста.

^{lxxviii} В верхнем левом углу листа еще одна проставленная делопроизводителем дата и неразборчивая помета.

^{lxxix} См. РГИА. Ф. 796. Оп. 204. Отд. 1. Стол 5. Д. 518. Л. 28 и следующие.

свидетельство Пгр. Духовной Консистории о состоявшемся расторжении моего брака, с женою Надеждою Юлиановою, за № 2014.
Петроград, 12 декабря 1917 года.

Вашего Святейшества
нижайший послушник
Протоиерей Павел Кульбуш^{lxxx}.

РГИА. Ф. 796. Оп. 204. Отд. 1. Стол 5. Д. 518. Л. 26.
Подлинник. Автограф.

Определение Святейшего Правительствующего Синода от 20 Января 1918 года

Копия

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СВЯТЕЙШЕГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕГО СИНОДА.

№182 1918 года Января «20» дня. Святейший Правительствующий Синод Российской Православной Церкви слушали: прошение Членов Священного Собора депутатов от Рижской епархии о том, чтобы, а) кафедра Рижского епархиального архиерея временно впредь до окончания войны и освобождения Рижской епархии от неприятеля, не замещалась и б) чтобы временно^{lxxxi} управление епархией было поручено Преосвященному Викарию, Епископу Ревельскому.

ПРИКАЗАЛИ: Обсудив настоящее прошение и принимая во внимание, что по имеющимся в Святейшем Синоде сведениям Епископ Угличский Иосиф^{lxxxii}, коему Святейшим Синодом поручено временное управление Рижскою епархией, по условиям настоящего военного времени не может прибыть в пределы Рижской епархии, Святейший Синод определяет:

1) кафедру Рижского епархиального архиерея временно не замещать и выборы Рижского Епископа отложить до окончания войны до освобождения Рижской епархии от неприятеля, 2) Епископа Угличского Иосифа освободить от порученного ему временного управления Рижскою епархией и 3) временно управляющим этою епархией назначить викария сей епархии новохиротонисанного Епископа Ревельского Платона, о чем послать указы Преосвященному Митрополиту Ярославскому^{lxxxiii}, Епископам Иосифу и

^{lxxx} Внизу листа неразборчивая канцелярская помета и текст: «Доложено 14/ХП и приказано затребовать дело. Уже затребовано.»

^{lxxxi} Окончание «е» вписано в текст в ходе рукописной правки.

^{lxxxii} Митрополит Иосиф (Иван Семенович Петровых; 1872–1937) – в 1909–1920 г. епископ Угличский, викарий Ярославской епархии (правлящий епархиальный архиерей до декабря 1913 года – архиепископ (впоследствии Патриарх) Тихон (Беллавин)); с 1 декабря 1917 г. по 20 января 1918 г. был временно управляющим Рижской епархии. В 1920–1926 архиепископ Ростовский, викарий Ярославской епархии; 1926–1927 митрополит Ленинградский. В 1928 г. встал во главе «иосифлянского», особого течения в Патриаршей Церкви. Неоднократно арестовывался и находился в ссылке. Расстрелян 20 ноября 1937 г. Прославлен в лике святых Русской православной церковью за границей.

^{lxxxiii} Митрополит Агафангел (Александр Лаврентьевич Преображенский; 1854–1928) – в 1889–1893 епископ Киренский, викарий Иркутской епархии; в 1893–1897 епископ Тобольский и Сибирский; 1897–1910 архиепископ Рижский и Митавский; в 1905 г. созвал Епархиальный собор Рижской епархии. В 1910–1913

Платону и Рижской Духовной Консistorии, а в Канцелярию Священного Собора, Департамент по делам Православной Церкви и в Петроградскую Синодальную Контору передать выписки.

Исполнено^{lxxxiv} 22 Января 1918 г.

Указы Пр[еосвященны]м: Ярослав. №144

Иосифу №146 Платону №145

и Рижск. Дух. Конс. №147

Выписки №182

Об^{lxxxv} управлении Рижскою епархиею.

РГА. Ф. 796. Оп. 204. Отд. 1. Стол 5. Д. 518. Л. 37.

Копия. Машинопись на официальном бланке Св. Синода.

Публикация, предисловие и комментарии Ирины Пярт и Людмилы Дубьевой

Документы публикуются при поддержке национального научного базового финансирования Тартуского университета PHVUS18916.

архиепископ Виленский и Литовский; 1913–1928 митрополит (до 1917 г. архиепископ) Ярославский и Ростовский. Подвергался репрессиям. Прославлен как священноисповедник в лике святых новомучеников и исповедников Российских.

^{lxxxiv} Здесь и далее до «Выписки № 182» рукописные делопроизводственные пометки.

^{lxxxv} Машинописное делопроизводственное указание.

Summary

The set of documents deal with the eventful revolutionary year in the Riga diocese, focusing on the process of the establishment of the suffragan the Reval diocese and electing a bishop. Even though the decision to create two suffragan dioceses for the Estonian and Latvian parts of the Riga diocese had already been made in the 19th century, only in 1917 was the plan for a Reval diocese put forward by representatives of the Estonian clergy and laity. The decision to form a suffragan diocese in Reval was made at the assembly in Tartu on 25–26 May 1917: Father Pavel (Kulbusch) was put forward as the future bishop of Reval in August. The second candidate, Alexander Kaelas, was a layman. The historical documents from the Synod published in this volume provide an insight into the shift of power

within the diocese. While assemblies of the clergy and laity in other dioceses of the Russian Orthodox Church put forward secular priests and lay people as episcopal candidates in 1917, they were unsuccessful. In the Riga diocese, the situation was different. As the war front drew closer, the mood in Estonian parishes became increasingly apocalyptic. Orthodox believers in Estonia argued that the presence of a bishop would save Orthodoxy from obliteration. A campaign of petitions from parishes to the Holy Synod (organised by the priest Antony Laar) aimed to put pressure on the higher ecclesiastical authorities. Despite resistance in the Synod, Pavel Kulbusch was consecrated as bishop of Reval at the close of 1917, which signified the success of the church revolution in the Baltic provinces.

The introduction and commentary authored by Irina Pärt; commentary and preparation for publication of the documents by Ludmila Dubjeva.

The documents are published with the National Research basic financial support of the University of Tartu PHVUS 18916.

In memoriam

Александр Валентинович Гаврилин (1953–2019)

Александр Валентинович Гаврилин. *In memoriam*

Человек удивительной работоспособности, неиссякаемой творческой энергии, Александр Валентинович Гаврилин обладал неординарными организаторскими способностями. Он умел сплотить людей своими идеями и упорным трудом стремиться к достижению поставленных целей. Его идеи увлекали не потому только, что были интересными, но за каждой идеей, будь то издание журнала и научных сборников, организация конференций, ощущалось переживание Александра Валентиновича за судьбу исторической и церковно-исторической науки в балтийском регионе. Он болел душой о положении Православной Церкви в Латвии и о современном старообрядчестве, о сохранении памятников церковной архитектуры. Такое отношение вызывало уважение, и желание соучаствовать в созидательном процессе. Для многих людей под влиянием Александра Валентиновича прибалтийская православная тема становилась очень близкой. После знакомства с Александром Валентиновичем эта тема прочно вошла и в мою жизнь.

Наше знакомство состоялось во время работы Александра Валентиновича над книгой «Латвийские православные священнослужители на Американском континенте». Поскольку для большинства латвийских православных священнослужителей, над биографиями которых работал Александр Валентинович, Германия являлась в 1940-е годы страной временного пребывания, он обратился в архив Германской епархии РПЦЗ по поводу материалов об их служении в транзитной для них стране.

Как сотруднику этого архива, мне выпало счастье познакомиться с Александром Валентиновичем и оказывать ему содействие в работе. Мы интенсивно переписывались первые месяцы знакомства и между нами завязались теплые человеческие отношения. Со временем Александр Валентинович предложил мне сотрудничество в журнале «Православие в Балтии».

Александр Валентинович оказал влияние и на развитие архива Германской епархии РПЦЗ. Его ценными советами и замечаниями мы руководствуемся в нашей архивной деятельности. Для архива он присылал электронные копии исторических документов своей личной коллекции. Неоднократно призывал Александр Валентинович к популяризации архива Германской епархии, к его «выходу из подполья». С этой целью он предоставил возможность публикации статей по материалам архива Германской епархии в журнале «Православие в Балтии». Своё скромное участие по подготовке материалов для журнала «Православие в Балтии» я воспринимал как ответ на этот призыв Александра Валентиновича. Именно в журнале «Православие в Балтии» в 2014 году вышла первая публикация документов архива Германской епархии.

Очень тепло относился Александр Валентинович к Германии, восхищался средневековой немецкой архитектурой, был влюблен в уютную атмосферу мюнхенского кафедрального собора Новомучеников и Исповедников Российских (РПЦЗ). В Германии он неоднократно участвовал в

научных семинарах (Мюнхен, Майнц) и конференциях. Географию журнала «Православие в Балтии» Александр Валентинович распространял и на Германию, как на страну Балтийского региона.

Всем, кто соприкасался в жизни и научной деятельности с Александром Валентиновичем, будет очень не хватать этого открытого, прямолинейного, энергичного, искреннего человека с глубокой внутренней культурой.

С уходом Александра Валентиновича церковно-историческая наука потеряла

крупного учёного-историка, глубокого знатока церковной архитектуры и старообрядчества, талантливого организатора. Таких людей называют двигателями, энтузиастами и подвижниками науки. Остается надеяться, что дело Александра Валентиновича по развитию церковно-исторической науки в балтийском регионе будет продолжено трудами его коллег и единомышленников.

Благодарю Бога за годы общения с Александром Валентиновичем!

Вечная память подвижнику науки и светлomu человеку.

Подвиг добрый Светлой памяти Александра Гаврилина

Мертвые, о которых помнят,
живут так, как будто они не умирали...

Морис Метерлинк. Синяя птица

Не прошло и четырех месяцев со дня кончины Александра Валентиновича Гаврилина. Наверно, эта дистанция слишком мала, чтобы давать оценку, делать анализ того огромного наследия, что оставил нам Александр Валентинович. Я имею в виду не только многие сотни страниц опубликованных и еще не опубликованных его трудов, но и то значение, которое имеет в обществе свободный голос человека, христианина, церковного историка, стремящегося в своем творчестве следовать, прежде всего, научной объективности и правдивому изображению исторической реальности.

Книги и статьи Гаврилина по истории Православной Церкви в странах Балтии, и, конкретно, в Латвии, – бесценны, и, несомненно, будущие исследования по истории православия в Латвии должны, в основном, опираться на такие его книги, как «Очерки истории рижской епархии (19 век)», сборники «Православие в Латвии» (1, 2); на статьи «Православная Церковь на территории Латвии во время Первой мировой войны»; «О каноническом статусе Православной Церкви в Эстонии и Латвии в начале 1920-х годов» и др., на подготовленные им и его учениками публикации документов, впервые вводящиеся в научный оборот (см. научно-аналитический журнал «Православие в Балтии», создателем и главным редактором которого Александр

Валентинович был буквально до последних дней жизни).

Надо сказать, что уникальность сделанного А. В. Гаврилиным в сфере изучения истории Православной Церкви в Латвии связана еще и с тем, что до него исторические исследования православия в Латвии были отмечены очевидными противоречиями и тенденциозностью, ибо носили откровенно идеологический, политический характер, отличаясь зачастую своевольной трактовкой фактологического материала, национально-культурного контекста и т.д., и в строгом смысле не могут считаться научными, в лучшем случае, лишь научно-популярными. А. Гаврилин же очень скрупулезно подходил к изучению и анализу материала исторических источников.

Многое связывало Александра Валентиновича с церковными историками и в России, и на Западе. Его как ученого знали и во Франции. Например, Антуан Нивьер – профессор Государственного Университета Нанси, специалист по истории Православной Церкви и религиозной мысли в России, автор книг о русском и о греческом православии (в частности, об афонских монахах) – считает «Очерки истории Рижской епархии» ценным вкладом в изучение роли православия в Восточной Европе. Это мнение компетентного специалиста, поскольку А. Нивьер заведует Центром исследований по литературам и культурам Центральной и Восточной Европы. Александра Валентиновича весьма интересовала книга Антуана Нивьера, точнее, биографический справоч-

ник «Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе, 1920 – 1995»ⁱ. Однако, когда я обратилась в Париже к Антуану с просьбой Александра Валентиновича, он с глубоким сожалением ответил, что более нет ни одного экземпляра и обещал, что если будет переиздание справочника, непременно передаст в Ригу...

Для меня лично Александр Гаврилин – один из тех людей, благодаря которым на протяжении десятилетий сохраняются ценности самосознания, свободы и человеческого достоинства. Нас с ним связывали и глубинное единомыслие, и общая культурная память, взаимное уважение и доверие, когда высказанное мнение (даже и не разделяемое собеседником), не может изменить отношения дружественности между людьми. Наше общение было открытым, свободным, – благодаря его мышлению, раздвигающему горизонты, тонкому чувству юмора. Конечно, нас соединял и архимандрит Виктор (Мамонтов), по этому духовному родству мы связаны нерасторжимыми узами, и я за многое благодарна Александру, о чем сейчас уместнее молчать. И, конечно, альманах «Христианос», где к 10-летию кончины митрополита Рижского и Латвийского Леонида (Полякова) в 2000 г., опубликована биография владыки Леонида, написанная А. Гаврилиным специально для альманаха.ⁱⁱ

Еще для меня Александр явил какой-то удивительный пример отношения к жизни и к смерти. Это очень важно осмыслить, чтобы жить наиболее полноценно. Проти-

востояние тяжелой, неизлечимой болезни позволяет человеку оценить сущность бытия. Готовы ли мы встретить жизнь лицом к лицу, со всеми ее страданиями, трагедиями, болезнями, смертью?..

Часто перед поездками на конференции я звонила Александру, обсуждала с ним темы, доклады, он иногда советовал, с кем я обязательно должна познакомиться, поговорить и пр. Последние годы мы общались, в силу сложившихся обстоятельств, по телефону или по электронной почте. Прочитав очередную номер альманаха «Христианос», Александр писал о своих впечатлениях, высказывал замечания к материалам. Зная о его бескомпромиссности, я понимала: если хвалит, стало быть, так и есть. Года три тому назад, позвонив ему перед поездкой в Италию, на конференцию в монастырь Бозе, и обсудив возможные встречи и пр., я услышала от него: «Я больше не выездной – врачи запретили. А вы обязательно должны увидеть озера Северной Италии! А во Флоренции вы были? Нет?.. Но вы обязательно должны посетить галерею Уффици, и храмы...» Все это он говорил бодро, заинтересовано, желая увлечь меня возможными открытиями в чудной стране Италии, куда сам уже не поедет...

Глядя в лицо надвигающегося, неизбежного, отнимающего все больше возможностей, он отвечал на это работой, мужественно продолжая начатое, не опуская рук ни перед чем. Понимая, что времени для завершения («Православие в Балтии», № 9) уже не остается, он не сдавался, работал по максимуму, и Господь в ответ на его веру, служение, помог довести этот выпуск до печати. Дай Бог нам научиться так смотреть в лицо жизни, и ощутив, в чем подлинное наше призвание, мы сможем быть продолжением его жизни, «...чтобы смертное поглощено было жизнью» (2 Кор 5:4).

ⁱ *Нивьер, Антуан*. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе, 1920 – 1995. Москва – Париж: Русский Путь – YMCA-PRESS, 2007.

ⁱⁱ *Гаврилин, Александр*. Биография владыки Леонида // Христианос-IX. Рига: ФИАМ, 2000. С. 323–326.

Рига, 08.10.2019

Размышления о моем друге

С профессором Александром Гаврилиным я познакомился в Латвийском Университете в 2008 году. С первой встречи мы подружились и начали тесное сотрудничество. У нас была общая вера, единый взгляд на мир и научные интересы. Мы оба были вовлечены в работу Международной организации православных ученых. Мы участвовали во многих научных конференциях и встречах. Профессор Александр был истинным знатоком истории православия в странах Балтии. Мы всегда слушали его выступления с большим интересом. С удовольствием я принял участие в работе редакции журнала «Православие в Балтии», бессменным редактором которого он был. Сам профессор много и активно публиковал свои работы. Даже в последние месяцы своей жизни он предоставил свои тексты для печати в нашей последней инициативе – журнале «Orthodoxi Evrópi. Studia do dziejów Kościoła prawosławnego w Europie Wschodniej. Rocznik Katedry Historii Europy Środkowo-Wschodniej». Он был полностью верен своим убеждениям, идеалам, был защитником православия. Я видел в нем образец человека, который наглядно показывал, как можно сохранить свое достоинство, национальность и веру, живя в диаспоре.

Профессор Александр Гавлинин был глубоко верующим человеком. Я помню его пребывание весной 2013 года в Белостоке. Мы посетили монастырь св. Антония и Феодосия Печерских в Одынках. Когда мы шли к монастырю через длинный деревянный мостик, окруженный водой, Александр сказал: «Посмотрите, что мы

видим на воде, на весеннем солнце, возле монастыря! Разве не чудо, что мы здесь в такой день? Этот монастырь и окрестности – дело Бога. Это место навсегда останется в моей памяти». Профессор запомнил монастырь на всю жизнь. Там он встретил архимандрита Гавриила, в лице которого нашел друга и единомышленника. Архимандрит переживал болезнь Александра и вспоминал его в своих молитвах. Мы вместе запланировали нашу следующую встречу. Думали посетить Александра в Риге. Но случилось по-другому. В ноябре 2018 года архимандрит Гавриил внезапно умер. Профессор тяжело переживал его смерть. Он не мог в нее поверить, и только фотографии с похорон заставили его признать печальную реальность. В то время он, вероятно, потерял надежду на свое исцеление.

Я сожалею, что не смог быть на похоронах Моего Друга. Известие о его смерти и жара ослабили мое сердце. Врачи запретили ехать в Ригу. Все это время я думал о нем, о его достижениях и о том, что он оставил после себя. Александр был выдающимся историком православной церкви, высоко ценимым во всем мире. Он опубликовал много работ по истории Церкви в Латвии, России и соседних странах. Его журнал «Православие в Балтии» нашел последователей. Он воспитал сотни своих учеников. У него осталась замечательная семья: жена и сын. Профессор пользовался признанием и уважением. Нам будет очень не хватать его. Однако я верю, что это признание и уважение к его личности навсегда останутся в нашей памяти и молитве.

Иван Петров,
кандидат исторических наук. Институт истории Санкт-Петербургского
государственного университета (Россия)

Три встречи с профессором Гаврилиным

Первое знакомство с профессором Латвийского Университета Александром Валентиновичем Гаврилиным у меня состоялось благодаря его трудам. Никогда не забуду, как в 2011 г., работая над текстом своей дипломной работы, одной из настольных книг на моем столе была монография Александра Валентиновича «Под покровом Тихвинской иконы Божией Матери», рассказывающая о перипетиях деятельности православного духовенства в Латвии через биографию владыки Иоанна (Гарклавса).

Наша первая встреча состоялась летом 2014 года, в Риге, у здания Латвийской Оперы. Беседа была неформальной, обсуждали вопросы церковные, нынешнее положение Православной Церкви в Латвии, профессор высказывал мне свое личное отношение ко многим вещам из истории и современности. Больше всего меня поразила в Александре Валентиновиче его открытость и невероятная смелость суждений. Воспитывавшийся российской научной школой, во многом копирующей по сей день традиции советских времен, я был просто поражен умением этого человека говорить откровенно. На большинство вопросов он мог отвечать «без купюр», и это с учетом того, что лично мы общались тогда впервые. В завершении профессор Гаврилин провел небольшую экскурсию по университету и угостил меня кофе в ближайшем кафе.

Мы договорились переписываться, и уже в сентябре месяце он отправил отзыв на мой автореферат. К сожалению, он не

дошел в срок. Но его текст у меня хранится до сих пор. Александр Валентинович был мастером умения скрыть недочеты, и даже в этом автореферате те вещи, которые не были доработаны до конца, он именова «опечатками».

Не забуду я и еще две наши встречи. Одна прошла в Санкт-Петербурге, куда профессор привез несколько десятков студентов Латвийского Университета. Посещала столь внушительная группа тогда три города: Псков, Великий Новгород и Санкт-Петербург. У него была невероятная задача: познакомить латвийских студентов с Россией, показать ее памятники и рассказать, что в ней есть не только атавизмы советского тоталитарного прошлого, но и величайшие памятники старины, православные святые, а самое главное – люди с независимым взглядом на прошлое и настоящее. Мне сложно судить, в какой мере удалось реализовать эту задумку. Об этом должны рассказать сами участники той поездки. Со своей стороны я хотел показать все, что мог, и организовать хороший прием гостей. Много так и осталось в планах: где-то времени не хватило, а где-то сил, к тому же очень многое споткнулось о главный бич современной России – вездесущую бюрократию. Однако самое главное – это то общение, которое произошло между мной, Александром Валентиновичем и некоторыми приехавшими в Петербург студентами и аспирантами.

Следующая встреча состоялась на международной конференции, проходившей в

Тарту. Тогда удалось достаточно скомкано обсудить вопросы церковной истории, никогда не забуду, как профессор комментировал практически каждый доклад, а также шутил на неформальном обеде.

Сейчас сложно поверить, что эта встреча оказалась последней. Еще несколько раз, в том числе на конференциях в Риге, я думал, что мы снова увидимся, но болезнь Александра Валентиновича брала свое. Мы продолжали переписываться, последнее письмо по электронной почте я отправил профессору за несколько месяцев до его ухода, он мне ответил. В Латвии я был в июне 2019 года, узнавал от своих знакомых о самочувствии профессора и передавал ему заочный поклон. Через день после отъезда из Латвии узнал о его кончине...

Профессор Александр Гаврилин для меня – это целый мир, мир церковной истории, человек с независимым взглядом и твердым характером. Он любил Россию, любил Латвию, не видя противоречия в этом, так как он питал чувства к той настоящей России, которая по сей день находится под «красной» маской. Также он для меня – это два замечательных изда-

ния – «Православие в Латвии» и «Православие в Балтии», журналы, где каждая статья тщательно отобрана и интересна, что является такой большой редкостью для современных научных изданий. «Православие в Балтии» – журнал о православии, но не журнал церковной «агиографии» или политики.

Еще профессор Гаврилин – это и мир огромного количества замечательных людей, с которыми я до сих пор общаюсь в Латвии. Все они кто прямо, а кто опосредованно связаны с Александром Валентиновичем и являются продолжателями его идей. После себя он оставил не только книги, научный журнал, концептуальный подход к церковной истории, он оставил целый мир научной жизни Латвии. Он объединял разных людей, людей с самыми разными взглядами. У каждого есть свое восприятие его личности, возможно у тех, кто знал его ближе или учился у него, сложилось иное мнение. Однако у меня оно такое. С ним ушла целая эпоха и история Православной Церкви потеряла своего бдительного и вдумчивого исследователя...

Православие в Балтии
№ 9(18)
Научно-аналитический журнал
Pareizticība Baltijā
Nr. 9(18)
Zinātniski analītisks žurnāls
The Orthodoxy in the Baltics
№ 9(18)
Scientific-Analytical Journal

Izdevējs: LU Filozofijas un socioloģijas institūts

Kalpaka bulvārī 4, Rīga, LV-1050

tālr. – 67034520 e-pasts – fsi@lza.lv www.fsi.lu.lv

Iespiests “Europrint”, Artilērijas ielā 40, k. 10, Rīga, Latvija, LV-1009